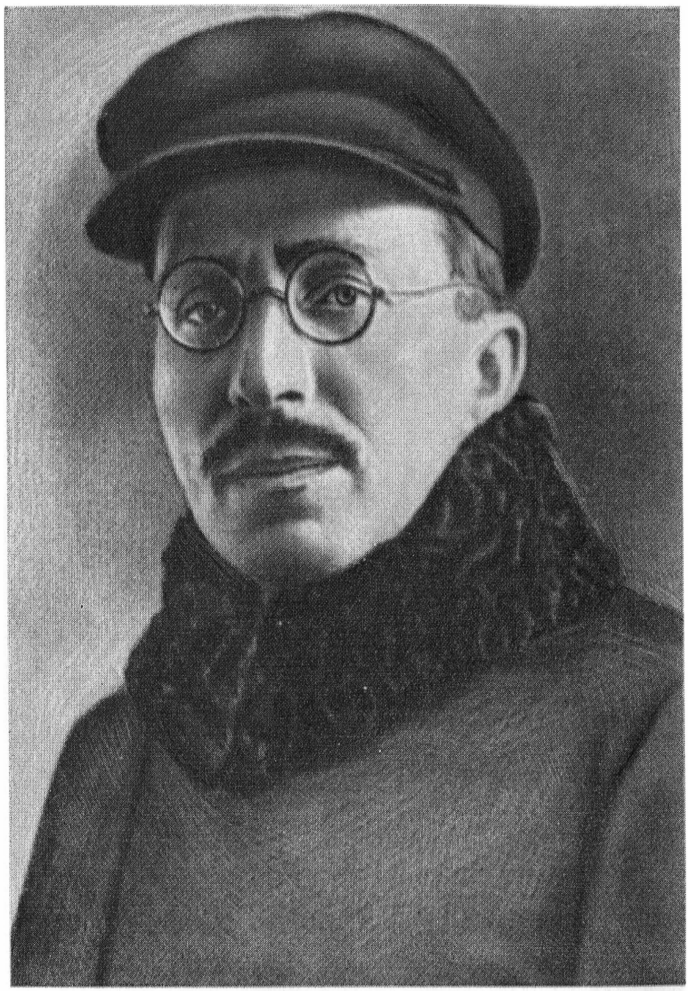
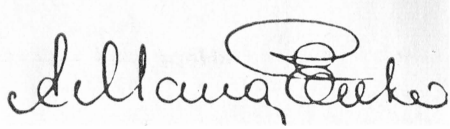
А. С. МАКАРЕНКО

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ





А. С. МАКАРЕНКО

ТРУДОВОЕ ВОСПИТАНИЕ

Минск
«Народная асвета»
1977

371.012
М 15

Печатается по изданию:
А. С. Макаренко. «Трудовое воспитание».
М., 1964

Составитель *Л. Ю. Гордин*

Макаренко А. С.
М15 Трудовое воспитание. Вст. статья Л. Ю. Гордина. Мн., «Нар. асвета», 1977.
256 с. с ил.
На обороте тит. л. сост. Л. Ю. Гордин.

Переиздаваемый сборник объединяет наиболее важные работы А. С. Макаренко по трудовому воспитанию детей. В первой части помещены теоретические работы. Основная проблема первых семи статей — соединение обучения с производительным трудом. В следующих четырех статьях рассматриваются вопросы организации детского коллектива в труде. Последние работы посвящены проблемам детского труда в общественном и семейном воспитании. Во второй части — отрывки из художественных произведений, являющиеся образной иллюстрацией основных положений теоретических работ сборника.

В приложении даны примечания и хронологическая справка о развитии производства в колонии им. А. М. Горького и коммуне им. Ф. Э. Дзержинского. — Список лит.: с. 253—254.

М $\frac{60300\text{-}006}{М\ 303(05)77}$ 110-77 371.012

Система трудового воспитания в опыте и воззрениях А. С. Макаренко [1]

XXV съезд КПСС дал глубокий марксистско-ленинский анализ современных проблем экономического, социального и культурного развития нашего общества, раскрыл тесную взаимосвязь многообразных задач коммунистического строительства, обосновал необходимость комплексного подхода к их решению. Съездом намечены перспективы планомерного движения нашего общества: «...к дальнейшему повышению благосостояния советских людей, улучшению условий их труда и быта, значительному прогрессу здравоохранения, образования, культуры — ко всему, что способствует формированию нового человека, всестороннему развитию личности, совершенствованию социалистического образа жизни» [2].

Воспитание подрастающего поколения в условиях развитого социализма неразрывно связано с революционными, боевыми и трудовыми традициями партии и народа. Поэтому решение современных задач коммунистического воспитания подрастающего поколения немыслимо без учета богатейшего опыта советской школы и педагогики в целом. Особо важное значение имеет изучение опыта школы и других воспитательных институтов 20—30-х годов, в создании которых видная роль принадлежала плеяде выдающихся партийных и государственных деятелей, соратников В. И. Ленина, а также многим известным педагогам. К числу последних принадлежит и Антон Семенович Макаренко (1888—1939). Его труды и в

[1] Вступительная статья написана специально для данного издания сборника.

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 40.

наши дни не утратили своей актуальности, популярны и любимы в самой широкой среде читателей.

В первые годы Советской власти школа, в строительстве которой А. С. Макаренко принял деятельное участие, в государственных документах называлась «единой трудовой». Это означало, что дети трудящихся будут получать единое в своей основе, подлинно научное образование. Главным содержанием жизни школьников наряду с обучением основам наук должен был стать труд, а ведущей формой их сплочения в борьбе за построение социализма — спаянный товариществом целеустремленный коллектив. Единая трудовая школа была призвана решать задачи обучения и воспитания учащихся в тесной связи с жизнью социалистического Отечества, в труде на благо народа. В творческом поиске конкретных путей наиболее полной реализации принципов единой трудовой школы А. С. Макаренко шел в том же направлении, что и педагогические коллективы Болшевской трудовой коммуны, организованной М. С. Погребинским, школы имени Ф. М. Достоевского, где заведующим был В. Н. Сорока-Росинский, Одесского школьного городка, которым руководили С. М. Ривес и Н. М. Шульман, школы-коммуны имени П. Н. Лепешинского, возглавляемой М. М. Пистраком.

Когда мы говорим о системе трудового воспитания в опыте и воззрениях А. С. Макаренко, то имеем в виду не какую-то изолированную систему идей, выросшую из непосредственной практики педагога-новатора. Нельзя также представлять эту систему как нечто раз и навсегда сложившееся и неизменное на протяжении всех шестнадцати лет работы Макаренко в колонии имени М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Для понимания развития опыта и воззрений Макаренко в области трудового воспитания необходимо рассматривать их в тесной взаимосвязи с практической деятельностью и взглядами других видных педагогов того времени. Только тогда можно будет понять как то общее, что объединяло Макаренко и его коллег-современников, так и то особенное, что было присуще только ему. Важно также иметь в виду, что марксистско-ленинская педагогика в 20—30-е годы находилась в процессе становления, и воззрения многих деятелей просвещения претерпевали сложную эволюцию, а взгляды некоторых из них не были свободны от

ошибок и заблуждений. Поэтому к характеристике опыта и взглядов А. С. Макаренко в области трудового воспитания (как и педагогического наследия в целом) нельзя подходить без учета их развития.

В сентябре 1920 г. Макаренко был назначен заведующим колонией для малолетних правонарушителей под Полтавой. Война, голод, разруха, перемещение огромных масс населения — все эти бедствия породили беспризорность многих тысяч детей. Партия, несмотря на колоссальные трудности, мобилизует на борьбу против беспризорности все возможные средства, привлекает к этой борьбе лучших педагогов.

Начало работы Макаренко в колонии совпало по времени с чрезвычайно важным для всего последующего развития советской школы и педагогики выступлением В. И. Ленина на III съезде РКСМ (2 октября 1920 г.). Работавший в колонии агроном Н. Э. Фере (в «Педагогической поэме» Шере) вспоминал, что Макаренко часто перечитывал эту речь вождя, обсуждал основные ее положения со своими коллегами [1]. Особенно важным для формирования педагогических воззрений А. С. Макаренко было указание В. И. Ленина молодежи: «...все задачи своего учения ставить так, чтобы каждый день в любой деревне, в любом городе решать практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую» [2].

Первые же месяцы работы в колонии показали Антону Семеновичу, что, не привлекая воспитанников к решению практических, близких и понятных им самим жизненных задач, нельзя пробудить в них страсть к труду на общую пользу. Читатели «Педагогической поэмы», в которой запечатлены основные этапы развития опыта колонии, хорошо помнят, что первые успехи колонистов были связаны с такими практическими общественно значимыми делами, как охрана государственного леса от хищнических порубок, борьба против самогоноварения на окрестных кулацких хуторах, ремонт жилого дома, работа в мастерских, организация сельскохозяйственного производства и пр.

---

[1] См.: Фере Н. Э. Мой учитель. М., 1953.
[2] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 318.

Необходимость удовлетворения первых жизненных потребностей — иметь пищу, топливо, одежду и т. п.— помогла Антону Семеновичу сравнительно быстро и легко включить первых воспитанников колонии (с весны 1921 г. она стала носить имя М. Горького) в хозяйственные заботы о своем коллективе, в несложные трудовые процессы по самообслуживанию. Оказалось, что многие из ребят не питают отвращения к труду, умеют работать весело, с огоньком. Но работа сама по себе еще не накладывала заметного отпечатка на моральный облик колонистов: грубость, воровство, азартные игры и пьянство не прекращались. Не приносил желаемых результатов и ремесленный труд в мастерских колонии — сапожной, столярной, кузнице, где воспитанники работали рядом друг с другом, но не были еще спаяны коллективным трудом. В мастерских каждый колонист производил определенную индивидуальную продукцию. Коллективный же труд — это работа, объединяющая усилия всех в общем результате, совокупном продукте. Чтобы коллектив стал социалистическим, формирующим нужный нашему обществу тип личности, необходимо было включить труд воспитанников в систему социалистических производственных отношений.

Такое понимание задач коллектива пришло к Макаренко не сразу. Подобно многим своим современникам он пережил на первых порах работы в колонии увлечение самообслуживанием как своего рода «педагогической панацеей», ремесленничеством, «трудовыми процессами», рассматривая их независимо от тех отношений, в которых протекал труд. «Я был когда-то сторонником «трудовых процессов»,— вспоминал Антон Семенович в последнем своем выступлении перед учителями 29 марта 1939 г.— Мы все считали, что в трудовых процессах ребенок дает выход своим трудовым инстинктам. Я тоже думал, что трудовой процесс нужен для придания ребенку трудового колорита. В дальнейшем я понял, что ребенок должен учиться какому-то производительному труду, добиваться какой-то квалификации.

Мы, педагоги, теоретически залетали очень высоко, а практически были очень низко. Думали, что дадим нашему ребенку хорошую квалификацию, а на самом деле давали такую, при помощи которой ребенок мог сделать плохую табуретку, готовили швею, которая могла сшить

только трусики. Я сам переживал чувство некоторого пафоса, когда мне хорошо чинили ботинки, шили трусики и плохо делали табуретку. Потом я избавился от этого педагогического предрассудка» [1].

Исходя из конкретных условий и возможностей колонии, А. С. Макаренко берет курс на создание коллективного сельскохозяйственного производства, способного давать товарную продукцию. В избранном им направлении проявилась общая прогрессивная тенденция развития единой трудовой школы того времени, о чем позднее писала Н. К. Крупская: «Вопрос о введении обучения труду в школах, притом **труду не ремесленному, а стоящему на высоте современной техники,** с самого же начала стал боевым вопросом» [2].

В организации коллектива колонии сравнительно скоро появились «счастливые находки», в их числе такие важные, как развитие самоуправления, создание сводных отрядов. Но в области собственно производственной дело долго не ладилось. Слишком уж бедным и запущенным было хозяйство, полученное в «наследство» от дореволюционной колонии для малолетних преступников. Кроме того, нужны были и специальные знания, умение вести сельское хозяйство экономически выгодно. Поэтому опыт первых трех лет колонии имени М. Горького — опыт мучительных поисков и героической борьбы с трудностями и лишениями. И хотя вначале огромные затраты труда не давали желаемых результатов, в этой борьбе маленький коллектив горьковцев закалился, окреп и стал тем ядром, которое легло в основу будущего выросшего коллектива колонии, а впоследствии и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского.

Перелом в хозяйственной жизни колонии наметился в 1924 г., когда горьковцы в основном ликвидировали следы разрухи в своем хозяйстве. К этому времени в колонии уже работал агроном Фере, ставший надежным помощником А. С. Макаренко в организации коллективного сельскохозяйственного производства социалистического типа.

К 1925—1926 гг. хозяйство колонии достигает довольно высокого для того времени уровня, становится много-

---

[1] Наст. сб., с. 79.
[2] Крупская Н. К. Пед. соч., т. 11, с. 629

отраслевым (зерновые культуры, животноводство, овощеводство, садоводство, цветоводство, пчеловодство), что вполне отвечало требованиям передовой агрономии тех лет. На ферме было 150 породистых свиноматок, а пшеница была такая, что местные крестьяне приходили на нее любоваться. Благодаря личным усилиям Антона Семеновича и его ближайших помощников колонисты с увлечением начинают выполнять сельскохозяйственные работы, широкий размах приобретает опытничество, развертывается социалистическое соревнование за повышение производительности труда.

И раньше колонисты работали много, большинство из них умело трудиться, а некоторые хорошо знали особенности нелегкого сельскохозяйственного труда. Но теперь, когда труд горьковцев стал коллективным, творческим, когда хозяйство колонии стало хорошим примером во всей окрестности, воспитанники по-настоящему полюбили и землю, и сельскохозяйственный труд. Систематический труд в рентабельном хозяйстве, приносившем колонии немалый доход, был также и экономической основой разносторонней культурной жизни. Клуб, кино, оркестр, кружки, театр, спорт, походы, библиотека, стипендии всем выпускникам колонии, поступившим на рабфак, красивые праздничные костюмы — все это и многое другое было бы в то время менее доступным, если бы не производительный труд колонистов.

Однако, ошибкой было бы оценивать опыт трудового воспитания в колонии имени М. Горького однозначно, выдавая его за некий безупречный образец. Надо учитывать, что такие неблагоприятные условия, как острая материальная нужда в первые годы, окружавшие колонию мелкособственнические хозяйства с мещанской, обывательской психологией и моралью их обитателей, наконец, тяжелое прошлое значительной части воспитанников затрудняли педагогический процесс, выдвигали нередко на первый план задачу перевоспитания. И сам Макаренко шел в те годы еще во многом неизведанными путями.

На опыте работы в колонии он глубоко осознал вред отдельных попыток, имевших место в воспитательных учреждениях тех лет, подменить трудом все многообразное содержание педагогического процесса. С момента, когда производство в колонии стало рентабельным, Антон Семенович неуклонно стремится к его научной орга-

низации, развитию сельскохозяйственного опытничества, чтобы пробудить у горьковцев потребность в знаниях. Рабочий день колонистов, поначалу длившийся по крестьянской традиции «от зари до зари», особенно в дни страды, постепенно сокращается, появляется необходимое время для учебы в школе, активного участия в общественной деятельности, различных формах организации досуга. Производительный труд горьковцев в организованном на социалистических началах хозяйстве все больше подчинялся педагогическим целям, сочетался с обучением в неполной средней школе и многообразными видами творческой деятельности. Именно на этой основе складывалась система трудового воспитания в колонии имени М. Горького на заключительном этапе ее работы (1927—1928 гг.).

Работая в колонии, А. С. Макаренко пришел к твердому убеждению, что «хозяйство должно рассматриваться нами прежде всего как педагогический фактор. Его успешность, конечно, необходима, но не больше всякого другого явления, полезного в воспитательном отношении. Проще говоря, в хозяйстве должны превалировать педагогические задачи, а не узкохозяйственные» [1]. Такой точки зрения придерживались Н. К. Крупская и другие передовые педагоги тех лет.

Антон Семенович сравнительно быстро установил, что участие колонистов в производительном труде, даже на примитивной ремесленной основе, дает в воспитательном отношении неизмеримо больший эффект, чем самообслуживание. «Ничтожное мотивационное значение работ по самообслуживанию, значительная утомляемость, слабое интеллектуальное содержание работы уже в самые первые месяцы разрушили нашу веру в самообслуживание» [2]. Однако утрата веры в самообслуживание как некое универсальное воспитательное средство не привела Макаренко к отрицанию его необходимости вообще. Подвергнув резкой критике взгляды педагогов, проповедовавших идею «полного самообслуживания» и «самооборудования», идеализировавших своеобразную «робинзонаду», А. С. Макаренко в своем опыте пришел к органическому включению самообслуживания в систему трудового вос-

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. I, с. 697.
[2] Наст. сб., с. 41.

питания и организацию всего педагогического процесса. Восприняв лучшие черты практики самообслуживания в единой трудовой школе (массовость и обязательность, охват различных сторон жизни коллектива, связь с самоуправлением), А. С. Макаренко сумел в своем опыте развить и углубить эти черты, освободиться от педагогических ошибок, типичных в 20-е годы. В частности, следует отметить, что в опыте колонии имени М. Горького и особенно коммуны имени Ф. Э. Дзержинского в организации самообслуживания широко применялось социалистическое соревнование, способствовавшее активизации труда воспитанников, повышению их интереса к зачастую однообразной и малосодержательной работе. Следует отметить также гибкую систему единых требований к организации самообслуживания в каждом из видов деятельности коллектива, глубоко продуманное планирование любой предстоящей работы, пристальное внимание к обеспечению воспитанников необходимыми орудиями труда, материалами и к их распределению. Наконец, Макаренко придавал важное значение обучению ребят рациональным навыкам труда по самообслуживанию, привитию им творческого и, главное, ответственного отношения к любому, казалось бы, простейшему поручению. Не случайно Антон Семенович писал в «Педагогической поэме»: «Вот эта именно штука — ответственность за уборку, и за ведро, и за тряпку — есть для меня технологический момент... на нем обтачиваются крепежные части для важнейшего человеческого атрибута: чувства ответственности. Без этого атрибута не может быть коммунистического человека, будет «некомплект» [1].

Таким образом, уже в опыте колонии имени М. Горького получили развитие такие важнейшие компоненты системы трудового воспитания, как участие воспитанников в производительном труде, включенном в социалистические производственные отношения; организация коллективного самообслуживания, направленного на удовлетворение многообразных нужд своего коллектива; тесно связанная с сельскохозяйственным производством опытническая работа колонистов. Трудовое воспитание осуществлялось также в деятельности различных технических кружков, объединений клубного типа, таких, как,

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. I, с. 559—560.

например, театр колонии, ставший центром культурной жизни десятков окрестных деревень, хуторов и рабочих поселков. Подготовка спектаклей, которые ставились каждую неделю и для которых нужны были новые декорации и костюмы (не говоря уже о репетициях) требовала участия в специальных «театральных сводных отрядах» всех без исключения колонистов. «Театр в колонии, — писал Макаренко, — это такое же дело, как и сельское хозяйство, как и восстановление имения, как порядок и чистота в помещениях» [1].

Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского была открыта 29 декабря 1927 г. В январе 1928 г. в пользование коммуны был передан совхоз «Красные зори». Однако коммуна отказалась от организации сельскохозяйственного труда воспитанников. В условиях происходившей в то время в стране социалистической индустриализации перед А. С. Макаренко раскрывались новые широкие горизонты. Кроме того, коммуна находилась на окраине индустриального Харькова, что создавало возможность принципиально новой организации ее производства. Макаренко берет курс на создание передового для того времени предприятия. Такая перспектива возникает уже на втором году жизни коммуны, однако путь к новой цели был для коллектива коммунаров нелегким. Тем не менее, педагогический процесс в коммуне с самого начала протекал в нормальных для детского учреждения условиях: прекрасное, построенное на средства чекистов (шефов коммуны), здание, достаточные ассигнования на питание, одежду, культурные нужды. Вместе с Антоном Семеновичем в коммуну пришли 60 горьковцев — ядро будущего коллектива. Они принесли с собой богатейший опыт колонии, на который можно было смело опереться.

Начав организацию производительного труда воспитанников коммуны в традиционных мастерских ремесленного типа, А. С. Макаренко сравнительно быстро создает на несовершенной материальной основе цехи полукустарного производства, что дает возможность ввести разделение рабочих операций, начать организацию социалистического соревнования между цехами, привлечь коммунаров к управлению производственной деятельностью, поднять производительность труда, создать типичные для

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. I, с. 274.

трудового коллектива отношения. От выполнения отдельных случайных заказов коммуна переходит к систематическому выпуску массовой продукции. С 1930 г. производство в коммуне становится хозрасчетным: вводится зарплата для коммунаров, постепенно коммуна переходит на полную самоокупаемость.

Макаренко говорил, что хозрасчет, деньги в наших советских условиях при правильной педагогической постановке дела могут стать хорошими воспитателями. «Мы даем детскому или юношескому коллективу школу, рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности» [1]. Однако необходимо иметь в виду, что зарплату он ввел лишь на определенном этапе жизни коллектива, когда производство в коммуне стало рентабельным и для дальнейшего своего развития нуждалось в личной материальной заинтересованности воспитанников. Признавая положительное в целом воспитательное значение зарплаты, Антон Семенович видел и ее возможные вредные последствия, например, развитие эгоистических, хищнических устремлений отдельных воспитанников. Поэтому он разработал специальную систему педагогического руководства распределением заработанных коммунарами денег.

Из зарплаты коммунаров удерживалась полная стоимость их содержания в коммуне. Остальные деньги распределялись так: четвертая часть отчислялась на содержание младших коммунаров; четвертая часть — на сберкнижку коммунара, откуда деньги до выхода из коммуны не выдавались; одна восьмая — в фонд совета коммунаров, где деньги обобществлялись и расходовались на выплату премий, стипендий, организацию походов и т. п.; наконец, остальные три восьмых были личными карманными деньгами воспитанника, которые хранились в кассе коммуны и выдавались по мере необходимости. Такой порядок распределения зарплаты, узаконенный общим собранием коммунаров, не был достигнут сразу и складывался постепенно, но тенденция развития здесь ясна: усиление коллективной материальной заинтересованности воспитанников. При этом условии зарплата становилась одним из средств воспитания коммунистического отношения к труду.

---

[1] Наст. сб., с. 54.

Переход от мастерских ремесленного типа к цехам производства, хотя и полукустарного, позволил добиться более четкого разделения труда, смены занятий и специальностей, а вместе с тем — и повышения его производительности. «Я убедился,— говорил Макаренко,— что каждый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя, наконец, к сложнейшим операциям — сборка и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым для широкого общественного производства, а не для кустарного» [1].

Объективные требования развернувшейся в стране индустриализации, призыв партии к молодежи овладевать техникой, начавшаяся повсеместно великая стройка первой пятилетки — все это подтверждало правильность и необходимость организации в коммуне передового производства. Когда в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского были построены два первоклассных завода по производству электроинструмента и пленочных фотоаппаратов (продукции, ранее приобретавшейся за границей), Антону Семеновичу стоило огромных усилий отстоять четырехчасовой рабочий день для коммунаров. Некоторые хозяйственники, не желавшие вникать в сущность воспитательной системы коммуны, были не прочь свернуть работу коммунарской общеобразовательной школы, ставшей уже десятилеткой, свести до минимума всю клубную работу и поставить коллектив в условия обычного производства.

«...Утверждение, что никакого воспитания не нужно, что воспитывает только работа на производстве — одна из завирательных идей, которыми так полна педагогическая кустарщина,— писал Макаренко.— Подобных скороспело изобретенных, на вид даже революционных, а на самом деле затасканных мещанских «педагогических» афоризмов я наслышался достаточно. Скажите, кому нужна была именно тысяча сверлилок, если для этого нужно ввести двенадцатичасовой день, разрушить всю

[1] Наст. сб., с. 67—68.

коммунарскую организацию, покончить с книжкой и всякой другой культурной работой, перемешать день с ночью, а некоторых прямо вогнать в туберкулез?»[1] Напряженные производственные планы, которые должны были выполнять воспитанники коммуны, препятствовали усилиям А. С. Макаренко широко осуществлять многообразные связи труда с образованием и другими видами творческой деятельности. Однако первые шаги в осуществлении соединения образования с трудом были сделаны коллективом коммуны.

«Мы желаем воспитать культурного советского рабочего,— говорил Макаренко в 1932 г. в связи с пятилетием коммуны,— следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря, он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом»[2]. Эта предельно ясная программа воспитания человеческой личности, во многом актуальная и в наши дни, могла быть реализована, по мнению А. С. Макаренко, лишь в условиях такой жизни воспитательного коллектива, которая включала бы в себя обучение в средней школе, участие в труде в сфере передового промышленного производства, активную общественно-политическую и многообразную творческую деятельность.

Таким образом, важное отличие опыта Макаренко от опыта многих других педагогов того времени состояло в том, что он сумел от примитивного самообслуживания, от ремесленных полукустарных мастерских и надуманных «комплексов» трудового обучения (чем по преимуществу вынуждена была ограничиваться массовая школа в силу материальных затруднений и неразработанности теории и методики трудового обучения и воспитания) перейти к педагогически целесообразной организации коллективного общественно производительного труда воспитанников в условиях передового социалистического

---

[1] Сб. «Макаренко А. С. К 75-летию со дня рождения». М., 1963, с. 122—123.

[2] Наст. сб., с. 51.

производства. А. С. Макаренко, естественно, не мог в коммуне (тем более в колонии) целиком подчинить труд решению учебно-воспитательных задач и добиться органического его включения в целостную педагогическую систему. Однако он стремился к этой цели. Вот почему особый интерес сегодня представляет опыт организации в коммуне производственного обучения, введение в круг обязательных школьных программ ряда технических предметов: технологии производства, электромеханики, организации производства, технического черчения, благодаря чему появлялись своего рода «мостики» между теорией и практикой, обучением и участием в труде на благо народа.

Характерно, что в период, когда коммунары начали работать на заводах электроинструмента и фотоаппаратов, наиболее привлекательной перспективой для них стало образование. Школа-семилетка уже не удовлетворяет возросших потребностей большинства из них, и в коммуне открывается рабфак машиностроительного института. У коммунаров появились большие перспективы работы в условиях современного производства. Благодаря тесной внутренней связи производительного труда с образованием усиливается воспитательная роль и труда, и учения. Расширение общеобразовательного и технического кругозора коммунаров повышает их производственную активность, помогает проявлять инициативу в управлении всеми делами производства и коммуны в целом. В это время А. С. Макаренко отмечает необычайно возросшую роль комсомольской организации во всех делах коммуны, в первую очередь в производственной деятельности.

Условия современного серьезного производства, отмечал Макаренко, облегчали педагогическую работу в коммуне и делали реально достижимыми такие идеалы, о которых раньше можно было только мечтать. В 1934 г. открывается полная средняя школа-десятилетка, окончание которой стало обязательным для всех коммунаров. Одновременно создаются курсы по подготовке в вузы и курсы по повышению технической квалификации, а несколько позднее — свой техникум. Из коммуны выходили люди с полным средним образованием и квалификацией рабочих наиболее высоких разрядов металлообрабатывающих и оптических специальностей. Большинство

этих людей затем успешно оканчивали техникумы и вузы, становились мастерами, инженерами, командирами производства, агрономами, врачами, педагогами, юристами, военными специалистами. «Оказалось, что процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом, и выходят высококвалифицированные люди» [1].

Уже первые исследователи опыта А. С. Макаренко называли в качестве важнейшего положения воспитательной системы коммуны организацию коллектива воспитанников в общественно полезном труде [2]. Действительно, для воспитательной системы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского была характерна организация всей жизни коммунаров как жизни целеустремленного коллектива, сочетающего в своей деятельности высокие права с высокой ответственностью и дисциплиной, живущего по принципу «все за каждого и каждый за всех», строящего свою работу на коммунистических началах, устанавливающего высоконравственные, подлинно гуманные отношения между своими членами.

Другой важной чертой воспитательной системы коммуны было обогащение жизни коллектива всем, что дает социалистическая действительность для всестороннего развития способностей и дарований каждой формирующейся личности. Не только сочетание учебы с трудом, но и активная общественно-политическая деятельность, работа клуба коммуны, разнообразных технических и гуманитарных кружков, театральной, музыкальной и изобразительной студий, спорт, туризм, увлекательные путешествия по всей стране, организация культурного быта — все это составляло основу развития разнообразных духовных потребностей воспитанников.

Не менее характерной чертой воспитательной системы коммуны была постоянная и тесная связь с жизнью всей советской молодежи, всего народа, строящего социализм. Коммуна была не замкнутым в рамках своих внутриколлективных интересов учреждением закрытого

---

[1] Наст. сб., с. 80.

[2] См. вступительную статью в кн.: «А. С. Макаренко. Избранные педагогические произведения». Сост. И. Ф. Козлов. Под ред. Е. Н. Медынского и И. Ф. Свадковского. М., 1946, с. 11—16.

типа, а одним из передовых отрядов строителей социализма. Связи коллектива дзержинцев с другими коллективами особенно обогатились, когда заводы коммуны стали выпускать продукцию, необходимую во многих отраслях народного хозяйства. Различные формы шефства, переписка, обмен делегациями с коллективами рабочих, студентов, строителей, воинскими частями, научными учреждениями, представителями творческой интеллигенции — все это помогало дзержинцам постоянно ощущать биение пульса Родины, быть на передовых рубежах борьбы за счастье народа.

Таким образом, в опыте коммуны имени Ф. Э. Дзержинского мысль Макаренко о необходимости рассматривать труд в органическом единстве с другими компонентами содержания педагогического процесса приобрела подлинную глубину и научную стройность.«...Труд без идущего рядом образования, без идущего рядом политического и общественного воспитания не приносит воспитательной пользы, оказывается нейтральным процессом. Вы можете заставить человека трудиться сколько угодно, но если одновременно с этим вы не будете его воспитывать политически и нравственно, если он не будет участвовать в общественной и политической жизни, то этот труд будет просто нейтральным процессом, не дающим положительного результата» [1]. Эта идея целостности воспитательного процесса, органически присущая всей марксистско-ленинской педагогике, получила яркое и убедительное воплощение в опыте и теоретических воззрениях А. С. Макаренко. Она и сегодня чрезвычайно актуальна, созвучна выдвинутому на XXV съезде КПСС положению о комплексном подходе к процессу коммунистического воспитания, т. е. о необходимости осуществления тесного единства идейно-политического, нравственного и трудового воспитания.

В опыте коммуны имени Ф. Э. Дзержинского компоненты системы трудового воспитания, сложившиеся ранее в колонии имени М. Горького, получили дальнейшее развитие, обогатились и существенным образом дополнились. Изменилось и соотношение этих компонентов в общей системе: значительно возросла доля участия воспитанников в производительном труде, результаты кото-

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. V, с. 112.

рого предназначались для удовлетворения потребностей всего общества, социалистического строительства; соответственно сократилась доля труда по самообслуживанию, направленного на удовлетворение непосредственных потребностей своего коллектива (производство продуктов питания, предметов одежды, топлива, строительство и ремонт жилища и т. п). Поскольку содержание и организация труда на заводах коммуны стали более сложными, чем сельскохозяйственное производство в колонии, в коммуне значительное место было отведено производственному обучению, системе повышения квалификации и аттестации воспитанников по сетке рабочих разрядов. Соответственно усилилась политехническая направленность преподавания как предметов общеобразовательных циклов, так и предметов, преподаваемых в процессе производственного обучения, укрепилась связь обучения с трудом, теории с практикой.

Производственное обучение дополнялось широкой сетью технических кружков, в которых в соответствии с индивидуальными склонностями, интересами занимались воспитанники коммуны, и деятельностью универсальной свободной мастерской. В этой мастерской каждый дзержинец имел возможность в свободное время делать все, что ему хотелось из любых материалов: металла, дерева, стекла, резины, кожи и т. п. Антон Семенович придавал свободной мастерской особое значение для психологической подготовки к труду на широкой политехнической основе младших воспитанников коммуны — подростков в возрасте 11—13 лет. Он был противником ранней специализации детей и считал, что участие подростка в производственном труде ни в коей мере не должно приковывать его к определенной профессии, подчиняющей себе развитие умственных и физических способностей. Поэтому главное в такой мастерской, по мнению Макаренко, это не станки, а разнообразие инструментов и материалов, возможность свободного выбора занятий в соответствии с индивидуальными склонностями каждого воспитанника.

А. С. Макаренко был противником фетишизации кустарного ручного труда, однако придавал большое значение развитию у ребят многообразных умений и навыков трудовой деятельности, связанных с различными ручными операциями: точностью глазомера, рабочей хваткой, т. е. всем тем, что входит в образное понятие «золотые руки».

Коммунары, работая на производстве и обучаясь в школе, одновременно с интересом занимались моделированием, изготовляли по заказам учебных кабинетов и технических кружков всевозможные приборы, театральные декорации, оборудование для работ по самообслуживанию, учебные пособия и многое другое. В цехах завода в свободное от работы время коммунар мог изготовить на любом станке (с разрешения начальника цеха) необходимую сложную деталь. В процессе и в результате всей этой разнообразной и сложно организованной деятельности достигалось то «соединение головы с руками» (И. П. Павлов), которое способствует высшему развитию духовных и физических способностей человека, удовлетворению его потребностей.

Наряду с оплачиваемым производительным трудом и самообслуживанием в коммуне получает широкое развитие и безвозмездный общественно полезный труд в порядке шефства. Коммунары помогали колонии имени М. Горького, подшефному хутору Шишовка, расположенному недалеко от Харькова, охотно откликались на призывы многочисленных харьковских предприятий, с которыми были связаны многолетними деловыми и дружескими отношениями. В период строительства заводов коммуны такой шефский труд приобретает особый размах: коммунары прокладывают шоссе от большой автомагистрали до местечка Песочин, где находилась коммуна, проводят множество штурмовых дней и ночей на возведении цехов, спален, клуба.

Таким образом, для системы трудового воспитания в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского характерно гармоничное сочетание многих компонентов, взаимно дополняющих друг друга и по содержанию и характеру трудовой деятельности воспитанников, и по целевому назначению результатов этой деятельности, и по степени заинтересованности коммунаров в результатах труда, и по его обязательности или, напротив, избирательности. Такое богатое содержание трудового воспитания, естественно, требовало и многообразия организационных форм. Так, только для руководства всей сложной и многообразной деятельностью коммунаров по самообслуживанию были созданы три постоянные комиссии: санитарная, хозяйственная и столовая, избиравшиеся на общем собрании на полгода. Каждая из комиссий ежедневно по графи-

ку назначала своего дежурного, который обязан был следить за соблюдением установленных норм и режимом в определенной области быта коммуны. Кроме постоянных, создавались также комиссии по подготовке к знаменательным датам, революционным праздникам. Первомайская комиссия, например, избиралась на общем собрании в феврале. Объем ее забот был настолько велик, что двух с лишним месяцев едва хватало на все организационные и хозяйственные хлопоты [1].

Значительное внимание Макаренко уделял организации первичных трудовых коллективов, в которых коммунары находились в постоянном деловом и дружеском общении друг с другом. Если в учении наиболее целесообразной формой организации Антон Семенович считал обычный класс, то в производительном труде и других видах систематической трудовой, общественно полезной деятельности он отдавал предпочтение постоянному разновозрастному отряду, а в видах деятельности, носящих характер единовременного рабочего задания,— сводному отряду, который формировался обычно лишь на время выполнения того или иного поручения. Сочетание этих форм организации первичных коллективов в жизни коммуны способствовало формированию тех отношений, которые являются одним из важных условий подлинно коммунистического воспитания молодежи.

Очень большое значение придавал А. С. Макаренко вопросу о стимулах трудовой деятельности детей. Как известно, марксизм-ленинизм рассматривает труд как один из важнейших стимулов развития общества и самого человека. «Сначала труд, а затем и вместе с ним членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влиянием которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий мозг...» [2],— писал Ф. Энгельс в «Диалектике природы». Однако, возникнув на заре человечества, процесс труда в дальнейшем развивался под влиянием таких объективно присущих обществу стимулов, как разделение трудовых операций и организация трудовых процессов, распределение и потребление результатов труда, соревнование и т. п. Объективные отношения, в которые люди вступают в процессе труда с

---

[1] См.: Макаренко А. С. Соч., т. II, с. 111—112.
[2] Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 490.

природой и друг с другом, отражаясь в их сознании, выступают в качестве разнообразных идеальных стимулов трудовой и иной общественно необходимой деятельности. В качестве последних можно назвать цели, которые ставят перед собой люди в процессе труда, оценку его результатов, контроль за распределением и потреблением этих результатов, а также ряд внутренних стимулов, присущих нравственному сознанию человека: ответственность, долг, честь, совесть. Следует отметить, что, организуя всевозможные виды трудовой деятельности воспитанников, Макаренко широко опирался на многообразные материальные и идеальные стимулы, присущие социалистическому обществу, передовому советскому коллективу.

Антон Семенович понимал, что в условиях серьезного производства, дающего товарную продукцию, процесс труда сам по себе далеко не всегда может стать источником морального удовлетворения и эстетического наслаждения человека. Особенно это было ощутимо в период, когда воспитанники коммуны имени Ф. Э. Дзержинского работали в цехах, базировавшихся на основе традиционных ремесленных мастерских. «По сложности работы кроватный угол немногим отличался от трусиков, которые изготовляла швейная мастерская. В столярной мастерской производились более сложные и громоздкие вещи: аудиторные и чертежные столы и стулья, но и здесь особенной техникой не пахло... В самом содержании производственной работы было очень мало интересного для коммунаров» [1].

У воспитанников, не привыкших к систематическому трудовому усилию и не обладающих сколько-нибудь развитым чувством долга, такая работа, естественно, вызывала сопротивление, что видно на примере с Игорем Чернявиным («Флаги на башнях», глава «Проножки») [2] или Вандой Стадницкой («Петли») [3]. К подобным членам коммуны у коллектива было особое отношение. Воспитанника не принуждали работать, напротив, к нему проявляли повышенное внимание, могли, например, предложить усиленное питание и т. п. В действительности же эта игра была формой проявления общественного мне-

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. II, с. 197.
[2] См. наст. сб., с. 193.
[3] Там же, с. 197.

ния коллектива, ставившего каждого дзержинца в такие условия, когда он должен был решать: или работать со всеми, или уходить.

Антону Семеновичу в свое время пришлось немало претерпеть от интеллигентски-анархических рассуждений о свободе личности, понимаемой как свобода делать все, что заблагорассудится, о недопустимости принуждения к труду, нежелательности наказаний за недобросовестное отношение к работе и пр. И сейчас еще в педагогической среде бытует мнение: «Труд — величайшее благо на земле, а поэтому трудом можно только поощрять, принуждать к труду нельзя». Конечно, не все средства хороши для воспитания любви и уважения к труду. Но моральное принуждение коллективным требованием, общественным мнением, единой волей тружеников в определенных обстоятельствах оправдано и необходимо. Иначе и быть не может в обществе, живущем по принципу «кто не работает, тот не ест». Макаренко не раз обращал внимание на стойкий педагогический предрассудок тех прекраснодушных и любвеобильных учителей и родителей, которые боятся потребовать от ребенка выполнения его элементарных трудовых обязанностей в школе и семье.

С другой стороны, глубоко заблуждаются те воспитатели, которые, побуждая к добросовестному труду своих питомцев, главную ставку делают на страх ребенка перед наказанием, на силу принуждения. Коммунистическое отношение к труду предполагает прежде всего сознательную трудовую дисциплину, товарищескую взаимопомощь, отношения взаимной требовательности и уважения между тружениками. Поэтому исключительно важное значение приобретает воспитание в детях чувства трудового долга, рабочей совести, основанных на сознании общественной полезности и необходимости труда. Без этого невозможно воспитать чувство уважения и любви к труду на пользу общества, что, как известно, является основой воспитания подрастающего поколения в духе коммунистической морали. В опыте А. С. Макаренко получили широкое применение и развитие такие стимулы творческого коллективного труда, как общественно значимые перспективы и сегодняшняя радость детей, подкрепляемые требовательным контролем общественного мнения.

Могучим воспитательным средством, способствующим развитию всех материальных и идеальных стимулов трудовой деятельности коллектива коммуны, было соревнование. Социалистическое соревнование организовывалось с учетом психологических особенностей подросткового и юношеского возраста в форме увлекательной игры, в которой принимал участие весь коллектив. Особенно интересно было организовано соревнование в период борьбы коллектива за строительство нового завода. Социалистическое соревнование, способствовавшее повышению производительности труда и в то же время неразрывно связанное с развитием самоуправления, помогало вовлекать в активную общественно-трудовую деятельность каждого воспитанника. Соревнование в коммуне охватило не только производственную, но и все другие стороны жизни и деятельности коллектива, не замыкалось в узких рамках интересов коммуны, помогало воспитанникам понять, что их труд — частица общенародного труда. Благодаря этому облегчалась задача воспитания у дзержинцев высокой политической сознательности, чувства советского патриотизма, гордости за свой народ, свое социалистическое отечество.

Макаренко постоянно стремился обогащать и усложнять содержание и организационные формы трудовой деятельности своих воспитанников, совершенствовать ее стимулы, максимально приближать труд горьковцев и дзержинцев к условиям передового социалистического производства. Ибо только путем упражнения в разносторонней и требующей достаточных научно-технических знаний деятельности можно было подготовить подрастающее поколение к активному участию в социалистическом строительстве.

Важнейшей особенностью опыта А. С. Макаренко в области трудового воспитания явилась организация коллектива в производительном труде, развитие самоуправления и других самодеятельных начал. Сочетание высоких требований к воспитанникам с неизменным уважением и доверием к ним, постоянная опора на общественное мнение коллектива, умелое использование игры в повседневном будничном труде, постановка развивающихся общественно значимых перспектив и умелая их реализация, создание сложной системы деловых и дружеских взаимоотношений между воспитанниками, широкое раз-

витие самоуправления, возглавляемого комсомольской организацией,— таковы наиболее важные черты организации коллектива, руководимого Макаренко.

В настоящее время вновь, как это уже бывало не раз в течение последних четырех десятилетий, обостряется интерес к возможности использования идей А. С. Макаренко в воспитании подрастающего поколения. Однако необходимо иметь в виду, что применение наследия А. С. Макаренко в современных условиях требует от педагогов, родителей, общественных воспитателей серьезной подготовки в области теории и методики коммунистического воспитания. В настоящее время, когда школа завершает переход ко всеобщему среднему образованию, использовать педагогические идеи Макаренко — это значит во многом заново осмысливать их в органическом единстве с развитием всей советской школы и педагогики; это значит выделять в его наследии ведущие идеи, развивая и конкретизируя их, обогащая современным опытом и данными современной науки. Только тогда можно внести реальный вклад в дальнейшее совершенствование воспитательной деятельности школы, семьи, пионерской и комсомольской организаций.

Самым опасным явлением в использовании опыта и идей А. С. Макаренко является догматизм, упрощенчество, попытки универсализации отдельных высказываний замечательного педагога: «У Макаренко были разновозрастные отряды — значит надо их повсеместно создать; у Макаренко воспитанники получали зарплату — значит надо ее ввести во всех школах, где трудом ребят создаются материальные ценности; у Макаренко были свои заводы — надо передать заводы школам». Однако люди, рассуждающие таким образом, забывают, что и разновозрастные отряды, и зарплата, и заводы, и многое другое появилось у Макаренко на определенной стадии развития коллектива, в определенных конкретных условиях, и он никогда не считал все это раз и навсегда найденными идеальными формами. Бывает в жизни коллектива такой период, когда он еще не дорос, например, до зарплаты, а может наступить такой момент, когда индивидуальная зарплата, начисляемая по «сдельному» принципу, начнет тормозить развитие производительности труда и мешать воспитанию коммунистического отношения к труду.

Или, например, вопрос о связи обучения с производительным трудом. А. С. Макаренко нередко отрицательно высказывается о «проповеди увязки» труда с обучением, называет себя «постоянным противником какой бы то ни было увязки» школы и производства. Но эти высказывания вовсе не означают, что он видел в обучении и производственном труде детей два замкнутых, параллельно протекающих процесса. Антон Семенович был последовательным борцом за осуществление марксистско-ленинской идеи о соединении обучения основам наук с участием подростков в общественно полезном производительном труде. Более того, он был одним из первых педагогов, кому удалось на практике реализовать эту идею. Критические замечания Макаренко о «проповедях увязки» следует понимать как отражение его борьбы против вульгарных, формальных увязок преподавания основ наук с производством, против надуманных «комплексов».

Отстаивая необходимость вовлечения учащихся общеобразовательных школ в производительный труд, А. С. Макаренко вовсе не считал, что «автономное производство» (завод) при школе является единственным средством для осуществления этой идеи. В «Проекте устройства школ», написанном им незадолго до смерти, говорится, что школьное производство, как правило, «...должно быть подсобно-механическим, производящим детали для крупного производства. Эту зависимость школьного предприятия от крупного производства А. С. Макаренко мотивировал необходимостью включения коллектива учащихся в общий поток социалистического производства, но при условии сохранения той самостоятельности, которая могла бы обеспечить выполнение поставленных педагогических задач» [1].

Разумеется, это соображение, высказанное почти сорок лет назад, тоже нельзя воспринимать как некий универсальный рецепт. Опыт свидетельствует, что в современных условиях основной проблемой, связанной с вовлечением всех подростков и старшеклассников в производительный труд, является проблема связи городских школ с производством. В практике наметилось несколько

[1] Тер-Гевондян А. Г. Только в труде вместе с рабочими и крестьянами. Сб. «А. С. Макаренко. К 75-летию со дня рождения». М., 1963, с. 122.

путей вовлечения городских школьников в производительный труд: создание учебных цехов и участков на предприятиях, строительство межшкольных учебно-производственных комбинатов и школьных учебно-производственных мастерских, выполнение производственных заказов на базе школьных учебных мастерских и др.

Учитывая масштабы затрат на строительство специальных цехов, участков, комбинатов и мастерских, реалистически оценивая возможные сроки обеспечения школьников миллионами дополнительных рабочих мест, не следует забывать о реальных возможностях организации производительного труда учащихся в условиях обычных школьных мастерских. Несложные производственные заказы такие мастерские всегда могут получить от любого предприятия, имеющего механические цехи, от мебельной или швейной фабрик и комбината бытового обслуживания и т. п. Работа по выполнению школьниками заказов организуется в основном во внеурочное время, в часы, когда мастерские свободны от уроков. Расписание работы составляется таким образом, чтобы каждый член бригады трудился два-три часа в неделю в удобный для него день.

Как показывает опыт, двести — триста подростков — членов такой ученической производственной бригады в обычной средней городской школе за год выполняют заказов на 15—20 тысяч рублей. Но главное не в том, что предприятия-заказчики получают ощутимую помощь, а школа весомую денежную прибавку на организацию многообразной внеурочной работы с учащимися. Организация коллективного труда, общая забота об улучшении условий работы, качества продукции, экономии материалов, связь с производственными трудовыми коллективами, сознание полезности и общественной необходимости своего труда — все это, естественно, способствует формированию высоконравственной жизненной позиции подростка.

Вместе с тем необходимо иметь в виду и ряд отрицательных моментов такого опыта: неприспособленность помещений и оборудования, примитивизм содержания работы, выполняемой учащимися, ее несоответствие требованиям современной техники и технологии, отсутствие должной связи с программами по труду и теоретическими предметами политехнического цикла. Поэтому, орга-

низуя производительный труд учащихся в школе, используя при этом идеи А. С. Макаренко о трудовом воспитании, следует как можно быстрее намечать перспективы перехода к более содержательным формам соединения обучения и воспитания школьников с их участием в общественно полезном производительном труде. Вместе с тем, в условиях учебного цеха промышленного предприятия или межшкольного учебно-производственного комбината, где имеются богатые материально-технические возможности организации производительного труда учащихся на уровне современных требований, бывает нелегко создать действительно сплоченный трудовой коллектив школьников, добиться того, чтобы ребята постоянно переживали трудовую заботу о результатах своей деятельности. А ведь, по мысли А. С. Макаренко, подлинную ответственность в труде, единство слова и дела, стремление трудиться на совесть — все эти компоненты социалистической личности формирует не просто труд-работа, а труд-забота.

Для успешного использования идей выдающегося советского педагога в современной школе, семье важно учитывать, что сам Макаренко никогда не идеализировал свой опыт, отдавал себе отчет в известной его ограниченности и незавершенности. «Я нахожусь еще в процессе становления так же, вероятно, как и вы...,— говорил он в докладе для сотрудников Научно-практического института специальных школ и детских домов Наркомпроса РСФСР 20 октября 1938 г.— Я прекрасно понимаю, что мои мысли определяются моим педагогическим опытом, понимаю, что возможен другой опыт, и, если бы я его испытал, может быть, я думал бы иначе» [1]. Поэтому особенно важно уметь отличать действительно непреходящие идеи А. С. Макаренко от тех положений его методики, которые были связаны с конкретными условиями деятельности колонии имени М. Горького или коммуны имени Ф. Э. Дзержинского. Необходимо также видеть в опыте Макаренко и такие моменты, которые противоречили его собственным убеждениям.

Так, ежедневный четырехчасовой рабочий день на заводах коммуны, выдаваемый иногда на страницах педагогической печати за образец для подражания, был,

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. V, с. 251.

по мнению Макаренко, слишком большим, затруднявшим обеспечение успешной учебы и разносторонней общественно полезной, творческой деятельности воспитанников. Однако меньшая продолжительность рабочего дня при хозрасчете и самоокупаемости производства коммуны была практически невозможна. Не считал идеалом А. С. Макаренко и полную самоокупаемость, которая, естественно, мешала подчинению производства педагогическим целям и задачам, а властно диктовала выдвижение на первый план соображений экономической целесообразности. Очевидно, для более успешной реализации идеи соединения образования и разностороннего воспитания с трудом в большей мере благоприятствуют не хозрасчет и самоокупаемость, а элементы хозрасчета и частичная окупаемость в условиях производства, подчиненного в первую очередь принципу педагогической целесообразности.

О правильности такого подхода убедительно свидетельствует современный передовой опыт. Приведем характерный в этом отношении пример. Ученическая производственная бригада средней школы совхоза «Сорокинский» Алтайского края за пять лет (начиная с 1970 г.) заработала почти 200 тысяч рублей. Чтобы все заработанные школьниками деньги поступали на счет школы, совхоз не включает в свой план овощи, сдаваемые бригадой государству. Таким образом, на экономических показателях совхоза деятельность бригады непосредственно не сказывается. Тем не менее, только в 1973 г. совхоз безвозмездно передал бригаде оборудования и материалов на общую сумму свыше 15 тысяч рублей.

Из сметы расходов, обсужденной в бригаде и утвержденной ее советом, комитетом комсомола, директором школы и родительским собранием, приобретается дополнительное оборудование для учебных кабинетов, приглашаются педагоги для подготовки выпускников школ в сельскохозяйственные вузы, а также руководители различных кружков, оплачиваются молоко и дополнительное горячее питание для всех школьников, построены гараж и другие службы школьного хозяйства, организуется ежегодный летний лагерь труда и отдыха, проводятся многочисленные экскурсии, походы, путешествия по всей стране, приобретаются спортинвентарь, книги для школьной библиотеки и многое другое. Однако все эти расхо-

ды — лишь прибавка к бюджету школы, хотя прибавка весьма существенная, как и средства, безвозмездно вкладываемые в бригаду совхозом.

Совершенно очевидно, что руководители совхоза делают ставку не на прямую экономическую выгоду, а на выигрыш социальный, педагогический, выражающийся в разностороннем развитии личности каждого школьника, в общей моральной атмосфере в коллективах тружеников совхоза и ученической бригады, в стремлении многих выпускников школы оставаться в родном совхозе. Об этом опыте можно без каких-либо натяжек сказать, что здесь не по форме, а по существу применяются многие важнейшие положения методики коммунистического воспитания, разработанные в свое время А. С. Макаренко и другими видными советскими педагогами.

Антон Семенович считал, что в методике воспитательной работы и, в частности, методике трудового воспитания необходимо видеть как общие, имеющие принципиальное значение положения, так и частные, целесообразность применения которых зависит от множества конкретных условий. Он сам немало сделал для разработки путей творческого использования опыта колонии и коммуны в обычной общеобразовательной школе. В статьях и выступлениях последних лет жизни (1937—1939 гг.) Макаренко дал много ценных советов педагогам и родителям по вопросам трудового воспитания. При этом он не раз обращал внимание на определенные отличия методики трудового воспитания в школе от методики трудового воспитания в семье. В связи с этим определенный интерес представляет сопоставление некоторых положений его лекции для родителей «Воспитание в труде» [1] и лекции для работников Наркомпроса РСФСР «Трудовое воспитание. Отношения, стиль, тон в коллективе», первая часть которой помещена в настоящем сборнике [2].

Вот как, например, в этих лекциях рассматриваются задачи и методы трудового воспитания в условиях школы и семьи. В школе Макаренко считал необходимой организацию производительного труда учащихся и проведение профессиональной ориентации. На определенном этапе, указывал Антон Семенович, целесообразно и вве-

---

[1] Наст. сб., с. 107.
[2] Там же, с. 59.

дение оплаты за труд школьников по производству товарной продукции. В условиях же семьи, подчеркивал он, родителям, напротив, не следует «гоняться за квалификацией в той или другой специальности». А. С. Макаренко отмечал, что родители, которые пытаются оплачивать те или иные трудовые усилия в семье, совершают большую ошибку. Именно бескорыстная забота о близких людях составляет основу семейного трудового воспитания.

В семье, по мысли Макаренко, детей к труду должны побуждать интерес к предстоящей работе, желание помочь родителям. В необходимых случаях к сыну или дочери следует обращаться с просьбой, которая «...тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора» [1]. И лишь в исключительных случаях, когда воспитание ребенка в семье уже запущено, Макаренко считал возможным предъявить к нему прямое требование.

В школе же и других государственных учреждениях, где наряду с избирательными формами трудовой деятельности (техническое творчество и т. п.) немало видов труда, строго обязательных для каждого школьника (например, самообслуживание), чисто моральных побудителей оказывается зачастую недостаточно. В связи с этим в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского действовало специальное положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве [2], в соответствии с которым допускались, в случае необходимости, такие меры наказания, как удаление с работы, снижение разряда, выговор и т. п. Характерно, что традиция коллективов колонии имени М. Горького и коммуны имени Ф. Э. Дзержинского — привлекать воспитанников к решению вопросов, связанных с поощрениями и наказаниями,— нашла продолжение и в современном опыте организации трудовых коллективов школьников. Так, в «Примерном положении об ученической производственной бригаде в колхозе, совхозе», утвержденном коллегиями Министерства просвещения СССР, Министерства сельского хозяйства СССР и Секретариатом ЦК ВЛКСМ, записано, что общее собрание членов бригады решает

---

[1] Наст. сб., с. 115.
[2] Там же, с. 236.

вопросы о приеме в бригаду, а также о поощрениях и наказаниях [1].

Таким образом в опыте и воззрениях А. С. Макаренко можно выделить три категории проблем трудового воспитания. Это, во-первых, проблемы содержания и стимулов трудовой деятельности воспитанников; во-вторых, проблемы организации трудовых коллективов детей, подростков и старшеклассников и, в-третьих, проблемы трудовой дисциплины и педагогического воздействия в условиях общественно полезной и трудовой деятельности школьников. Именно в совокупности эти проблемы дают верное представление о системе трудового воспитания в опыте и воззрениях А. С. Макаренко.

* *
*

Многие идеи Макаренко о трудовом воспитании молодежи находят сегодня свое преломление в новых предначертаниях партии с учетом современных требований. В конкретизации путей и средств решения задач, поставленных XXV съездом КПСС в области образования и воспитания подрастающего поколения, важное значение имеют, например, материалы Всесоюзной научно-практической конференции «XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи» (Минск, июнь 1976 г.). В докладе на конференции кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Белоруссии тов. П. М. Машерова были подробно проанализированы актуальные проблемы улучшения воспитательной работы с молодежью на современном этапе коммунистического строительства. Значительное место в докладе и других материалах конференции было уделено проблемам трудового воспитания молодежи.

«Внутренние возможности, таланты и способности людей,— говорил тов. П. М. Машеров,— их творческий потенциал с наибольшей полнотой раскрываются в труде. Именно в этой основополагающей сфере человеческой деятельности передовые идеи и представления облекают-

---

[1] См.: Воспитательная работа в школе. Сб. документов. Сост. В. М. Коротков. Под ред. М. И. Кондакова. М., 1976, с. 148.

ся в плоть и кровь, материализуются в зримых результатах. Как говорил В. И. Ленин в своей исторической речи на третьем съезде комсомола, «только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами» (ПСС, т. 41, с. 317). Вне этого нет и не может быть духовно богатой личности, и потому воспитание внутренней потребности трудиться на общее благо является ядром формирования всесторонне, гармонично развитого человека» [1].

Принятый XXV съездом КПСС план десятой пятилетки предусматривает дальнейшее «улучшение социально-экономических и производственных условий труда, усиление его творческого характера, всемерное сокращение ручного, малоквалифицированного и тяжелого физического труда» [2]. Намеченная партией перспектива социально-экономического развития является важным ориентиром не только для совершенствования материально-технической базы народного хозяйства, но и для подготовки новых производительных сил, молодого пополнения рядов рабочего класса, крестьянства, интеллигенции. В середине 30-х годов, когда завершалось построение основ социализма, уровень решения этой важнейшей социальной проблемы, достигнутый в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского, был недоступен для массового опыта обучения и воспитания подрастающего поколения. Четыре десятилетия спустя, в условиях зрелого социализма, нашему обществу вполне по плечу ставить и решать задачу соединения обучения молодого поколения с участием в серьезном производительном труде в масштабах всей страны.

«Если мы хотим на деле обеспечить гармоническое сочетание обучения и воспитания с производительным трудом, а жизнь настоятельно требует этого, и мы этого действительно хотим,— то нужно наполнить всеми признаваемую и принимаемую идею политехнизации реальным содержанием, подвести под нее прочную материальную основу» [3]. Важным шагом в этом направлении явилось Постановление Совета Министров СССР «Об

---

[1] XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. «Комсомольская правда», 1976, 11 июня.

[2] Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 215.

[3] XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. «Комсомольская правда», 1976, 11 июня.

организации межшкольных учебно-производственных комбинатов трудового обучения и профессиональной ориентации учащихся» (1974 г.). Широко известен опыт одного из таких комбинатов в Москве («Чайка»), где ведется большая целенаправленная работа по творческому применению идей А. С. Макаренко в области трудового воспитания. В Белоруссии хорошо зарекомендовали себя межшкольные учебно-производственные комбинаты в ряде районов Минска, Могилева, Рогачевского района Гомельской области и др.

XIII пленум ЦК Компартии Белоруссии обратил внимание партийных и советских органов, учительства республики на необходимость принципиальных изменений в содержании работы общеобразовательной школы в таком направлении, чтобы весь учебно-воспитательный процесс был «...пронизан подлинным культом труда, связанного не только с накоплением знаний, но и труда производительного, имеющего своим результатом создание школьниками той или иной необходимой продукции и приобретение старшеклассниками определенной квалификации, рабочей специальности» [1]. Обучаясь в средней школе и работая в ученических производственных бригадах, школьных мастерских, специализированных цехах шефствующих предприятий, межшкольных учебно-производственных комбинатах, десятки тысяч старшеклассников республики приобретают специальности трактористов-машинистов широкого профиля, программистов-вычислителей, монтажников радиоаппаратуры, механосборщиков, токарей-универсалов и другие профессии, связанные со сложной современной техникой и пользующиеся высоким престижем в среде молодежи. В ряде районов республики — Пинском, Молодечненском, Витебском и других — растет число молодых, которые после окончания средней школы остаются работать в родном колхозе. Как правило, эти юноши и девушки вместе с аттестатом о среднем образовании получают документ, удостоверяющий их рабочую квалификацию.

Высоко оценивая подобный опыт и способствуя его распространению, необходимо вместе с тем ориентировать учащихся и на такие массовые профессии, которые

---

[1] Машеров П. Идейно-политической работе — высокую действенность. М., 1975, с. 85.

связаны с использованием сравнительно высокой доли ручного, утомительного и однообразного труда. «Молодежь должна понимать, что труд во всех своих видах является непреложной общественной необходимостью, требующей от каждого большой физической и умственной энергии, дисциплины и ответственности. На разъяснение этих истин не следует жалеть ни сил, ни времени. Нужно научить молодежь смотреть на выбор будущей работы не только с позиций узкосубъективных интересов, а значительно шире — с позиций развитого чувства гражданственности» [1]. Во многих школах Белоруссии накоплен замечательный опыт подобной работы, например в средних школах № 6 г. Минска и № 16 г. Баранович, Забашевичской школе Минской области. Средняя школа № 7 г. Жлобина Гомельской области успешно ведет ориентацию своих выпускников на профессии сферы обслуживания, которые, как известно, имеют невысокий престиж среди молодежи. Педагогические коллективы этих школ, партийные и комсомольские организации, родительская общественность умело раскрывают перед учащимися творческие возможности массовых рабочих профессий. И не случайно, что в подобных школах складывается здоровое общественное мнение коллективов учителей, учащихся и родителей по вопросам, связанным с формированием жизненных планов школьников.

В свое время А. С. Макаренко, встречаясь и беседуя с учителями общеобразовательных школ, обращал их внимание на то, что огромным резервом для усиления воспитательной работы с учащимися являются родители, шефы-производственники, общественность по месту жительства. О возможностях привлечения к работе по трудовому воспитанию школьников этого по истине неисчерпаемого резерва свидетельствует опыт педагогических коллективов средней школы № 5 г. Могилева, Самохваловичской средней школы Минского района и ряда других. Трудно назвать такое направление организации учебно-воспитательного процесса в этих школах — будь то организация многочисленных факультативов, оборудование учебных кабинетов, летнего лагеря труда и отдыха, проведение клубных занятий или работа ученической

---

[1] XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. «Комсомольская правда», 1976, 11 июня.

производственной бригады, где педагоги не опирались бы на помощь и поддержку общественных воспитателей.

Школ, в которых сегодня успешно и творчески используются педагогические идеи А. С. Макаренко, в частности, его идеи в области трудового воспитания, немало. «Но передовой опыт нередко остается лишь в рамках того учебного заведения, где он зародился. А рядом соседствует практика подмены подлинного воспитания своеобразной показухой, когда содержание приносится в жертву форме» [1]. Более широкому распространению действительно передового опыта коммунистического воспитания учащихся, преодолению элементов показухи и формотворчества призваны содействовать новые «Критерии оценки деятельности школы», в которых записано: «в) Уровень воспитанности учащихся и выпускников школы. Состояние идейно-воспитательной работы в школе. Наличие системы воспитательной работы, обеспечивающей единство идейно-политического, нравственного и трудового воспитания, разностороннее развитие основных видов и форм творческой общественно полезной деятельности учащихся... Участие школьников в общественно полезных трудовых делах, включая трудовые работы в период летних каникул; наличие системы трудового воспитания» [2].

В обобщении и распространении передового опыта коммунистического воспитания школьников в современных условиях особенно велика роль педагогической науки. Сложившаяся система воспитательной работы с учащимися, стабильные успехи в подготовке высокоидейных, всесторонне развитых людей характеризуют в наши дни лишь те школы, педагогические коллективы которых систематически и творчески овладевают марксистско-ленинским учением о воспитании и образовании, изучают труды выдающихся советских педагогов, современную философскую, социологическую, психологическую, педагогическую литературу. Одна из лучших школ Белоруссии — Кормянская школа-интернат Гомельской

---

[1] Машеров П. Идейно-политической работе — высокую действенность. М., 1975, с. 81.

[2] «Учительская газета», 1976, 19 августа.

области — в значительной мере обязана своими успехами тому, что каждый учитель из года в год углубленно изучает педагогическую теорию. В школе собрана богатая библиотека педагогической и методической литературы, ведутся занятия творческих семинаров. Учителя и воспитатели активно участвуют в педагогических чтениях области, республики, страны. Большое внимание педагогический коллектив этой школы уделяет изучению наследия А. С. Макаренко и других замечательных педагогов прошлого и современности.

Диапазон творческого применения идей Макаренко о трудовом воспитании в наши дни исключительно широк: это и общеобразовательная школа как целое; и отдельные первичные коллективы учащихся — классы, отряды, бригады, лагери труда и отдыха, школьные лесничества; это и профтехучилища; и техникумы; и студенческие коллективы — строительные отряды, конструкторские бюро, молодежные клубы; это и спортивные объединения; и воинские части; это и семья, и самодеятельные коллективы по месту жительства; это и комсомольско-молодежные бригады промышленных предприятий, колхозов, совхозов. Педагогические идеи А. С. Макаренко — неотъемлемое достояние социалистической педагогики настоящего и будущего. Использование этого замечательного достояния в сочетании с достижениями современной педагогической мысли поможет решать многие важные задачи, стоящие перед школой, комсомолом, семьей, всеми воспитательными институтами общества в эпоху строительства коммунизма.

Предлагаемая читателю книга — второе издание сборника наиболее важных работ А. С. Макаренко о трудовом воспитании. За годы, прошедшие после выхода в свет первого издания сборника, воспитание подрастающего поколения приобрело небывалый размах, стало подлинно всенародным делом. Более чем когда-либо актуальны сегодня слова Макаренко: «...В воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов» [1]. Поэтому знакомство со взглядами и опытом А. С. Макаренко в области трудового воспитания принесет читателям, по нашему убеждению, несомненную

[1] Наст. сб., с. 107.

пользу в практической реализации задач обучения и воспитания «*всесторонне развитых и всесторонне* подготовленных людей, людей, которые *умеют все делать*»[1].

Сборник состоит из двух частей. В первой собраны теоретические и методические работы А. С. Макаренко. В них раскрывается общая система взглядов выдающегося советского педагога на роль труда в процессе коммунистического воспитания детей и молодежи, а также основные педагогические принципы и методика организации общественно полезного труда воспитанников в школе и семье, производительного труда в сельскохозяйственном и промышленном производстве.

Материалы первого раздела расположены по логико-тематическому принципу: вначале помещены работы, в которых рассматриваются общие вопросы теории и методики трудового воспитания, соединения обучения с производительным трудом; далее — статьи и выступления, раскрывающие основные проблемы организации трудового коллектива воспитанников в условиях интернатного учреждения, общеобразовательной школы и семьи, некоторые конкретно-методические вопросы педагогически целесообразной организации труда детей и подростков. Последние работы первой части посвящены главным образом проблемам детского труда в системе общественного и семейного воспитания, вопросам профессиональной ориентации и выбора жизненного пути.

Читателю следует иметь в виду, что наряду с цельными работами в подборку материалов первой части сборника включены и отрывки из некоторых крупных произведений А. С. Макаренко, например, «Свободная мастерская», «Воспитатель» из книги «Методика организации воспитательного процесса». В связи с логико-тематическим принципом расположения произведений, вошедших в первую часть, в ней не всегда соблюдается их хронологическая последовательность. Чтобы иметь более полное представление о развитии взглядов Макаренко на те или иные вопросы трудового воспитания, читатель сможет воспользоваться помещенной в конце книги справкой «Основные даты развития производства в колонии имени М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского».

---

[1] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 41, с. 33.

В основу структуры второй части книги положен хронолого-тематический принцип. При этом составитель руководствовался не столько временем написания тех произведений, отрывки из которых здесь помещены, сколько последовательностью развития трудовой деятельности в колонии и коммуне. В четырех разделах этой части подобраны отрывки из следующих художественных произведений А. С. Макаренко: «Педагогическая поэма», «Марш 30 года», «ФД-1», «Флаги на башнях». Эти отрывки являются яркой иллюстрацией основных идей Макаренко в области трудового воспитания и призваны помочь читателю представить себе, как выглядела педагогическая организация трудового коллектива в руководимых им учреждениях.

Л. Ю. Гордин

© Издательство «Народная асвета», 1977.

Часть I

В ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ РАБОТЕ ТРУД ДОЛЖЕН БЫТЬ ОДНИМ ИЗ САМЫХ ОСНОВНЫХ ЭЛЕМЕНТОВ[1]*

На педагогических ухабах [2]

Добросовестная работа была одним из первых достижений колонии имени Горького, к которому мы пришли гораздо раньше, чем к чисто моральным достижениям.

Нужно признать, что труд сам по себе, не сопровождаемый напряжением, общественной и коллективной заботой, оказался мало влиятельным фактором в деле воспитания новых мотиваций поведения. Небольшой выигрыш получался только в той мере, в какой работа отнимала время и вызывала некоторую полезную усталость. Как постоянное правило, при этом наблюдалось, что воспитанники наиболее работоспособные в то же время с большим трудом поддавались моральному влиянию. Хорошая работа сплошь и рядом соединялась с грубостью, с полным неуважением к чужой вещи и к другому человеку, сопровождалась глубоким убеждением, что исполненная работа освобождает от каких бы то ни было нравственных обязательств. Обычно такая трудолюбивость завершалась малым развитием, презрением к учебе и полным отсутствием планов и видов на будущее.

Я обратил внимание на обстоятельство, что, вопреки первым моим впечатлениям, колонисты вовсе не ленивы. Большинство из них не имело никакого отвращения к мускульному усилию, очень часто ребята показывали себя как очень ловкие работники, в труде были веселы и заразительно оживлены. Городские воришки в особенности были удачливы во всех трудовых процессах, ко-

* Здесь и далее примечания к заголовкам см. в конце книги.

торые нам приходилось применять. Самые заядлые лентяи, действительные лежебоки и обжоры, в то же время совершенно были неспособны ни к какому преступлению, были страшно неповоротливы и неинициативны. Один такой, Галатенко, прошел со мной всю историю колонии, никогда не крал и никого ничем не обидел, но пользы от него было всегда мало. Он был ленив классическим образом, мог заснуть с лопатой в руке, отличался поразительной изобретательностью в придумывании поводов и причин к отказу от работы и даже в моменты больших коллективных подъемов, в часы напряженной авральной работы всегда ухитрялся отойти в сторону и незаметно удрать.

Нейтральность трудового процесса очень удивила наш педагогический коллектив. Мы слишком привыкли поклоняться трудовому принципу, становилась необходимой заботой более тщательная проверка нашего старого убеждения.

Мы заметили, что рассматриваемый уединенно трудовой процесс быстро и легко делается автономным механическим действием, не включенным в общий поток психологической жизни, чем-то подобным ходьбе или дыханию. Он отражается на психике только травматически, но не конструктивно, и поэтому его участие в образовании новых общественных мотиваций совершенно ничтожно.

Такой закон представился нам несомненным, во всяком случае по отношению к неквалифицированному труду, какого тогда очень много было в колонии. В то время самообслуживание было очередной педагогической панацеей.

Ничтожное мотивационное значение работ по самообслуживанию, значительная утомляемость, слабое интеллектуальное содержание работы уже в самые первые месяцы разрушили нашу веру в самообслуживание. По своей бедности, правда, наша колония еще долго его практиковала, но наши педагогические взоры уже не обращались на него с надеждой. Мы тогда решили, что очень бедный комплекс побуждений к простому труду прежде всего определяет его моральную нейтральность.

В поисках более сложных побуждений мы обратились к мастерским. К концу первого года в колонии бы-

ли кузнечная, столярная, сапожная, колесная и корзиночная мастерские. Все они были плохо оборудованы и представляли собою первоначальные кустарные примитивы.

Работа в мастерских оказалась более деятельным фактором в деле образования новых мотиваций поведения. Самый процесс труда в мастерских более ограничен: он составляется из последовательных моментов развития и, стало быть, имеет свою внутреннюю логику. Ремесленный труд, связанный с более заметной ответственностью, в то же время приводит к более очевидным явлениям ценности. В то же время ремесленный труд дает основания для возникновения группы мотиваций, связанных с будущим колонистов.

Однако средний тип мотивационного эффекта в результате ремесленного обучения оказался очень невзрачным. Мы увидели, что узкая область ремесла дает, правда, нечто, заменяющее антисоциальные привычки наших воспитанников, но дает совершенно не то, что нам нужно. Движение воспитанника направлялось к пункту, всем хорошо известному: довольно несимпатичному типу нашего ремесленника. Его атрибуты: большая самоуверенность в суждениях, соединенная с полным невежеством, очень дурной, бедный язык и короткая мысль, мелкобуржуазные идеальчики кустарной мастерской, мелкая зависть и неприязнь к коллеге, привычка потрафлять заказчику, очень слабое ощущение социальных связей, грубое и глупое отношение к детям и к женщине и, наконец, как завершение, чисто религиозное отношение к ритуалу выпивки и к застольному пустословию.

Зачатки всех этих качеств мы очень рано стали наблюдать у наших сапожников, столяров, кузнецов.

Как только мальчик начинал квалифицироваться, как только он основательно прикреплялся к своему верстаку, он уже делался и в меньшей мере коммунаром.

Интересно, что в очень многих колониях, строивших свой мотивационный баланс на ремесле, я всегда наблюдал один и тот же результат. Именно такие ребята, сапожники в душе, винопийцы, украшенные чубами и цыгарками, выходят из этих колоний и вносят мелкобуржуазные, вздорные и невежественные начала в жизнь рабочей молодежи.

Бедный по своему социальному содержанию, ремесленный труд становился на наших глазах плохой дорогой коммунистического воспитания. В начале второго года выяснилось, что воспитанники, не работавшие в мастерских или работавшие в них временами, а исполняющие общие и сельскохозяйственные работы, в социально-моральном отношении стоят впереди «мастеровых». Нужно небольшое усилие с нашей стороны, чтобы увидеть: улучшение морального состояния отдельных групп воспитанников происходит параллельно развитию хозяйства и внедрению коллектива в управление этим хозяйством.

Однако вот это самое небольшое усилие было сделать не так легко. Слишком широкая многообразная стихия хозяйства чрезвычайно трудно поддается анализу со стороны своего педагогического значения. Сначала в хозяйстве мы склонны были видеть сельское хозяйство и слепо подчинились тому старому положению, которое утверждает, что природа облагораживает.

Это положение было выработано в дворянских гнездах, где природа понималась прежде всего как очень красивое и вылощенное место для прогулок и тургеневских переживаний, писания стихов и размышлений о божьем величии.

Природа, которая должна была облагораживать колониста-горьковца, смотрела на него глазами невспаханной земли, зарослей, которые нужно было выполоть, навоза, который нужно было убрать, потом вывезти в поле, потом разбросать, поломанного воза, лошадиной ноги, которую нужно было вылечить. Какое уж тут облагораживание. Невольно мы обратили внимание на действительно здоровый хозяйственно-рабочий тон во время таких событий.

Вечером в спальне, после всяких культурных и не очень культурных разговоров, нечаянно вспоминаешь:

— Сегодня в городе с колеса скатилась шина. Что это за история?

Разнообразные силы колонии немедленно начинают чувствовать обязанность отчитываться.

— Я воз осматривал в понедельник и говорив конюхам, чтоб подкатили воз к кузнице,— говорит Калина Иванович, и его трубка корчится в агонии в отставленной возмущенной руке.

Гуд поднимается на цыпочки и через головы других горячится:

— Мы кузнецам сказали еще раньше,— в субботу сказали...

Где-то на горизонте виднеется весьма заинтересованная положением вытянутая физиономия Антона Братченко. Задоров старается предотвратить конфликт и весело бросает:

— Да сделаем...

Но его перебивает ищущий правды баритон Буруна.

— Ну, так что же, что сказали, а шинное железо где?

Братченко экстренно мобилизуется и задирает голову — Бурун гораздо выше его:

— А вы кому говорили, что у вас шинное железо вышло?

— Как кому говорили? Что ж, на всю колонию кричать?

Вот именно в этот момент вопрос можно снять с обсуждения, даже обязательно нужно снять. Я говорю Братченко:

— Антон, отчего это сегодня у тебя прическа такая сердитая?

Но Братченко грозит сложенным вдвое кнутом кому-то в пространство и демонстрирует прекрасного наполнения бас:

— Тут не в прическе дело.

Без всякого моего участия завтра и послезавтра в хозяйстве, в кузнице, в подкатном сарае произойдет целая куча разговоров, споров, вытаскивания возов, тыканья в нос старым шинным железом, шутливых укоров и серьезных шуток. Колесо, с шиной или без шины, в своем движении захватит множество вопросов, вплоть до самых общих:

— Вы тут сидите возле горна, как господа какие. Вам принеси, да у вас спроси.

— А что? К вам ходить спрашивать: не нужно ли вам починить чего-нибудь. Мы не цыгане...

— Не цыгане? А кто?

— Кто? Колонисты...

— Колонисты. Вы не знаете, что у вас железа нет. Вам нужно няньку...

— Им не няньку, а барина. Барина с палкой...

— Кузнецам барина не нужно, это у конюхов барин бывает, у кузнецов не бывает барина...

— У таких, как вы, бывает.

— У таких, как мы?

— А вот не знают, есть ли у них железо. А может, у вас и молота нет, барин не купил?

Все рычаги, колесики, гайки и винты хозяйственной машины, каждый в меру своего значения, требуют точного и ясного поведения, точно определяемого интересами коллектива, его честью и красотой. Кузнецы, конечно, обиделись за «барина», но и конюхам в городе было стыдно за свою колонию, ибо по словам тех же кузнецов:

— Хозяева, тоже. Они себе катят, а шина сзади отдельно катится... А они, хозяева, на ободе фасон держат.

Смотришь на этих милых оборванных колонистов, настолько мало «облагороженных», что так и ждешь от них матерного слова, смотришь и думаешь:

«Нет, вы действительно хозяева: слабые, оборванные, бедные, нищие, но вы настоящие, без барина хозяева. Ничего, поживем, будет у нас шинное железо, и говорить научимся без матерного слова, будет у нас кое-что и большее».

Но как мучительно трудно было ухватить вот этот неуловимый завиток новой человеческой ценности. В особенности нам, педагогам, под бдительным оком педагогических ученых.

В то же время нужно было иметь много педагогического мужества, нужно было идти на «кощунство», чтобы решиться на исповедование такого догмата:

— Общее движение хозяйственной массы, снабженное постоянным зарядом напряжения и работы, если это движение вызывается к жизни сознательным стремлением и пафосом коллектива, обязательно определит самое главное, что нужно колонии: нравственно здоровый фон, на котором более определенный нравственный рисунок выполнить будет уже не трудно.

Оказалось, впрочем, что и это не легко: аппетит приходит с едой, и настоящие затруднения начались у нас тогда, когда схема была найдена, а остались детали.

В то самое время, когда мы мучительно искали истину и когда мы уже видели первые взмахи нового здоро-

вого хозяина-колониста, худосочный инспектор из наробраза ослепшими от чтения глазами водил по блокноту и, заикаясь, спрашивал колонистов:

— А вам объясняли, как нужно поступать?

И в ответ на молчание смущенных колонистов что-то радостно черкнул в блокноте. И через неделю прислал нам свое беспристрастное заключение: «Воспитанники работают хорошо и интересуются колонией. К сожалению, администрация колонии, уделяя много внимания хозяйству, педагогической работой мало занимается. Воспитательная работа среди воспитанников не ведется».

Ведь это теперь я могу так спокойно вспоминать худосочного инспектора. А тогда приведенное заключение меня очень смутило. А в самом деле, а вдруг я ударился в ложную сторону? Может быть, действительно, нужно заняться «воспитательной» работой, т. е. без конца и устали толковать каждому воспитаннику, «как нужно поступать»? Ведь если это делать настойчиво и регулярно, то, может быть, до чего-нибудь и дотолкуешься.

Мое смущение поддерживалось еще и постоянными неудачами и срывами в нашем коллективе.

Я снова приступал к раздумью, к пристальным тончайшим наблюдениям, к анализу.

Жизнь нашей колонии представляла очень сложное переплетение двух стихий: с одной стороны, по мере того как развивалась колония и вырастал коллектив колонистов, родились и росли новые общественно-производственные мотивации, постепенно сквозь старую и привычную для нас физиономию урки и анархиста-беспризорного начинало проглядывать новое лицо будущего хозяина жизни; с другой стороны, мы всегда принимали новых людей, иногда чрезвычайно гнилых, иногда даже безнадежно гнилых. Они важны были для нас не только как новый материал, но и как представители новых влияний, иногда мимолетных, слабых, иногда, напротив, очень мощных и заразительных. Благодаря этому нам часто приходилось переживать явления регресса и рецидива среди «обработанных», казалось, колонистов.

Очень нередко эти пагубные влияния захватывали целую группу колонистов, чаще же бывало, что в линию развития того или другого мальчика — линию правильную и желательную — со стороны новых влияний вно-

сились некоторые поправки. Основная линия продолжала свое развитие в прежнем направлении, но она уже не шла четко и спокойно, а все время колебалась и обращалась в сложную ломаную.

Нужно было иметь много терпения и оптимистической перспективы, чтобы продолжать верить в успех найденной схемы, и не падать духом, и не сворачивать в сторону.

Дело еще и в том, что в новой революционной обстановке мы тем не менее находились под постоянным давлением старых привычных выражений так называемого общественного мнения.

И в наробразе, и в городе, и в самой колонии общие разговоры о коллективе и о коллективном воспитании позволяли в частном случае забывать именно о коллективе. На проступок отдельной личности набрасывались, как на совершенно уединенное и прежде всего индивидуальное явление, встречали этот проступок либо в колорите полной истерики, либо в стиле рождественского мальчика.

Найти деловую, настоящую советскую линию, реальную линию было очень трудно. Новая мотивационная природа нашего коллектива создавалась очень медленно, почти незаметно для глаза, а в это время нас разрывали на две стороны цепкие руки старых и новых предрассудков. С одной стороны, нас порабощал старый педагогический ужас перед детским правонарушением, старая привычка приставать к человеку по каждому пустяковому поводу, привычка индивидуального воспитания. С другой стороны, нас поедом ели проповеди свободного воспитания, полного непротивления и какой-то мистической самодисциплины, в последнем счете представлявшие припадки крайнего индивидуализма, который мы так доверчиво пустили в советский педагогический огород.

Нет, я не мог уступить. Я еще не знал, я только отдаленно предчувствовал, что и дисциплинирование отдельной личности, и полная свобода отдельной личности не наша музыка. Советская педагогика должна иметь совершенно новую логику: от коллектива к личности. Объектом советского воспитания может быть только целый коллектив. Только воспитывая коллектив, мы можем рассчитывать, что найдем такую форму его орга-

низации, при которой отдельная личность будет и наиболее дисциплинированна, и наиболее свободна.

Я верил, что ни биология, ни логика, ни этика не могут определить нормы поведения. Нормы определяются в каждый данный момент нашей классовой нуждой и нашей борьбой. Нет более диалектической науки, чем педагогика. И создание нужного типа поведения — это прежде всего вопрос опыта, привычки, длительных упражнений в том, что нам нужно. И гимнастическим залом для таких упражнений должен быть наш советский коллектив, наполненный такими трапециями и параллельными брусьями, которые нам сейчас нужны.

И только. Никакой мистики нет. И нет никакой хитрости. Все ясно, все доступно моему здравому смыслу.

Я начал ловить себя на желании, чтобы все проступки колонистов оставались для меня тайной. В проступке для меня становилось важным не столько его содержание, сколько игнорирование требования коллектива. Проступок, самый плохой, если он никому не известен, в своем дальнейшем влиянии все равно умрет, задавленный новыми общественными привычками и навыками. Но проступок обнаруженный должен был вызвать мое сопротивление, должен был приучать коллектив к сопротивлению, это тоже был мой педагогический хлеб.

Только в последнее время, около 1930 года, я узнал о многих преступлениях горьковцев, которые тогда оставались в глубокой тайне. Я теперь испытываю настоящую благодарность к этим замечательным первым горьковцам за то, что они умели так хорошо заметать следы и сохранить мою веру в человеческую ценность нашего коллектива.

Нет, товарищ инспектор, история наша будет продолжаться в прежнем направлении. Будет продолжаться, может быть, мучительно и коряво, но это только оттого, что у нас нет еще педагогической техники. Остановка только за техникой.

Педагоги пожимают плечами [3]

Педагоги — самые уважаемые работники у нас в Союзе. Задача педагогов самая почетная — создавать людские кадры для всех отраслей нашей жизни. Нашей

педагогикой, советской педагогикой, мы уже можем гордиться.

И все-таки пожимали плечами по поводу работы нашей коммуны, представьте себе, педагоги!

Пожимали плечами не все педагоги. О, нет! В подавляющем своем большинстве это народ смелый, чуткий, интересующийся всяким хорошим почином. В таком же подавляющем большинстве это народ героический, во всяком случае, работу он проделывает трудную и большую, и поэтому пожимать плечами по случаю нашего хорошего дела они никогда бы не стали.

Пожимала плечами небольшая кучка, самая маленькая. Эта кучка обитает на Олимпе. Эта кучка состоит из людей, которые, может быть, не воспитали ни одного живого, даже собственного ребенка, но которые зато сочинили много педагогических принципов.

Практика невозможна без теории, теория невозможна без практики, но пожимавшие плечами педагоги на существующую практику смотрели с презрением и осуждением и поэтому старались завести свою собственную, так сказать, клиническую практику.

С другой стороны, и презираемая педагогическая практика волей-неволей должна была теоретизировать как-то свой опыт и выводы, должна была, таким образом, создаваться особая, так сказать, партизанская теория. И недаром ЦК партии пришлось взять на себя и теоретическую и практическую заботу о нашем деле.

У нас в теории дошло, например, до того, что, с одной стороны, отрицали всякую биологическую предрасположенность моральной сферы, считали, что всё от среды и воспитания, и одновременно с этим, с другой стороны, все воспитание человека хотели подпереть рефлексологией и рассчитывали дать нового человека исключительно на основании изучения условных рефлексов. У одного из подобных теоретиков коллектив, например, определяется так: «Коллектив есть группа взаимодействующих лиц, совокупно реагирующих на те или иные раздражения». Для всякого непредубежденного человека очевидно, что это определение коллектива лягушек, обезьян, моллюсков, полипов, кого хотите, но только не коллектива людей.

Но и практика не всегда была лучше. Пролетарская педагогическая установка с боями прокладывала себе

дорогу, пробивалась в жизнь, откликаясь на живые требования и потребности нашей промышленности нашей новой культурой. Разве не характерно, что лучшей школой воспитания является комсомол, производство, армия? Здесь пролегают пути подлинного классового воспитания — здесь и в школе; так были созданы фабзавучи и рабфаки, многочисленные и разнообразные курсы. Здесь дело делалось самыми быстрыми темпами, часто без специально разработанного теоретического фундамента, без практических кадров, ощупью, со многими ошибками, но спасали классовое чутье и живые требования жизни.

Но в области собственно воспитания не было такой сильной живой струи. Кроме того, воспитательная область, так сказать, нежнее и неуловимее. А в нашей рабочей комсомольской и партийной интеллигенции много еще существует воспитательных предрассудков, на веру воспринятых от старой педагогической теории и просто от бродячей интеллигентской мысли, от литературных образов и идеалов. Путь нового ленинского воспитания, путь воспитания коммунистического — это путь напряженной борьбы со многими врагами. Враги эти: осколки старой российско-интеллигентской идеологии, сильные толщи буржуазного индивидуализма. Эти враги на каждом шагу окружали нас, новых работников просвещения, хотящих воплотить требования, предъявленные к нам нашей эпохой и революцией, в живом, настоящем деле.

Самым удобным местом для борьбы был детский дом. Это был действительно новый тип детского учреждения, где меньше всего можно было бояться остатков старой практики... Это были выгодные стороны детского дома. Но были и неудобства. Первое: именно в детском доме оторванная от жизни начетническая теория старалась организовать свою собственную «новую практику»; во-вторых, детский дом предлагал невероятно трудный состав детей, почти сплошь воспитанных улицей. Поэтому работа в детском доме всегда обращалась в боевой фронт.

В дни начала коммуны имени Дзержинского было уже много товарищей, знающих цену новой воспитательной пролетарской практике, много было людей, на опыте убедившихся в возможности большого прямого опы-

та, поэтому коммуна начинала жить смелее, чем ее предшественники. Но бороться приходилось и тогда, а больше всего пришлось наблюдать недоверия и вот этого самого пожимания плечами.

Сейчас коммуна победоносно закончила пятилетие. Теперь нужно говорить о принципах нашего воспитательного опыта. Это именно те принципы, по поводу которых были пожимания плечами.

В 1927 году мы явились перед педагогическим Олимпом со своим скромным идеалом культурного советского рабочего. Нам ответили:

— Культурного рабочего?.. А как? Самое главное как? Мы изложили свои взгляды на педагогическую технику, которую уже нам удалось испробовать в одном из медвежьих углов, далеком от больших педагогических дорог.

— Мы желаем воспитать культурного советского рабочего. Следовательно, мы должны дать ему образование, желательно среднее, мы должны дать ему квалификацию, мы должны его дисциплинировать, он должен быть политически развитым и преданным членом рабочего класса, комсомольцем, большевиком. Мы должны воспитать у него чувство долга и понятие чести, иначе говоря — он должен ощущать достоинство свое и своего класса и гордиться им, он должен ощущать свои обязательства перед классом. Он должен уметь подчиниться товарищу и должен уметь приказать товарищу. Он должен уметь быть вежливым, суровым, добрым и беспощадным — в зависимости от условий его жизни и борьбы. Он должен быть активным организатором. Он должен быть настойчив и закален, он должен владеть собой и влиять на других; если его накажет коллектив, он должен уважать и коллектив и наказание. Он должен быть веселым, бодрым, подтянутым, способным бороться и строить, способным жить и любить жизнь, он должен быть счастлив. И таким он должен быть не только в будущем, но и в каждый свой нынешний день.

«Олимпийцы» ужаснулись:

— Наказание? Наказание воспитывает раба!

— Долг — буржуазная категория!

— Честь — офицерская привилегия!!

— Это не советское воспитание!!!

Это происходило действительно так: у нас сохранился стенографический отчет.

Мы работали пять лет. Вместе с нами почти не работали педагоги, но с нами работали коммунары-дзержинцы. Они делали стулья, арматуру, сверлилки, новую свою жизнь, нового человека,— и они еще делали новую советскую педагогику. На нашем небольшом участке мы были не в состоянии сделать много, и с нашим небольшим «участковым» опытом нас не пускали на страницы педагогических журналов. Но то, что мы сделали,— уже не страница журнала.

Коммуна имени Дзержинского за пятилетие отточила свои методы до достаточной точности. Только еще небольшие остатки идеализма и индивидуалистической педагогики до сих пор отравляют наше торжество. Но и с ними мы рассчитываем справиться в кратчайшее время.

Коммуна имени Дзержинского не знает пропасти между умственным и физическим трудом. Рабфак машиностроительного института подводит нашего коммунара непосредственно к втузу, но он входит в него не только подготовленным студентом — он уже и мастер высокой квалификации.

Поэтому вступление во втуз для коммунара может быть и необязательным. Уже сейчас на коммунарском заводе работает несколько инструкторов-коммунаров, путь которых, очевидно,— путь младшего комсостава промышленности.

Давая коммунарам высокую квалификацию, связанную со средним образованием, мы в то же время сообщаем им многие и разнообразные качества хозяина и организатора. Нужно побывать на коммунарском общем собрании, чтобы в этом убедиться. Вопросы промфинплана, технологического процесса, снабжения, работы отдельных деталей, приспособлений, рационализации и контроля норм и расценок, штатов и качества персонала ежедневно проходят перед коммунарами, проходят не как перед зрителями, а как перед распорядителями, которые не могут отмахнуться ни от какого вопроса, иначе их дело на другой же день начнет давать перебои. В решении этих вопросов для коммунаров находится прежде всего место приложения их общественной энергии, но это не энергия людей, отказывающихся от личной жиз-

ни, это не жертва подвижников, это разумная общественная деятельность людей, понимающих, что общественный интерес — это есть и интерес личный.

В этой общей установке, подчеркнутой во многих деталях нашего дела (например, в сдельной зарплате), мы находим все точки отправления и для принципов нашей педагогической техники.

В чем эти принципы?

Прежде всего, отстраняя воспитательную работу специально над отдельным лицом, над пресловутым «ребенком», составляющим заботу педагогики, мы усложняем воздействие на личность. Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный.

Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе, такое удержание, чтобы эта личность считала, что она в коллективе находится по своему желанию — добровольно, и, во-вторых, чтобы коллектив добровольно вмещал эту личность.

Коллектив является воспитателем личности. В практике коммуны имени Дзержинского, например, проступки отдельной личности, какие бы они ни были, не должны вызывать реагирования педагога предпочтительно перед реагированием коллектива. Педагог в коммуне постольку может влиять на отдельную личность, поскольку он сам член коллектива...

Это вовсе не значит, что мы, педагоги и вообще взрослые руководители коллектива, стоим в стороне и только наблюдаем. Как раз нам приходится каждую минуту мобилизовать нашу мысль и опыт, наш такт и волю, чтобы разобраться в многообразных проявлениях, желаниях, стремлениях коллектива и помочь ему советом, влиянием, мнением, а иногда даже и нашей волей. Это очень сложный комплекс рабочих напряжений.

Но как бы много мы ни работали, мы никогда не можем стать педагогическими авгурами [1], изрекающи-

---

[1] *Авгуры* — в переносном значении слова — люди, делающие вид, что посвящены в особые тайны: «предсказатели».— *Сост.*

ми законы воспитания. Законы эти вытекают из общей жизни Советского Союза и, в частности, из жизни нашего коллектива, и они настолько сами по себе убедительны, что мудрить над ними нам уже не может быть дано. Таким образом, педагогическая установка коммуны в общем формулируется так: создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность.

Разрешая вопрос жизни коллектива, мы не можем рассматривать коллектив как «группу взаимодействующих и совокупно реагирующих индивидов». Мы видим не «совокупность» и не отвлеченный коллектив, а конкретный живой коллектив мальчиков и девочек — часть советского рабочего общества в эпоху строительства социализма, классовой борьбы и перехода нашего к бесклассовому обществу. И мы видим прежде всего, что наш детский коллектив решительно не хочет жить подготовительной жизнью к какой-то будущей жизни, он не хочет быть явлением только педагогическим, он хочет быть полноправным явлением общественной жизни, как и каждый другой коллектив.

Отдельные члены коллектива не рассматривают себя как «зародыш будущих личностей». Естественно и нам стать на такую точку зрения и считать наших воспитанников полноправными гражданами советских республик. Как полноправные граждане, они имеют право на участие в общественном труде — по своим силам. Они и участвуют, и участвуют не в педагогическом порядке, а в рабочем, то есть не портят материал, а производят нужные вещи, не из идеалистических соображений альтруизма и нестяжания, а из стремления к заработку и своего, и коллектива, и за свою работу они отвечают по всей строгости производства — отвечают прежде всего перед коллективом, который является поглотителем и частного вреда и частной пользы.

Из этого основного нашего взгляда на детский коллектив проистекают и все наши методы.

Мы даем детскому или юношескому коллективу школу, рабфак, завод, инженеров, промфинплан, зарплату, обязанности, работу и право ответственности. А это значит — даем дисциплину.

Пожимающие плечами «олимпийцы» могут много говорить о необходимости дисциплины, могут с радо-

стью наблюдать уже готовую дисциплину и даже умиляться по поводу ее красот, но совершенно не в состоянии без истошного крика наблюдать процесс дисциплинирования. Дзержинцы же ничего особенного в самой дисциплине не видят; по их мнению, это естественное и необходимое состояние каждого коллектива. В самом факте дисциплины нет для них никакой проблемы. Они видят только процесс дисциплинирования и считают, что проблема именно в этом процессе.

Если коммунар не убрал станок и он покрылся ржавчиной, коммунарское собрание, пожалуй, даже не подумает о том, что виновника нужно дисциплинировать, но все будут говорить и кричать:

— Ты испортил станок, понимаешь? Ты знаешь, сколько станок этот стоит? А что завтра будем делать, если из-за тебя не хватит детали пятнадцатой? На тебя будем смотреть,— какой красивый, да?

И вовсе не решая проблемы наказания, а только оберегая заводское оборудование как общий коллективный интерес, такого коммунара снимут со станка и поставят на простую работу.

Это, может быть, и жестоко, но это жестокость необходимая. И только потому, что коллектив от нее не отказывается, нам почти не приходится ее применять.

Точно так же в коммуне почти не бывает воровства, потому что всем хорошо известен закон коммуны: украсть нельзя, за кражу можно в полчаса очутиться за бортом коммуны. Для коммуны это вовсе не проблема воспитания личности, это проблемы жизни каждого коллектива, и иначе жить коллектив не может.

Педагогические теории, доказывающие, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны («вы должны его исправлять, а не выгонять»),— это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и «переживаниям» личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из тех же личностей!

Коммуна имени Дзержинского запрещает воровство совершенно категорически, и каждая личность это хорошо знает и не станет рисковать ни интересами коллектива, ни своими собственными. Поэтому в коммуне

почти не бывает воровства, во всяком случае, за воровство у нас уже не наказывают. Если случай воровства происходит с новичком, еще не способным ощущать интересы коллектива как свои собственные, новенькому скажут: «Смотри, чтобы это было в последний раз». А если воровство случится еще раз, коллектив обязательно поставит вопрос об увольнении.

Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку. Эта проблема решается с арифметической точностью. Оставить вора в коллективе — это значит обязательно развить воровство, это значит во много раз увеличить случаи краж, увеличить бесконечные конфликты, связанные с подозрениями на невинных товарищей, это значит заставить всех членов коллектива запирать свои вещи и подозрительно посматривать на соседа, это значит уничтожить свободу в коллективе, не говоря уже о том, что это означает еще и растаскивание материальных ценностей.

Насколько падает и разлагается коллектив при узаконенном и допущенном воровстве, настолько он крепнет в другом случае, крепнет только от одного общего переживания силы коллектива и его права. Тот мальчик, который хоть один раз голосовал за изгнание товарища за воровство, с большим трудом сам идет на воровство. Обращаем внимание и еще на одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску. Обыкновенно коллектив не выгоняет в буквальном смысле на улицу, а отправляет в коллектор. И мы знаем очень много случаев, когда такой изгой приходил к положительным установкам в вопросах социальной нормы. Бывали случаи, когда он вторично присылался в коммуну и уже навсегда забывал о своем воровском опыте.

Категорическое требование коллектива применяется не только по отношению к воровству. В коммуне имени Дзержинского такое же категорическое требование предъявляется и к выпивке, и к картежной игре. За выпивку — безусловное изгнание. И именно поэтому, несмотря на то, что в коммуне есть много ребят 18 и 19 лет, что большинство из них имеет довольно большие карманные деньги, коммунары никогда не пьют и чрезвычайно нетерпимо относятся к пьянству взрослых.

Такая дисциплина вытекает как осознанная необходимость из условий всей жизни коллектива, из того основного принципа, что коллектив детей не готовится к будущей жизни, а уже живет. В каждом отдельном случае нарушения дисциплины коллектив только защищает свои интересы. Эта логика совершенно недоступна пониманию «олимпийцев» и вызывает с их стороны наибольший протест. А между тем эта логика больше направлена в защиту интересов личности, чем всякая другая.

Защищая коллектив во всех точках его соприкосновения с эгоизмом личности, коллектив тем самым защищает и каждую личность и обеспечивает для нее наиболее благоприятные условия развития. Требования коллектива являются воспитывающими, главным образом по отношению к тем, кто участвует в требовании. Здесь личность выступает в новой позиции воспитания — она не объект воспитательного влияния, а его носитель — субъект, но субъектом она становится, только выражая интересы всего коллектива.

Это замечательно выгодная педагогическая конъюнктура. Защищая каждого члена коллектива, общее требование в то же время от каждого члена ожидает посильного участия в общей коллективной борьбе и тем самым воспитывает в нем волю, закаленность, гордость. Уже без всякой специальной педагогической инструментовки в коллективе развивается понятие о ценности коллектива, о его достоинстве. Именно в этом пункте лежит начало политического воспитания. Коллектив дзержинцев осознает себя как часть великого классового пролетарского коллектива, связанную с ним в каждом своем движении. Это и есть политическое воспитание, отличное от политического образования.

В этом же ощущении ценности коллектива заключается и начало понятий чести и долга — категорий, которые «олимпийцами» назывались соответственно «офицерской» и «буржуазной привилегией».

Наше воспитание дает стране квалифицированного культурного рабочего, способного быть командиром в любой отрасли нашей работы, но способного и подчиниться товарищу. Еще не так давно «олимпийцы» описывали ужасы, проистекающие от нашего командира (отряда, группы), который по их мнению, обязательно

душит инициативу, обязательно насильничает. А наш командир только выборной единоначальник, правда, обладающий большой властью и влиянием, но связанный по рукам и ногам во всех тех случаях, когда он начинает представлять личное начало. Отряд командиров — это тоже коллектив, и командир есть только его уполномоченный.

Насчет инициативы — коммунары никогда не станут слушать пустую болтовню, какой бы она ни казалась заманчивой, но без лишних слов примут всякое предложение, которое дает путь к решению поставленной общей задачи.

Мы также протестуем против воспитания деятельности, построенной только на «интересности». Любопытно послушать прения в совете командиров, когда разбирается заявление какого-нибудь новичка:

— Мне в этом цехе работать не интересно, переведите меня в механический.

Такому «ребенку» сурово отвечают:

— Может, собрать оркестр? Может быть, для тебя интересно послушать музыку?

— Где ты был, когда мы строили завод и целый месяц носили землю на носилках? Думаешь, нам было очень интересно?

— Может быть, для тебя и уборные убирать не интересно?

Новый коммунар, впрочем, скоро начинает понимать, в чем дело. Он приобщается к «буржуазной категории» долга. Коллектив требует от личности определенного взноса в общую трудовую и жизненную копилку. Рабочий класс, великая Советская страна собирает личности не по договору, не по найму, не по интересу. И коммунары к вопросам долга относятся просто и уверенно — это естественная позиция пролетария по отношению к своему классу.

И если этот класс, и наш коллектив, и сам индивид представляются человеку ценностями, в которых он не сомневается, возникает понятие о классовой пролетарской чести. Нам остается коснуться одного вопроса, наиболее жгучего в наших педагогических спорах: а как же педагог? Выходит, что все делает коллектив, а педагог для чего? И что может гарантировать, что коллектив будет поступать как раз так, как нужно?

Вопрос уместный. Коммуна имени Дзержинского в 1930 году вовсе отказалась от воспитателей, но это не значит, что у нас их нет. Только здесь мы будем говорить о коллективе педагогов. Нашим воспитательским коллективом являются учителя, инженеры, мастера и инструкторы, чекисты, члены нашего Правления и в первую очередь и главным образом — партийная и комсомольская ячейки. И воспитание коммунаров достигается не путем чьей-нибудь проповеди или нравоучений, а исключительно из жизни, работы, стремления самого коллектива. Эта работа и стремления определяются тем, чем живет коллектив, то есть нашей революцией, нашими пятилетками, нашей борьбой за экономическую независимость, нашим стремлением к знаниям, нашим рабфаком, нашим упорядоченным, вымытым, вычищенным коммунарным бытом, нашей дисциплиной, каждой минутой нашего напряженного, полного усилия, смеха, бодрости, мысли дня. И поэтому — пусть педагоги пожимают плечами! Эта «физкультура» уже немного запоздала.

Мы смело глядим в будущее. Образованный, знающий, умеющий мастер-коммунар, сознательный «хозяин» Советской страны, комсомолец и большевик, организатор и командир, умеющий подчиняться и приказывать, умеющий бороться и строить, умеющий жить и любить жизнь,— вот наше будущее, наш вклад в грядущие кадры, какой дает коммуна имени Дзержинского.

А если нам еще удастся перевоспитать нескольких педагогов — это уже дополнительная, внеплановая победа...

Трудовое воспитание [4]

Я хочу остановиться недолго на вопросе о трудовом воспитании, чтобы потом перейти к заключительному отделу — к отделу о стиле и тоне.

Как вы помните, с начала нашей революции наша школа называлась трудовой, и все мы, педагоги, находились под впечатлением не столько трудового метода, сколько под обаянием самого слова «труд» и под обаянием трудового принципа. В колонии возможности труда были, конечно, больше, чем в школе, но за 16 лет моей работы в колониях имени Горького и имени Ф. Э. Дзер-

жинского мне пришлось пережить очень сложную историю развития и моего отношения к воспитывающей роли труда, и организации трудовых процессов, и даже понимания самого трудового метода.

В 1920 году я никак не мог представить себе ту трудовую обстановку, которая была в коммуне имени Дзержинского в 1935—1936 годах.

Я не могу сказать уверенно, что путь трудовой организации, ее развития, который я прошел, был путем правильным, так как я не был самостоятельным в этой области и находился в зависимости от многих мнений и точек зрения людей, временно прикасавшихся к моей работе, вносивших в нее свою точку зрения, свои изменения и формы. В течение всех 16 лет мне приходилось идти рядом и приспосабливаться к тем обстоятельствам, в которых я находился.

В колонии имени Горького мне приходилось приспосабливаться главным образом к нужде и выводить трудовой принцип из необходимости, из обстановки нужды. В коммуне имени Дзержинского мне приходилось приспосабливаться и даже бороться с отдельными течениями, исходящими от моего начальства.

Я считаю, что были некоторые периоды в истории моего коллектива, которые я с известным правом могу назвать вполне идеальными. В коммуне имени Дзержинского это было приблизительно в 1930—1931 годах.

Почему я называю этот период идеальным? Это был период, когда все мои коммунары работали уже на настоящем производстве, то есть была такая организация, в которой был промфинплан, стройный порядок, в котором присутствовали все формы серьезного завода — планово-производственный отдел, нормировочный отдел, точнее — нормы для каждого дела, стройная зависимость между всеми рабочими местами, очень строго разработанный перечень деталей, снабженный не только количеством выпускаемых деталей, но и нормами выпуска и нормами качества...

Тогда производство было у нас вполне рентабельно, окупало не только себя, но и коммунарский коллектив в его бытовой жизни и приводило к накоплению, то есть у нас было настоящее производство. И в то же время коммунары не получали заработной платы. Это, конечно, спорный вопрос, и он остается спорным вопросом до сих

пор. Я не знаю других учреждений, которые проводили бы такой опыт.

Я был в то время противником заработной платы. Поднятие производительности труда, исходящее из интересов коллектива, поднятие трудового энтузиазма постоянного наполнения, не энтузиазма штурма и не энтузиазма ближайших целей этой шестидневки или этого месяца, а энтузиазма спокойного, ровного, видящего далекие перспективы коллектива, и под влиянием этого энтузиазма совершение огромной работы, требующей от педагога мобилизации психической, физической и идеологической... Я считал такой энтузиазм наиболее ценным воспитанием, и я глубоко был уверен, что заработная плата эту картину нравственного благополучия должна несколько испортить и расколоть.

Я не могу сказать, чтобы введение заработной платы привело к каким-либо дополнительным достижениям, и потому я продолжал отстаивать свою точку зрения. Я указывал на то, что работали без заработной платы и делали все, что нужно, превышая норму и превышая план, и находились в полном благополучии с материальной стороны.

Но я был окружен настолько влиятельными противниками, отнюдь не заинтересованными в моих педагогических устремлениях, но уверенными в том, что заработная плата повысит интенсивность труда и заинтересованность воспитанников в труде, и настолько эта точка зрения поддерживалась моим руководством, что я не имел возможности и сил бороться с этой тенденцией, и поэтому последние годы я прожил в обстановке заработной платы.

Поэтому я сейчас могу отбросить другие положения и считать, пожалуй, их негативными положениями трудового воспитания. Это такие положения, когда нет производства, когда нет коллективного труда, а когда есть отдельные усилия, то есть трудовой процесс, имеющий целью дать якобы трудовое воспитание.

Я не представляю сейчас себе трудового воспитания коммунаров вне условий производства. Вероятно, что такое воспитание также возможно, то есть воспитание в труде, не имеющем производственного характера. Такое воспитание я пережил сравнительно недолго, в первые годы в колонии имени Горького, когда поневоле из-за отсутствия производственной арены, производственного обору-

дования мне пришлось довольствоваться, так сказать, производственным самообслуживанием и так называемым производственным процессом... Во всяком случае я уверен, что труд, не имеющий в виду создания ценностей, не является положительным элементом воспитания, так что труд, так называемый учебный, и тот должен исходить из представления о ценностях, которые труд может создать.

В колонии имени Горького просто из-за нужды я торопился перейти к производству. Это было производство сельскохозяйственное. В условиях детских коммун сельское хозяйство почти всегда является убыточным. Мне удалось в течение двух лет, и только благодаря исключительным знаниям и уменью агронома Н. Э. Фере, прийти к рентабельному хозяйству, и не к зерновому, а к животноводческому. Главной ареной у меня была свинарня. В последние годы мы имели до 200 маток и производителей и несколько сот молодняка. Это хозяйство было оборудовано по последнему слову техники. Была специально выстроенная свинарня, в которой чистота была, пожалуй, не меньше, чем в коммунарских спальнях, которая промывалась при помощи солидной системы водопроводов и сливов, стоков и кранов, где даже не было запаха... свинари имели вид франтов. Вот такое хозяйство, оборудованное по последнему слову техники, снабженное кормовой базой, уже приносило нам большой доход и позволяло жить более или менее зажиточно. Мы уже имели возможность не только хорошо есть и одеваться, но и усиленно пополнять наше школьное хозяйство, библиотеку, имели возможность построить и оборудовать хорошую сцену; мы за эти деньги приобрели инструменты для духового оркестра, киноаппарат, все то, что в 20-х годах мы не могли иметь ни по какой смете.

Кроме того, мы помогали бывшим воспитанникам, которых становилось все больше и больше, студентам, бывшим воспитанникам, оказавшимся в нужде, помогали очень многим, вступающим в брак. Предпринимать путешествия, принимать гостей — тоже дорогая очень штука. Мы бывали очень часто в театрах, в общем имели все те блага, которые и должен иметь советский гражданин, выполняющий свои трудовые обязанности.

Вот все эти блага, которые я перечислил, они были настолько убедительным импульсом для повышения про-

изводительности труда, что я даже не вспоминал тогда о заработной плате.

Правда, я признавал необходимость для воспитанников иметь карманные деньги и вообще являюсь большим сторонником карманных денег... Человек, вышедший в свет, должен иметь некоторый опыт личного бюджета и должен уметь тратить деньги. Он не должен выходить в жизнь такой институткой, которая не знакома с тем, что такое деньги. Но тогда Украинский наркомпрос категорически возражал против выдачи карманных денег воспитанникам колонии, считая, что таким образом я буду воспитывать меркантильность. Поэтому я мог выдавать карманные деньги, только предварительно договорившись с воспитанниками, что они никому не будут об этом говорить...

Но эти карманные деньги я выдавал не в зависимости от произведенного труда в каждом отдельном случае, а в зависимости от общих заслуг воспитанника по отношению к коллективу.

В таком же положении я находился в коммуне имени Дзержинского, где было не сельское хозяйство, а производство. Там зависимость коммунаров от производства была еще больше. Колония имени Горького получала деньги по смете, а коммуна имени Дзержинского не получала ни копейки, и, мне кажется, за все время своего существования она не взяла от государства ничего. Поэтому не только дополнительные блага в коллективе, но и нормальная пища, простая сытость коммунаров исключительно зависела от их труда в коллективе.

Мне пришлось начинать в очень тяжелой обстановке в коммуне имени Дзержинского, в гораздо более тяжелой, чем в колонии имени Горького, где все-таки была смета. Коммуну имени Дзержинского построили очень шикарно. Она была организована в несколько благотворительном стиле в первые годы. Хотели увековечить память Ф. Э. Дзержинского и выстроили дом, очень красивое здание, одно из прекраснейших произведений архитектуры известнейшего архитектора в Советском Союзе, где и теперь нельзя найти никакой дисгармонии ни в плане, ни в рисунке фасада, ни в украшениях дома, ни в рисунке окон и т. д. Там были прекрасные спальни, был великолепный вестибюль, ванны, души, прекрасные классные комнаты, широкие и красивые. Коммунаров одели

в богатые суконные костюмы и запас дали достаточный. Но не поставили ни одного порядочного станка. Не было у нас ни огорода, никакого участка земли, и сметы также не было. Предполагалось, что как-нибудь устроится.

В первые годы коммуна жила на отчисления, которые производили чекисты Украины из своего жалованья в размере полпроцента. Это давало в месяц около 2000 рублей. А мне нужно было до 4000—5000 рублей в месяц, только чтобы покрыть наши текущие расходы, считая школу. Остальные 2000—3000 рублей мне достать было негде, так как и работать было негде. Были по недоразумению те мастерские, на которые еще от Адама и Евы Наркомпрос возлагал свои надежды,— это сапожная, швейная и ручная столярная. Эти мастерские — сапожная, швейная и столярная,— как вы знаете, считались альфой и омегой педагогического трудового процесса, причем сапожная мастерская состояла в том, что в ней было несколько пар колодок, несколько табуреток, были шилья, молотки и не было ни одного станка, не было кожи, и предполагалось, что мы будем выращивать ручных сапожников, то есть тот тип мастерового, который нам сейчас абсолютно не нужен.

Такое же было оборудование и в столярной мастерской, где было несколько фуганков, рубанков, и считалось, что мы будем выпускать хороших столяров, делая все вручную.

Швейная мастерская тоже была построена по дореволюционным нормам, и предполагалось, что мы будем воспитывать хороших домашних хозяек, которые смогут в случае чего подрубить пеленки, положить заплату и сшить себе кофту.

Все эти мастерские вызывали у меня отвращение еще в колонии имени Горького, а здесь я совсем не понимал, для чего они устроены. Поэтому я со своим советом командиров закрыл их через неделю, кое-что оставив для наших собственных нужд.

В первые три года коммуне имени Дзержинского пришлось пережить очень большую нужду. Были моменты, когда мы в течение дня ели один хлеб. Насколько велика была нужда, можно было судить по тому, что я первые 8 месяцев не получал жалованья, должен был кормиться тем самым хлебом, которым кормилась и коммуна... Бы-

ли моменты, когда в коммуне не было ни копейки и когда надо было ходить «позычать», как говорят украинцы. Представьте себе, эта нужда, несмотря на то, что мы переживали ее тяжело и с обидой,— она-то и была прекрасным стимулом для развития труда. Чекисты — и я им за это очень благодарен — никогда не соглашались перейти на смету и просить помощи у Наркомпроса: дайте нам денег на содержание воспитанников. И действительно, было стыдно: построили коммуну, а содержать детей не на что. И поэтому все наши усилия направились к тому, чтобы заработать самим — самое неприкрытое стремление заработать на жизнь.

Первый год мы очень много работали в своих столярных, мы делали все то, что требуется для домашнего обихода,— стулья, шкафики. И были заказчики. Делали очень плохо, заказчики обижались, и обычно мы были в убытке. Стоимость материалов, электроэнергии, гвоздей, клея — все это только-только совпадало с той ценой, которую мы назначали заказчикам, а труд наш не оплачивался.

Помогло нам одно счастливое обстоятельство. Мы пригласили заведующего производством Соломона Борисовича Когана, человека весьма беспринципного по отношению к педагогике, но чрезвычайно энергичного. Я очень благодарен этому товарищу и считаю, что мне когда-нибудь надо специально поблагодарить его за те совершенно новые педагогические принципы, которые он внес в мое дело, несмотря на полную свою педагогическую беспринципность.

Прежде всего он поразил меня своими первыми словами. Это толстый такой человек, с животиком, с одышкой, очень напористый.

Придя в коммуну, он сказал:

— Как? 150 коммунаров, 300 рук не могут себе заработать на суп! Как это может быть? Они должны уметь зарабатывать себе на жизнь, и не может быть иначе.

Это был принцип, в котором я раньше сомневался. Он доказал мне через месяц, что он прав. Правда, мне пришлось уступить ему во многих моих педагогических тезисах.

Прежде всего он начал с некоторой авантюры. Он отправился в Управление строительством Строительного института и предложил:

— Я вам сделаю мебель для института.

Он никаких оснований не имел для такого предложения. Мы не умели делать мебели, и для производства мебели у нас не было оборудования, не было станков, не было материала. У нас был только Соломон Борисович Коган и 150 коммунаров.

К счастью, люди оказались доверчивые и наивные и говорят:

— Пожалуйста, сделайте.

— Давайте напишем заказ.

Написали заказ — столько-то тысяч разных предметов для аудиторий, столько-то столов, столько-то стульев, шкафов и т. д. Когда я посмотрел этот список на 200 000 рублей, я подумал, не позвонить ли врачу и не измерить ли температуру у Соломона Борисовича. Я говорю:

— Как это вы взяли?

Он говорит:

— Сделаем.

— А все-таки, с чего мы начнем? Ведь нам нужны деньги, а денег нет.

Он говорит:

— Всегда бывает так, что, когда у человека не бывает денег, он говорит — нет денег. А потом откуда-то достает, и мы достанем.

— Откуда достанем? Кто же даст?

— А разве нет на свете «дураков», которые дадут?..

И представьте себе, он нашел. В том же институте оказался, простите за выражение, «дурак», который пошел на его предложение. Соломон Борисович говорит:

— Мы мебель сделаем, а куда ее складывать? У вас только фундамент роют. Хорошо, мебель у нас скоро будет готова, но куда ее сложить?

Тот отвечает:

— Да, действительно некуда складывать.

Соломон Борисович говорит:

— Ну, мы можем ее у себя сложить.

— А у вас есть куда сложить?

— Нет, но мы можем построить складочное помещение. На это надо 50 000 рублей.

— Получайте 50 000 рублей.

Получили 50 000 рублей, но и я, и коммунары, и Соломон Борисович решили, что мы складочного помещения строить не будем. На эти деньги мы купили станки деревообделочные, купили материал. Соломон Борисович взял еще аванс и стал производить отнюдь не оборудование для Строительного института, а всякие вещи, которые могли быть проданы на рынке. Он стал делать обыкновенные стулья для продажи на рынке, причем сначала делал стулья корявые, никуда не годные, но Соломон Борисович говорил, что пока коммунар стула делать не умеет, он будет делать проножку. И он ввел разделение труда. Я очень сомневался.

Он ввел такое разделение — один строгал, другой пилил, третий чистил, четвертый шлифовал, пятый брал на контроль и т. д. Но никакого учебного процесса не получалось, и мои коммунары обратили внимание и говорят: мы тут ничему не научимся. На общем собрании говорили, что это нужное дело, что для коммуны нужно поработать, но нужно, чтобы и польза была и ученье было, а на этих планках и проножках научиться нельзя.

Соломон Борисович оказался действительно знающим в своей области. Он разбил производство стула на десятки операций, и каждый коммунар выполнял одну единственную операцию. Но благодаря этому мы стали выпускать стульев видимо-невидимо.

Скоро весь наш двор был завален стульями, правда, очень плохого качества. Сначала Соломон Борисович больше полагался на всякие поправки: когда стулья были сделаны, он изобрел специальную замазку из клея и опилок, и этой замазкой он замазывал все дырочки, шлифовал и т. д. Во всяком случае через полгода он 50 тысяч основного капитала превратил в 200 тысяч. Тогда он купил еще станки и лесу и перешел на производство театральной мебели...

В дальнейшем Соломон Борисович отошел на второй план и сделался начальником снабжения — должность, наиболее соответствующая его специальности и таланту; пришел новый инженер, и все-таки я убедился, что такое строгое разделение труда по отдельным мельчайшим процессам — полезная вещь. Когда смотришь на него в лоб, расширенными зрачками, оно производит угнетающее впечатление, а когда рассматриваешь его во времени, оно ничего страшного не представляет. Конечно, каж-

дый отдельный мальчик или девочка в каждый данный момент производит только одну операцию, которая, казалось бы, не дает никакой квалификации, но в течение нескольких лет, которые коммунар проводит в коммуне, он проходит через такое большое количество различных операций, переходя, наконец, к сложнейшим операциям — сборка и др., что он действительно делается очень квалифицированным работником, необходимым для широкого общественного производства, а не для кустарного.

Конечно, если бы я так и остался сидеть на деревообделочном деле, то мои коммунары могли бы выходить только производственниками для деревообделочной фабрики, и то только для фабрики с большим разделением труда. Но именно успех коммерческий, успех в смысле производительности позволил нам настолько основательно удовлетворить наши потребности, что мы уже через год после пришествия Соломона Борисовича поблагодарили чекистов и просили их прекратить отчисление своих процентов, а еще через год мы уже имели накопление 600 тысяч чистых в банке.

Вот что нам дало наше производство. А имея 600 тысяч рублей, мы уже имели лицо не благотворительного учреждения, а серьезного предприятия, которому можно верить.

И банк нам доверил ссуды на строительство. В 1931 году мы построили первый завод, уже основательный завод металлообрабатывающей промышленности, производящий сверлилки — очень сложные машинки, до того времени импортные. Очень быстро освоили, несмотря на то, что эта машинка имела свой мотор, 150 деталей, много всяких шестеренок, так что требовались и фрезерные, и зуборезные станки, очень сложная сборка, литье, и все-таки мы имели возможность, пользуясь опытом разделения труда на дереве, очень быстро освоить производство на металле. Эта психология человека, работающего на одной детали, но доводящего этот процесс до совершенства,— она пригодилась и на металле. Нам понадобилось месяца полтора, чтобы освоить очень сложные станки, причем на станках стояли коммунары 13—14 лет.

Работа на металлообрабатывающем заводе была настолько успешной, что мы начали строить завод фотоаппаратов. Этот очень сложный завод был построен на собственном оборудовании. Нынешний завод фотоаппаратов

коммуны является своим заводом. Там вы можете встретить станки, которые не на всех заводах имеются, причем там очень сложный процесс точности до микрона, то есть требующий очень сложных инструментов, подбора инструментария, научно оборудованной и придирчивой техники контроля, вообще сложнейшее производство.

Я убежден, что мы не могли бы прийти к нему, если бы не начали с производства стульев, с разделения труда. Я понимал, что суть не в том, с чего начинать, а в логике производства, основанного на последних данных, а таковыми являются разделение труда и план.

Для непроизводственника трудно понять, что такое план на производстве. План заключается не только в том, сколько надо сделать столов и стульев. План — это тонкое кружево норм и отношений. Это кружево всяких деталей, это кружево всяких частей, движение от станка к станку. Нужно предусмотреть и приспособление качества материала, подачу материала, выдачу инструмента, его заточку, его пополнение и, наконец, контрольные требования, а в хорошем производстве контроль — это также набор всяких приспособлений, норм и условий. Это сложнейшее «оборудование» человеческой деятельности. И на таком «оборудовании» нужно воспитывать наших граждан, поскольку они участвуют не в кустарном производстве, а в производстве большого государственного масштаба, организованном по последнему слову техники.

Конечно, после этого оборудования в коммуне имени Дзержинского я не могу представить себе не только сапожной или швейной мастерской, но и деревообделочной на ручном станке...

Трудовое воспитание постепенно у нас перешло в производственное воспитание, я не ожидал сам, к чему оно может привести. Но в последние годы я не удивлялся, когда у меня мальчики 13—14 лет управляли группой фрезерных станков, где нужна и математика, и очень тонкое соображение.

Я уже не говорю, что здесь надо знать и качество материала, и качество резца, уметь читать чертежи и так далее. Рядом с мальчиком 14—15 лет, который уже сам прекрасный фрезеровщик и руководит группой фрезеровщиков, вы видите мальчика лет 16—17 — начальника цеха, правда, может быть, цеха более простого, а уже в 19 лет юноша руководит сложным цехом. Вот Володь-

ка Козырь, бывший мой связист, который умел только побежать и найти товарища, руководил сложным механическим цехом.

Этот путь, который для взрослого человека, может быть, потребует 10 лет, для мальчика на производстве потребует один-два года. Этот путь, к которому я перешел, не так легок, и сразу трудно поверить, что мальчики и девочки на своем производстве достигают такой большой квалификации. По отношению к девочкам надо сделать такую поправку: они также быстро достигают стахановских норм выработки, только не в металлообрабатывающем производстве, а в процессе сборки, монтажа, в производстве с легкой физической работой, в особенности в производстве оптическом: в производстве линз, где больше требуется чистоты и внешней точности; в части точных движений и внимательности они мальчиков обгоняли. Мальчики преобладали своими способностями конструкторов, а девочки — своими способностями к точности и организованности в сложных и ответственных процессах. Мальчики не могли справиться с производством линз, и все это производство было передано девочкам. В процессе сборки тончайших узлов, где нужны не только точность движения рук и точность глаза, но еще очень строгое и точное расположение частей на столе, там тоже девочки мальчиков обгоняли не только в производстве, но и в организации производства.

Мальчики вообще были убежденными металлистами, девочки — нет, металл у них не вызывал таких эмоций. У мальчиков железо, медь, никель, сотрясение души производят всегда. Девочки отдалялись от станков фрезерных, револьверных, в особенности от станков, где работа связана с эмульсией, с брызгами, грязью.

Девочки-коммунарки никогда и не пробовали работать в литейном цехе.

Вот виды труда, к которым перешел мой коллектив к последнему своему году.

Если рассматривать этот труд с точки зрения обычного понимания педагогического процесса, то есть вот отдельный человек — воспитанник, а вот его воспитатель, то, пожалуй, производство может показаться неправильно оборудованным педагогическим процессом, но если его рассматривать в коллективе и во времени, то оно окажется очень притягательным.

Всякое сложное производство уже тем хорошо, что оно дает простор для удовлетворения вкусов и наклонностей.

В таком производстве, как производство ФЭДов, у нас и большой чертежный цех, где работает несколько десятков чертежников, и плановый отдел, и контрольный отдел, и большой инструментальный цех, коммерческий отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих наклонностей. Конструкторское бюро (конструкторы, чертежники) целиком обслуживалось коммунарами. Значит, туда шли те, у кого к этой работе были наклонности и способности.

Наибольшую квалификацию дает инструментальный цех, то есть мальчик пройдет все цехи и отделы и увенчает свое производственное образование в инструментальном цехе, откуда он может выйти лекальщиком, то есть добиться наивысшей квалификации инструментальщика.

Я вижу полезность этого процесса производства в каждом отдельном его пункте для воспитания характера человека, вышедшего из коммуны. У меня бывают часто коммунары, вышедшие из коммуны, учащиеся в вузах и приезжающие из города меня навестить. Это все люди, получающие или получившие высшее образование. Там есть и историки, и геологи, и врачи, и инженеры, и конструкторы и т. д. Но у всех в характере есть особая черта широты и разносторонности взглядов, привычек, точек зрения и т. д.

Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра,— на «сотку».

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот сотка.

Глаз, рука и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уваже-

ние к точности. И, наблюдая коммунаров, я вижу сейчас отражение тех навыков, которые приобрели они на всяких пройденных ими организационных и производственных работах.

Коллектив, имеющий у себя завод и отвечающий за завод, много приобретает навыков организаторских, то есть тех навыков, которые, может быть, наиболее нужны для гражданина Советского Союза. На каждом общем собрании, на каждом производственном совещании командиров, просто на сборах и группах, в цехе, во время будничного разговора всегда упражняется эта организаторская способность, и всегда коллектив привыкает требовать ответственности не только от каждого отдельного рабочего, но и от каждого коммунара как организатора. Если вы должны представлять себе всю сложность производства, то вы должны представить и всю сложность отношений человека к производству. На общем собрании, где сидят ученики и механического цеха, и оптического, и сборного одного, и сборного другого, и инструментального, кто-нибудь поднимает вопрос о недостаче какой-нибудь детали, и высказывается сборный цех, прося высказаться людей, которые никакого отношения к сборному цеху не имеют, и эти люди высказываются, то есть они понимают, чего там не хватает, они высказываются как организаторы.

Еще большее упражнение организаторских способностей происходит в самом цехе во время работы. То же самое руководство группой фрезерных станков требует уменья организатора-единоначальника.

Я понимаю, что не так легко организовать такое производство, но нельзя же говорить только о легких вещах. И для меня организовать такое производство стоило 16 лет труда, 16 лет нужды и борьбы. Ну что же, я уверен, что и любой детский коллектив, если бы он захотел перейти на серьезное производство, тоже истратит не меньше 10 лет, и, конечно, первые поколения, которые будут бороться за это производство, уйдут, не испытав еще всех благ. Следующие испытают.

Не надо думать, что первые поколения уйдут обиженные. Ведь бороться за цели, поставленные на будущие годы,— и это уже стóит многого в смысле квалификации и воспитания. Может быть, во всем этом процессе главным является эта коллективная борьба, это

устремление вперед, марш к ясно поставленным целям.

Я счастлив, что мой коллектив всегда имел перед собой ясно поставленные трудные цели и шел к ним, и не просто передвигался в пространстве, но преодолевал трудности, даже нищету и трения внутри своего коллектива. И когда есть марш к ясно поставленным целям, если поставить эти слова сознательно, именно «движение к ясно поставленным целям», тогда вопрос о заработной плате не имеет уже такого принципиального значения. В хозяйственном коллективе, где слишком явны достижения труда, где слишком явное благополучие, где каждый рубль накопления сулит что-то на завтра, там уже не нужно стимулировать каждого человека его личной заработной платой.

Заработная плата у меня была потом введена, но мне удалось сохранить и коллективный тон и нивелировать тот вред, который могла бы принести заработная плата в младшем возрасте. Зарплата у взрослого человека, у которого есть семья, ответственность перед семьей, детьми,— это одно. В детском коллективе я разорвусь на части, чтобы он был одет. Я отвечаю за то, чтобы он был одет, за то, чтобы он был в тепле, за его школу. Поэтому зарплата все-таки является некоторым дополнительным удовлетворением, а это достигается и без заработной платы в хорошем коллективе. Я добился того, что вся заработная плата поступала в мое распоряжение. Это — постановление общего собрания. И коммунары интересовались не столько получением денег на руки, сколько уже накоплением их в сберкассе на будущую жизнь.

Последние нормы в этом отношении были такие. Во-первых, каждый коммунар из своего заработка 10% отчислял в фонд совета командиров. Это не пустяки: 10% заработной платы — очень большая сумма.

И таким образом у нас образовался большой фонд очень быстро. Этим фондом распоряжался уже совет командиров, фонд не считался принадлежащим отдельным коммунарам. Фонд предназначался главным образом на усиление культурной работы, на помощь бывшим коммунарам. Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

— Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями,— командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории, 100 рублей в месяц.

И таких стипендиатов в коммуне имени Дзержинского несколько десятков. В тот год, когда я оставил коммуну, до ста человек получали стипендии. Стипендия, получаемая студентом в вузе, вполне достаточна, если человек связан с семьей, с отцом, с матерью. Но если он одиночка, она не удовлетворяет всех его потребностей. В коммуне, давая 50—100 рублей в месяц стипендии в зависимости от успеваемости и от курса, совершали большое полезное человеческое дело.

Из этого же фонда дается помощь также оказавшимся в нужде коммунарам, если видно, что эта нужда произошла из действительных причин, а не из простой лени. И такой фонд позволяет коммуне держать в своих руках судьбу всех своих воспитанников до того момента, пока они окончательно не вступят в жизнь.

А это заработок коммунаров. Ни один коммунар за все годы, проведенные мною с ним, ни разу не выразил неудовольствия ни в скрытой, ни в явной форме, что 10% его заработка идут в фонд командиров. Имейте в виду, что из этого фонда каждому коммунару, выпускаемому из коммуны, дается «приданое» — кровать, одеяло, пальто, полдюжины белья, костюм, то, что дает каждая семья своему сыну, когда он уходит от нее.

Этот фонд позволял руководить жизнью коммунаров, а такой фонд дороже стоит, чем тысяча наших педагогических аргументов, не проверенных в опыте.

Остальная часть заработной платы коммунаров обычно шла в сберегательную кассу, и считалось, что каждый коммунар, выходя из коммуны, должен иметь в сберегательной кассе не меньше тысячи рублей. Этих денег он не мог получить в коммуне, и вообще они не могли быть выданы ему без моей подписи. Были коммунары, которые получали по 2000—2500 рублей — это те накопления, которые производились за 5—6 лет жизни в коммуне; и, наконец, небольшая часть денег выдавалась на руки как карманные деньги. Мы каждый год совершали походы. Я им придавал большое значение, и не просто походы, а очень большие мероприятия. В коммуне мы совершили 6 походов. Эти походы мы соверша-

ли так. Под походом разумелось: поездка по железной дороге, обязательно пеший марш на расстояние не меньше 80—100 километров, лагерь, обратный марш и снова железная дорога. Такие походы назначались с осени. Для меня этот поход был важен как летняя перспектива, та же самая, которую вы имеете перед собой, думая, куда вы поедете в отпуск летом, мечтаете и готовитесь. Так и коллектив готовился к походам. Когда заводы останавливались, мы знали, как мы проведем эти летние каникулы.

Для меня этот поход имел огромное значение, потому что в течение всего года я мобилизовал вокруг похода и каждого человека, и весь коллектив, и материальные условия, и вел культурную и всякую другую подготовку. Например, чтобы совершить поход по Кавказу — на Владикавказ, Тбилиси, Батуми, надо было целую зиму готовиться, надо было посылать разведчика, чтобы знать, где можно ночевать, кормиться, с кем можно договориться. В разведку посылался командир. В последние годы мы дошли до такой тонкости подготовки походов, что, например, мы знали, выходя из Харькова коллективом в 500 человек, на каком километре, возле какого километрового столба коммунар Иванов передаст коммунару Петрову бас, который надо было нести по всей Военно-Грузинской дороге. Он не может нести его на расстоянии 400 километров, он играет, когда это надо, а несут этот бас все воспитанники, каждый по 10 километров. И точно было известно, возле какого километрового столба, какому коммунару должен быть передан бас.

Даже такие мелочи надо предусмотреть для того, чтобы поход не превратился в каторгу. А уже более серьезные вещи — посадка в поезда, остановки на ночлег и т. д.— так, чтобы была крыша, рядом вода, люди, с которыми можно переговорить и устроить митинг,— все это тоже требует предварительной поездки и разведки.

Самый наш большой поход был: Харьков, Нижний Новгород, Сочи, Одесса, Харьков. Он занял полтора месяца и потребовал очень большой подготовки. По Волге мы плыли 15 дней, и каждый день капитан спрашивал коммунаров:

— Плыть или стоять?

Ему отвечали:

— Жарь на Каму, возвращайся на Оку!

Капитан даже водку пил только с нашего разрешения. Страшный был пьяница, и мы его вызвали на общее собрание после того, как он посадил на мель пароход около Самары. Хотя всем это дало большое наслаждение, конечно, но мы просили его больше водки до конца похода не пить.

Каждый коммунар собирал себе на поход, откладывал карманные деньги, потому что предполагалось, что в походе много будет драгоценностей, которые можно будет купить. Обычно получалось так, что никаких особых драгоценностей не было, покупали бумажники, кошельки, пили ситро, ели конфеты — все то, что можно было купить и в Харькове. Но конфеты, съеденные в Ульяновске, кажутся вкуснее, чем те, которые можно съесть в Харькове.

И каждый коммунар откладывал деньги не у себя, а у меня в кассе. И я всегда в поход возил целый чемодан денег: 50—60 тысяч рублей.

Так что все эти приспособления позволяли уменьшить ту жадность на деньги, на заработок, которая в коллективе, совершенно обеспеченном, могла бы быть очень тяжелой, неприятной прибавкой в воспитательном процессе.

Я забыл сказать вам, что в вопросе об отношении школы к производству и производства к школе я был постоянным противником какой бы то ни было увязки и за это я подвергался немалым гонениям. Таким противником я остался и теперь и глубоко убежден, что если у нас в районе или в колонии есть десятилетка со всеми требованиями Наркомпроса к десятилетке,— а эти требования увеличиваются у нас каждый день — я считаю, что не нужно не только никакой увязки с производством, но даже полезно не иметь никакой увязки.

Я глубоко убежден, что те проповеди увязки, которые высказываются, есть остатки веры в комплекс, а я к комплексу всегда имел отвращение, так как считаю, что некоторую роль надо предоставить и свободному образованию ассоциаций и только такое свободное образование может дать широту, самобытность личности, и там, где мы стараемся активизировать личность по ассоциа-

тивным отношениям, мы можем создать только скучную, неинтересную личность.

Поэтому в моей практике я допустил единственное отклонение от своих убеждений — это то, что прибавил в школе в каждом классе два урока черчения, а в остальном наша школа руководилась педагогическим советом, как и всякая школа, и никакого отношения к производству не имела. В каждой области знания, учения и обучения у нас имеются свои законы, свои требования, свои цели, и эти требования должны удовлетворять каждого равно.

В результате получалась самая здоровая и самая естественная увязка. Выходил человек, знающий производство, знающий организацию производства, процессы производства, и, кроме того, образованный человек, получивший среднее образование.

И когда мне возражали представители теоретической мысли, я им говорил, что среднее образование и квалификация фрезеровщика VII разряда — это прекрасная комбинация, и никаких дополнений к этой комбинации не надо. Нельзя пожаловаться, если человек умеет обращаться со станком...

Из опыта работы[3]

Товарищи, я думаю, что у нас будет беседа, может быть, и вы скажете что-нибудь, потому что мой опыт, а я основываюсь на опыте, отличается от вашего. Но я тоже учитель — железнодорожный учитель и сын железнодорожника, так что должен педагогически мыслить так же, как и вы, хотя мне, пожалуй, повезло больше, чем вам.

В 1920 году советская власть дала мне колонию правонарушителей. Я пошел туда вовсе не потому, что считал себя сильным воспитателем. После революции я работал в полтавской школе, и мне предложили заниматься в здании Губсовнархоза. Приходя туда, я всегда находил там грязные канцелярские столы, окурки на полу и, как правило, воздух, состоящий главным образом из никотина и дыма. Заниматься с детьми в таких условиях было очень трудно, и, разумеется, я готов был удрать куда угодно. Так начался мой опыт работы в ко-

лонии. Он продолжался 16 лет, и тут мне повезло. Мало людей, которым посчастливилось руководить одним и тем же коллективом 16 лет.

Вот в 1935 году этот мой опыт закончился не по моему желанию, не по моей вине.

Все эти годы я работал с одним коллективом, в котором, правда, менялись люди, но менялись постепенно, сохраняя традиции, преемственность между поколениями. Работа в этом коллективе привела меня к некоторым убеждениям, которые я имею склонность распространять и на обычную школу. Почему я так подошел к общешкольному вопросу? Потому, что последние 8 лет коммуна имени Дзержинского НКВД Украины мало отличалась по характеру детского общества от обычной школы.

В коммуне была полная средняя школа, и дети очень быстро, приблизительно через 3—4 месяца, становились нормальными детьми или даже сверхнормальными, если нормальным считать нашего среднего школьника. Так что я не имею оснований полагать, что у меня был особенно трудный состав. Состав у меня был более легкий, чем в некоторых школах. Я настолько мог позволить себе свободу действий, что, например, с третьего года работы в коммуне отказался от штатных воспитателей. В быту моим воспитанникам уже не нужна была специальная надзирательская помощь.

Школа у меня была труднее, чем у вас, потому что я получал детей более или менее отставших: в 10—12 лет кое-как читает, кое-как пишет, а иногда совсем не пишет. Так что закончить курс десятилетки к 18 годам им было труднее.

Был такой старый интеллигентский предрассудок, что беспризорный всегда способный, гений, а на самом деле он в некоторых отношениях слабее, чем нормальный ребенок, он менее подготовлен к систематической школьной работе. Это затрудняло прохождение курса средней школы, но у беспризорных было нечто, что позволяло мне и им преодолевать большие трудности. Они не могли рассчитывать на помощь родителей, а должны были рассчитывать только на себя. Это они понимали. Скоро стали они также понимать, что школа — это дорога в вуз. Особенно ясно им это стало, когда появились первые студенты-коммунары, и студенты приезжали в коммуну.

Тогда коммунары поняли, что дорога в вуз — самая богатая, самая интересная дорога. Привлекало их также и то, что вуз давал общежитие, стипендию.

У моих коммунаров страсть к учебе была сильнее, чем у среднего школьника. И с помощью этой страсти они преодолевали лень и все трудности на этом пути.

Воспитательная работа в коммуне у меня была обставлена лучшими условиями, чем у вас, потому что коммунары находились в моих руках полные сутки в течение 5—6—7 лет. У вас есть такая терминология: это средство воспитательное, а это средство невоспитательное. Причем у вас воспитательное средство не то, которое ведет к цели, а то, при котором меньше скандалов, меньше крика (с м е х), когда и волки сыты и овцы целы. А к каким результатам ведет это средство — не проверяется, не имеет особого значения.

А я считал воспитательным средством то средство, которое ведет к цели. Если даже поднимается крик, скандал, пожалуйста, иду на какой угодно скандал. Я был поставлен в этом отношении в более выгодные условия и был оперативным. Наконец, легкость работы обусловливалась еще одним обстоятельством: в коммуне было производство.

Я был когда-то сторонником «трудовых процессов». Мы все считали, что в трудовых процессах ребенок дает выход своим трудовым инстинктам. Я тоже думал, что трудовой процесс нужен для придания ребенку трудового колорита. В дальнейшем я понял, что ребенок должен учиться какому-то производительному труду, добиваться какой-то квалификации.

Мы, педагоги, теоретически залетали очень высоко, а практически были очень низко. Думали, что дадим нашему ребенку хорошую квалификацию, а на самом деле давали такую, при помощи которой ребенок мог сделать плохую табуретку, готовили швею, которая могла сшить только трусики. Я сам переживал даже чувство некоторого пафоса, когда мне хорошо чинили ботинки, шили трусики и плохо делали табуретку. Потом я избавился от этого педагогического предрассудка. Вы помните, наверно, предрассудок, что трудовой процесс должен быть «увязан» с учебной программой. Сколько мы ломали голову над этим проклятым вопросом. Вот дети делают та-

буретку, а надо, чтобы это было связано с географией и с математикой. (Смех.) Я очень плохо себя чувствовал, когда приезжала комиссия и не находила согласованности между табуреткой и русским языком. (Смех.) Потом махнул рукой и прямо стал утверждать, что не должно быть связи.

Сейчас я это могу аргументировать, когда в коммуне развернулся прекрасный завод, сработанный нашими руками, завод, производящий «Лейки». Очень богатый завод. «Лейка» имеет 300 деталей с точностью до 0,001 *мм*, точную оптику, где сложнейшие процессы, каких в старой России никогда не знали.

Когда я наблюдал работу такого завода, а такой завод — это значит точный план, нормы допуска, нормы качества, когда такой завод обслуживается десятками инженеров, конструкторских бюро и т. д. и т. д.,— только тогда я увидел, что значит такое производство. И как жалок был лепет об увязке школьной программы с трудовыми процессами. Оказалось, что процесс обучения в школе и производство продукции крепко определяют личность потому, что они уничтожают ту грань, которая лежит между физическим и умственным трудом, и выходят высококвалифицированные люди.

В Харькове я встретил девочку, которая оканчивает институт. Но она имеет 6-й разряд полировщицы линз. Она учится в вузе, а между тем этот 6-й разряд у нее сохраняется в руках, она все помнит. И вот, когда выходили из коммуны люди с полным средним образованием и квалификацией 6—7-го разряда, то я видел, что им учеба принесла пользу. Условия производства, производства серьезного,— это и были те условия, которые облегчили педагогическую работу. Я теперь буду бороться за то, чтобы в нашей советской школе было производство. Тем более буду бороться, что труд детей на производстве открывает многие воспитательные пути.

И, наконец, еще одна сторона, совсем не презренная,— это выгодность такого дела. Коммуна имени Дзержинского... отказалась от государственной дотации и перешла на самоокупаемость. А последнее время не только покрывала содержание завода, общежития, всего быта, пищи, одежды, школы целиком, но и давала государству 5 млн. рублей чистой прибыли в год. И это только потому, что была на хозрасчете.

Вы представляете, какой силы инструментовка была в руках педагогов. Мы решаем: едем 500 человек по Волге, на Кавказ. Для этого нужно 200 тысяч рублей. Постановили: в течение месяца работать полчаса лишних, и в результате получаем 200 тысяч рублей.

Мы могли одевать мальчиков в суконные костюмы, девочек — в шелковые и шерстяные платья. Мы могли 40 тысяч рублей тратить на театр. А когда это делается в порядке трудовой дисциплины, в порядке завоевания богатства, когда весь коллектив за это борется, то что можно сравнить с этой новой педагогической силой?

Я уже не говорю о других, мелких достоинствах такой системы. Хотя бы зарплата. Зарплата не потому совершенна, что дает деньги ученику, она совершенна потому, что ставит его в условия собственного бюджета, она дает возможность воспитать будущего хозяина. Ведь у нас каждый коммунар-выпускник имел в сберкассе по 2 тысячи рублей.

Я убежден, что цель нашего воспитания заключается не только в том, чтобы воспитать человека-творца, человека-гражданина, способного с наибольшим эффектом участвовать в строительстве государства. Мы должны воспитать человека, который обязан быть счастливым. Деньги в Советской стране могут быть прекрасным воспитателем, прекрасным педагогом. Говорить о педагогических вопросах я могу, основываясь на своем опыте, а он был обставлен лучше, чем у вас.

Я настаиваю и буду настаивать на том, что такие условия должны быть созданы в школе. Сначала это кажется очень страшным, а на деле это не так страшно. Если бы мне сейчас дали школу, я бы на педагогическом собрании говорил, какие идеи я буду осуществлять, и в то же время думал: где бы достать необходимые средства. В коммуне имени Дзержинского я стал искать человека, который умеет все купить, все продать, все умеет делать. И нашел такого человека. Он говорит: «У вас 200 рабочих рук, чего же вы плачете?» — «А что мы будем делать?» — спрашиваю. Он отвечает: «Знаете что, мы будем делать нитки».— «А где средства?»—«А зачем средства? Мы заключим договор, купим кустарные деревянные станочки». Действительно, купили такие старые станочки и начали делать нитки, а через шесть лет мы име-

ли лучший в Союзе оптический завод, который стоил несколько миллионов рублей.

Вот мы и начали с ниток и табуреток. А как табуретки надо делать? Говорят, для того чтобы сделать стул, один ученик должен сделать все части, тогда он будет хорошим мастером. Другие говорят: нет, один делает вот эту часть, второй — другую часть, третий полирует и т. д. И это верно. А вот когда «душевный педагог» видел такую работу, он бледнел, падал в обморок: как можно так издеваться над мальчиком: мальчик отрезает только эту штуку, просто ужас. Да, мальчик имеет дело только с этой штукой, но он отрезает 200 штук за несколько минут, он работает на коллектив.

Разделение труда нам необходимо. Сейчас не так нужен мастер, который умеет сделать стул целиком, как нужен столяр, умеющий работать на циркулярном и фрезерном станках. Такой коллектив, такое производство были в моем опыте.

То, что я говорил вам, вовсе не значит, что я только хозяйственник. Нет, я всегда оставался педагогом, всегда меня интересовали вопросы воспитания, и я пришел к некоторым выводам, которые, может быть, противоречат ходячим теоретическим убеждениям. Я всегда был противником такого взгляда, что педагогика строится на изучении ребенка и на изучении отдельно взятых, абстрактно мыслимых воспитательных методов. Я считаю, что воспитание есть выражение политического кредо педагога, а его знания являются подсобными. Сколько хотите накачивайте меня методическими средствами, а я белогвардейца воспитать не сумею. И вы не сумеете. Это смог бы сделать тот, у кого нутро белогвардейское.

Педагогическое мастерство может быть доведено до большой степени совершенства, почти до степени техники. В это я верю и всей своей жизнью искал доказательства этой веры. Я настаиваю на том, что вопросы воспитания, методику воспитания нельзя ограничивать вопросами преподавания, тем более нельзя, что воспитательный процесс совершается не только в классе, а буквально на каждом квадратном метре нашей земли. И надо, чтобы педагогика овладела средствами влияния, которые были бы настолько универсальными и могучими, что когда наш воспитанник встретит любые влияния вредные, даже самые мощные, они бы нивелировались и ликвиди-

ровались нашим влиянием. Значит, ни в коем случае нельзя представить, что эта воспитательная работа может быть только в классе. Воспитательная работа руководит всей жизнью ученика...

Докладная записка об организации свободной мастерской[6]

В составе производственной части трудовой коммуны имени Ф. Э. Дзержинского состоит сапожная мастерская. Когда строилась и организовывалась коммуна, мы только с трудом могли представить себе реальные условия работы в трудкоммуне, ибо мы привыкли к другой обстановке работы. После месячного функционирования трудкоммуны оказалось:

1. Сапожная мастерская в ряду других мастерских коммуны оказывается слишком непривлекательной для воспитанников, слишком кустарной по сравнению с серьезно поставленными электрифицированными деревообделочной и слесарно-механической мастерскими. Коммунары 1-го отряда (сапожники) представляются поэтому поставленными в слишком узкие производственные условия: несложный сапожный инструмент, однообразная и простая работа составляет чересчур большой контраст с другими мастерскими. Этот контраст при этом не только кажущийся: и в действительности комплекс воспитывающих и организующих влияний в сапожной мастерской слишком беден среди других влияний коммуны.

2. Так как средний возраст коммунаров невелик и так как все население коммуны на 100 процентов охватывается мастерскими, то получается, что весь средний и старший возраст поглощается деревообделочной и слесарной мастерскими и на долю сапожной остается младший возраст, совершенно к ней не подходящий.

Между тем ясно, что в составе наших мастерских должна быть одна мастерская легкого типа для возраста 11—12—13 лет. Проблема такой мастерской появляется впервые в практическом соцвосе именно в нашей коммуне, благодаря ее идеальной обстановке.

В решении вопроса, какую именно легкую мастерскую открыть вместо сапожной, для меня подсказывалось несколько решений (картонажная, переплетная), но ни од-

но из них не представляется вполне решающим приведенные два вопроса.

Я было совсем остановился на переплетно-портфельной мастерской, но при более глубоком анализе отказался от нее.

Наконец я пришел к заключению, что наилучшим решением вопроса будет универсальная свободная мастерская, основные черты которой должны быть следующие:

а) Она назначается для регулярных занятий младшего возраста и свободных занятий в клубные часы всех коммунаров.

б) В ней сосредоточены материалы и первичные инструменты по всем видам работы: по дереву, металлу, коже, гипсу, картону, электричеству и пр.

в) Она имеет целью подойти к ребенку со стороны его вкусов и способностей и дать ему возможность проявить себя в свободном трудовом усилии.

г) Она не может иметь никакого производственного уклона, но из нее могут выходить интересные вещи, как-то: игрушки, модели, мелкие вещи комфорта, детали.

д) Она вначале может быть бедная, но с течением времени обогащаться новыми видами работы и инструмента.

е) Будучи свободной мастерской, она должна все же обязательно приучать воспитанника к серьезному отношению к работе, к ответственности.

ж) Вокруг нее должно расположиться теоретическое изыскание по формуле: «Что из чего делается».

Такая мастерская потребует единовременного расхода до 700 рублей и ежемесячного до 100 рублей.

Мастерская эта будет новеллой в области трудового воспитания, и поэтому окончательные ее формы могут быть найдены только в процессе работы.

Прошу об утверждении этого предложения.

А. Макаренко.

Свободная мастерская[7]

Такая организация представляет большой интерес. Она устраивается так: отводится большой зал производственного типа, теплый и светлый, приглашается специ-

альный инструктор. Начинать можно с небольшого. В зале помещается несколько станков, хотя бы и старых, самого разнообразного типа: токарный, сверлильный, несколько верстаков, подмостков, тисков.

Главное не станки, а инструменты. Инструменты должны быть самые разнообразные: по дереву, по металлу, иголки, пилы, ножики, в особенности разнообразен должен быть материал: дерево, сталь, железо, жесть, олово, стекло, вата, клей, гипс, картон, проволока, бумага, уголь, краски, полотно.

Кружок должен быть крепко связан взаимными обязательствами. Каждый обязуется работать, беречь кружковое добро и соблюдать дисциплину. Каждый может делать, что он хочет: модель, паровую машину, самолет, игрушку, вырезать из дерева. О своих планах он должен доложить кружку, и кружок должен утвердить его намерение. Только в таком случае он получает материал и помощь инструктора.

Такая мастерская привлекает большей частью малышей, которые еще не доросли до более серьезных кружков и у которых всегда имеются конструкторские мечты и способности. Руководство учреждения должно всеми силами помогать такому кружку, давать небольшие деньги и материалы, предоставлять всякие остатки производства, обрезки и износившийся инструмент.

Работа такого кружка должна заканчиваться выставкой.

Воспитатель [8]

...У нас проблема воспитателя должна выражаться, конечно, в новых формах. Привезли в колонию револьверный станок. Квалифицированная воспитательница спрашивает:

— Привезли револьверный станок? А что, разве мы будем револьверы делать?

Да что револьверный? Не все воспитатели знают, что такое торговый дюйм, калькуляция, метчик, шкив, какая разница между болтом и гайкой. Многие воспитатели совершенно не разбираются в вопросах организации труда, они не знакомы с условиями стандартной работы, они не имеют вообще никаких мыслей и знаний, касающихся

производства, им не знаком чертеж и рисунок, на готовальню они смотрят, как на набор зубоврачебных инструментов, они могут серьезно напасть на мальчика за то, что он неохотно работает в машинном отделении деревообделочной мастерской, но они совершенно не способны себе представить, сколько требуется силы и напряжения, допустим, на долбежном станке. Они не видят никакой существенной воспитательной разницы между сапожной мастерской и слесарной, они не могут решить вопроса, нужно ли мальчику дуть мехом в кузнице или для него это лишнее.

А между тем они все-таки воспитатели в детском рабочем коллективе. Пока ребята работают в мастерских, таким воспитателям нечего делать, в мастерские они и заходить боятся. А когда уставшие ребята к вечеру должны, казалось бы, отдохнуть, педагоги нападут на них в полном вооружении «своей науки», и тут уже ребятам пощады нет. Кого уговорят, кого устыдят, кого придавят при помощи дисциплины, во всяком случае обязательно усадят на какое-нибудь заседание, а потом еще и обижаются:

— Ребята ничем не интересуются. Я им читаю о феодализме, а они спят, а когда кончила, так и сон прошел, все моментально в саду.

Воспитатели кое-что понимают в организации кружков, но специальных знаний о клубной работе среди детей у них нет при самой высокой квалификации. Наш воспитатель, окончивший институт народного образования, если и может организовать кружок, то обязательно или литературный, или драматический, да и в литературном кружке не знает толком, какую литературу нужно предложить ребятам.

Ребята хватаются за приключенческую, воспитатель, воспитанный на лучших традициях, дает им Тургенева.

Правильно это или неправильно, проблема это или не проблема. А если не проблема, то что?

Вечером собирается оркестр. Кое-кто из ребят танцует вальс. И опять педагогическая проблема: можно вальс танцевать или нельзя. А если нельзя, то запретить будет педагогично или не педагогично?

Так и вертится воспитатель среди множества различных проблем. Неудивительно, что очень скоро он может спуститься на обыкновенное и не очень храброе надзира-

тельство. Будет скучно ходить по коридорам и мешать ребятам заниматься своими делами, а при возможности постарается удрать с дежурства, вот до какого падения может спускаться педагогическая деятельность. Неужели и это не педагогическая проблема?

Но вот проблема — не отдельный воспитатель, а воспитательский коллектив. Советское воспитание может быть делом только коллектива воспитателей. Отдельный воспитатель не имеет права ни на какую политику и ни на какую методику. Между прочим, он не имеет права ни на какую любовь лично к себе со стороны воспитанников, если это не входит в план всего педагогического коллектива...

...В жизни трудовой колонии огромное значение имеет хозяйственно-организационная опытность воспитателя, знакомство с хозяйственным окружением и хозяйственными условиями данной колонии. При отсутствии какой бы то ни было хозяйственной подготовки воспитателей в детских воспитательных учреждениях, при излишней привычке воспитателей к болтовне эта хозяйственная и организационная опытность, поскольку она слагается в процессе работы в колонии и притом в процессе работы целого коллектива, имеет огромное значение, которое я бы не променял ни на какие словесные проповеди и фокусы. Колония есть производственная коммуна, обязанная богатеть, и хозяйственно-правильная работа воспитателя — 50% успеха...

Хороший воспитатель должен обязательно быть оседлым человеком. Только в этом случае он будет иметь некоторую тяжесть, которая надолго пригвоздит его к колонийской территории. Он крепко усядется в своей квартире, повесит занавески, откуда-то притащит хорошую лампу и выйдет к ребятам сияющий и довольный, что он так хорошо и основательно устроился. Он уже не может не чувствовать, что он часть колонии. Каждое разбитое в колонии стекло, каждое маленькое происшествие есть происшествие и в его жизни. Тут уже из него веревки вей, выражаясь тривиально...

...Положительные качества опытного работника всегда будут полезны в колонии, но целый коллектив необходимо должен иметь в своем составе и молодые, пусть даже и совершенно неопытные силы. Так и в материальном производстве было бы совершенно невыгодным иметь

весь состав рабочих только высшей квалификации. В общем процессе производства значительное количество функций требует как раз малоквалифицированной рабочей силы. Так и в педагогическом коллективе излишнее обилие слишком опытных педагогов будет просто производственно невыгодно. Правда, у нас еще не установлено разницы в зарплате между опытным и неопытным работником, и со стороны финансовой мы как будто не вынуждаемся к такому экономному расходованию квалифицированной рабочей силы, но ведь и в материальном производстве в определении характера рабочего коллектива имеет значение не только финансовая логика: просто высококвалифицированный рабочий на черной работе даст меньше эффекта, чем чернорабочий. В педагогическом же коллективе есть еще и специфические условия, вытекающие из самого характера воспитательного процесса.

Дело в том, что нельзя наших воспитанников подавлять слишком большой опытностью педагогов. Где-то должен быть выход для их стремления руководить, командовать, показывать, решать. Пожалуй, это та самая самодеятельность, о которой давно уже наговорено много хороших слов.

Прекрасная эрудиция педагогов, их уменье найти решение, найти и обозначить условия, ничего не пропустить и нигде не переборщить — все эти весьма нужные способности педагогов, если они проявляются в избыточном количестве, кладут очень солидные пределы самодеятельности воспитанников...

Организационное строение коллектива[9]

Организация коллектива в детских учреждениях происходит по различным принципам. Дети могут разделяться на группы по признаку школы: при этой системе в интернатных учреждениях они поселяются в спальнях школьными классами или частями их. В этом есть свои выгоды: дети подбираются одного возраста, одного развития, для них удобнее и легче готовить уроки, пользоваться общими пособиями и учебниками, помогать отстающим.

Но в этом есть много недостатков: первичные коллективы, образованные таким образом, быстро замыкаются в кругу узких школьных интересов, отходят от трудовых и производственных вопросов, от вопросов хозяйственного роста всего учреждения.

Первичные коллективы воспитанников могут быть организованы и по другим принципам, а именно:

по производственному,

по возрасту и т. п.

В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского основным признаком организации первичного коллектива является признак производственный. При такой организации нужно руководствоваться следующими положениями:

а) все воспитанники разделяются на отряды, которые являются отрядами и на производстве;

б) величина отряда может колебаться от 7 до 15 человек. Больше 15 человек иметь в одном отряде нельзя. Как показал опыт, первичный коллектив, если он составлен из большого числа членов, слабо подчиняется руководству своего старшего, а старший не в состоянии охватить всех членов отряда;

в) если воспитанники работают на производстве в две смены, лучше составлять отряды сменные;

г) если группа станков незначительна, можно составлять отряды, включающие воспитанников первой и второй смены, но эта форма является менее удобной, так как в таком случае ребята одной смены не встречаются на производстве с ребятами другой смены;

д) если позволяют условия производства, желательно в некоторых случаях составлять сквозные отряды, то есть обслуживающие поток одних и тех же деталей от начала до конца;

е) каждый отдел должен быть расположен в отдельной спальне или в группе спален, находящихся рядом;

ж) в столовой отряды помещаются вместе.

Организуя первичный коллектив по производственному признаку, нельзя оставлять без внимания возрастных различий. В учреждениях, где нет еще крепкого и хорошо организованного коллектива и не создан правильный дисциплинарный тон, совершенно необходимо, чтобы первичные коллективы — отряды для младшего возраста, 10—14 лет — были отдельные; только как исключение

можно допускать включение отдельных малышей в отряды старших, но в этом случае необходимо самым внимательным образом проверять индивидуальные особенности: учесть, под каким влиянием будет находиться младший, как его принимают в отряде, кто персонально отвечает за его жизнь в отряде и работу, кто должен осуществлять особенную о нем заботу.

Если есть пионерская организация, необходимо, чтобы в каждом отряде была пионерская прослойка. Если пионеров хватает для всех отрядов малышей, то желательна организация специальных пионерских отрядов.

Точно так же должны располагаться и комсомольские силы в отрядах старших. Отдельные комсомольские отряды допустимы только в том случае, если во всех остальных отрядах есть по крайней мере 25—30% комсомольцев.

Это же относится и к активу: актив не должен замыкаться в отдельных отрядах и спальнях, а должен быть распределен между всеми отрядами. Членов актива нужно специально посылать в отсталые отряды.

Когда коллектив организационно и дисциплинарно сложился, создан точный режим и здоровые традиции, тогда чрезвычайно полезно организовать смешанные возрастные отряды.

В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского первичные коллективы-отряды организованы по принципу объединения разных возрастов.

Такая организация дает больший воспитательный эффект — она создает более тесное взаимодействие возрастов и является естественным условием постоянного накопления опыта и передачи опыта старших поколений, младшие получают разнообразные сведения, усваивают привычки поведения, рабочую ухватку, приучаются уважать старших и их авторитет. У старших забота о младших и ответственность за них воспитывает качества, необходимые советскому гражданину: внимание к человеку, великодушие и требовательность, наконец, качества будущего семьянина и многие другие.

Весь этот сложный воспитательный процесс в хорошо организованном коллективе происходит без специальных усилий в порядке постоянного наслаивания мельчайших и тонко нюансированных впечатлений, поступков и отношений.

Но такой стиль отношений старших и младших является более высокой формой организации воспитательного процесса и требует квалифицированного и вдумчивого педагогического руководства и влияния.

Необходимо всегда следить за тем, чтобы состав отряда по возможности не менялся, чтобы члены отряда сбивались в дружный коллектив. Слишком частые переброски воспитанников с одного рабочего места на другое не только вредят производственному процессу, но и разрушают первичные коллективы ребят. Вообще закрепление первичных коллективов в своем составе на более или менее продолжительное время является решающим обстоятельством во всем воспитательном процессе. Поэтому необходимо переброски ребят с одного рабочего места на другое производить как можно реже.

Во всяком случае при производственном делении коллектива является правилом: если воспитанник переходит с одного рабочего места на другое, то он должен перейти и из одного отряда в другой, то есть переменить и спальню и место в столовой.

В школе, разумеется, дети должны быть организованы по классам или курсам. В коммуне имени Дзержинского эта организация действует только в стенах школы во время учебной работы или вечером во время подготовки уроков.

Организация же первичных коллективов в форме производственных отрядов должна считаться главной организацией, ей должно всегда уделяться самое пристальное внимание...

Во главе отряда должен стоять командир — один из членов коллектива. Может быть два принципа выдвижения командира — назначение и выборы.

1. Назначать командиров необходимо во всех случаях, когда нет крепкого коллектива, а комсомольская организация еще недостаточно руководит общественным мнением в коллективе.

Тогда одна из первоочередных задач педагогического коллектива — помочь усилению политического влияния комсомольской организации, объединить актив, увлечь его энергичной работой в коллективе и самоуправлении. Командиры должны назначаться из числа влиятельных комсомольцев и актива приказом руководителя учреждения, но предварительно кандидатуры должны быть об-

суждены в педагогическом совете, в производственном управлении, в комсомольской организации и в совете командиров.

2. В хорошо организованных коллективах с сильной комсомольской организацией следует переходить к выборности командиров. В коммуне имени Ф. Э. Дзержинского отряд намечает своего кандидата в командиры при ближайшем участии бюро комсомола, педагогического коллектива и совета командиров. Кандидатуры представляются на окончательное распоряжение руководителя педагогической частью. В случае отвода кандидата вопрос согласуется с отрядом. Командиры избираются персонально на общем собрании коллектива. Голосуют только члены коллектива, имеющие звание коммунара. Командиры должны постоянно чувствовать свою связь с уполномочившим их коллективом и свою ответственность.

В командиры должен выбираться воспитанник, преданный интересам учреждения, хороший ученик в школе, ударник на производстве, более других квалифицированный и обладающий личными данными: тактом, энергией, распорядительностью, вниманием к младшим, честностью. Работа командира рассматривается как самая ответственная нагрузка, свидетельствующая о доверии к нему руководства и коллектива.

На производстве командир должен главной своей задачей считать выполнение производственного плана и развертывание стахановского движения. В направлении к решению этой задачи командир должен проявить свою заботу во всех решительно областях работы, каковыми являются: стахановское движение, дисциплина, обеспечение материалами, борьба с простоями и прогулами, хороший инструмент, хороший инструктаж, организация рабочего места, удовлетворительная спецовка, правильные нормы, правильная документация.

Обо всех решительно неполадках и недостатках в этих областях командир должен советоваться с инструктором, начальником цеха, докладывать руководителю учреждения или его помощнику, обсуждать на общем собрании отряда или производственном совещании.

Однако он обязан принимать самые решительные меры, чтобы такие обсуждения и совещания не происхо-

дили в рабочее время, чтобы от станка ни один воспитанник не отрывался во время работы.

Сам командир должен иметь свое рабочее место у станка. За командирскую работу может быть положен ему дополнительный заработок в размере 10—20% его производственного заработка.

Командир не должен подменять инструктора, на обязанности которого лежит прямое руководство техническим процессом производства. Если инструктором является один из членов коллектива — воспитанник, он на производстве должен выполнять те же функции, что и наемный инструктор, не смешивая этих функций с функциями командира отряда.

Что такое сводный отряд[10]

К весне двадцать третьего года мы подошли к очень важному усложнению системы отрядов. Это усложнение, собственно говоря, было самым важным изобретением нашего коллектива за все тринадцать лет нашей истории. Только оно позволило нашим отрядам слиться в настоящий, крепкий и единый коллектив, в котором была рабочая и организационная дифференциация, демократия общего собрания, приказ и подчинение товарища товарищу, но в котором не образовалось аристократии — командной касты.

Это изобретение было — сводный отряд.

Противники нашей системы, так нападающие на командирскую педагогику, никогда не видели нашего живого командира в работе. Но это еще не так важно. Гораздо важнее то, что они никогда даже не слышали о сводном отряде, то есть не имели никакого понятия о самом главном и решающем коррективе в системе.

Сводный отряд вызван к жизни тем обстоятельством, что главная наша работа была тогда сельскохозяйственная. У нас было до семидесяти десятин, и летом Шере[1] требовал на работу всех. В то же время каждый колонист был приписан к той или иной мастерской, и ни один не хотел порывать с нею: на сельское хозяйство все

[1] Николай Эдуардович Фере — агроном колонии имени Горького.

смотрели как на средство существования и улучшения нашей жизни, а мастерская — это квалификация. Зимой, когда сельскохозяйственные работы сводились до минимума, все мастерские были наполнены, но уже с января Шере начинал требовать колонистов на парники и навоз и потом с каждым днем увеличивал и увеличивал требования.

Сельскохозяйственная работа сопровождалась постоянной переменой места и характера работы, а следовательно, приводила к разнообразному сечению коллектива по рабочим заданиям. Единоначалие нашего командира в работе и его концентрированная ответственность с самого начала показались нам очень важным институтом, да и Шере настаивал, чтобы один из колонистов отвечал за дисциплину, за инструмент, за выработку и за качество. Сейчас против этого требования не станет возражать ни один здравомыслящий человек, да и тогда возражали, кажется, только педагоги.

Идя навстречу совершенно понятной организационной нужде, мы пришли к сводному отряду.

Сводный отряд — это временный отряд, составляющийся не больше как на неделю, получающий короткое определенное задание: выполоть картофель на таком-то поле, вспахать такой-то участок, очистить семенной материал, вывезти навоз, произвести посев и так далее.

На разную работу требовалось и разное число колонистов: в некоторые сводные отряды нужно было послать двух человек, в другие — пять, восемь, двадцать. Работа сводных отрядов отличалась также и по времени. Зимой, пока в нашей школе занимались, ребята работали до обеда или после обеда — в две смены. После закрытия школы вводился шестичасовой рабочий день для всех в одно время, но необходимость полностью использовать живой и мертвый инвентарь приводила к тому, что некоторые ребята работали с шести утра до полудня, а другие — с полудня до шести вечера. Иногда же работа наваливалась на нас в таком количестве, что приходилось увеличивать рабочий день.

Всё это разнообразие типа работы и ее длительности определило и большое разнообразие сводных отрядов. У нас появилась сетка сводных, немного напоминающая расписание поездов.

В колонии все хорошо знали, что третий «О» сводный работает от восьми утра до четырех дня, с перерывом на обед, и при этом обязательно на огороде, третий «С» — в саду, третий «Р» — на ремонте, третий «П» — в парниках; первый сводный работает от шести утра до двенадцати дня, а второй сводный — от двенадцати до шести. Номенклатура сводных скоро дошла до тринадцати.

Сводный отряд был всегда отрядом только рабочим. Как только заканчивалась его работа и ребята возвращались в колонию, сводного отряда больше не существовало.

Каждый колонист знал свой постоянный отряд, имеющий своего постоянного командира, определенное место в системе мастерских, место в спальне и место в столовой. Постоянный отряд — это первичный коллектив колонистов, и командир его — обязательно член совета командиров. Но с весны, чем ближе к лету, тем чаще и чаще колонист то и дело попадал на рабочую неделю в сводный отряд того или другого назначения. Бывало, что в сводном отряде всего два колониста; все равно один из них назначался командиром сводного отряда — комсводотряда. Комсводотряда распоряжался на работе и отвечал за нее. Но как только оканчивался рабочий день, сводный отряд рассыпался.

Каждый сводный отряд составлялся на неделю, следовательно, и отдельный колонист на вторую неделю обычно получал участие в новом сводном, на новой работе, под командой нового комсводотряда. Командир сводного назначался советом командиров тоже на неделю, а после этого переходил в новый сводный обыкновенно уже не командиром, а рядовым членом.

Совет командиров всегда старался проводить через нагрузку комсводотряда всех колонистов, кроме самых неудачных. Это было справедливо, потому что командование сводным отрядом связано было с большой ответственностью и заботами. Благодаря такой системе большинство колонистов участвовало не только в рабочей функции, но и в функции организаторской. Это было очень важно и было как раз то, что нужно коммунистическому воспитанию. Благодаря именно этому наша колония отличалась к 1926 году бьющей в глаза способностью настроиться и перестроиться для любой задачи, и для выполнения отдельных деталей этой задачи всегда

находились с избытком кадры способных и инициативных организаторов, распорядителей, людей, на которых можно было положиться.

Значение командира постоянного отряда становилось чрезвычайно умеренным. Постоянные командиры почти никогда не назначали себя командирами сводных, полагая, что они и так имеют нагрузку. Командир постоянного отряда отправлялся на работу простым рядовым участником сводного отряда и во время работы подчинялся временному комсводотряда, часто члену своего же постоянного отряда. Это создавало очень сложную цепь зависимостей в колонии, и в этой цепи уже не мог выделиться и стать над коллективом отдельный колонист.

Система сводных отрядов делала жизнь в колонии очень напряженной и полной интереса, чередования рабочих и организационных функций, упражнений в командовании и в подчинении, движений коллективных и личных.

Из «Конституции страны ФЭД» [11]

...На производстве, в быту, в школе, во всех видах работы и в поручениях начальника коммуны, его помощника, преподавателей, мастеров и начальника завода, ССК, своего командира и его помощника каждый коммунар должен всегда быть исполнительным и точным, он должен всегда строго и точно выполнять правила коммуны и в каждом деле прежде всего отстаивать и наблюдать интересы всей коммуны, а потом уже свои собственные или отдельных товарищей.

Всякое приказание, законно изданное, коммунар должен немедленно выполнить, в знак чего, получая приказание, должен салютовать в ответ «есть».

Получая на заводе зарплату, коммунар обязан вносить ежемесячно определенную часть ее за свое содержание в коммуне; половину остатка вносить в сберкассу на свое имя до окончания коммуны, а оставшиеся деньги как карманные он может расходовать по своему усмотрению, исключая покупку вина и покупку одежды, нарушающей коммунарскую форму...

...На производстве все коммунары разделяются на бригады согласно производственной расстановке комму-

наров. Бригада объединяет коммунаров, работающих на определенной группе станков в первую и вторую смену.

Бригада выделяет из своей среды бригадира, согласовывая его избрание с администрацией завода. Бригадир является руководителем бригады на производстве в области порядка и дисциплины.

Группа бригад, объединяющих определенный отрезок завода, руководится командиром группы, избираемым на тех же основаниях, как и командиры отрядов, участвующих в совете командиров и сдающих ежедневные рапорты на общих основаниях.

Командир группы отвечает за работу группы и прежде всего за выполнение промфинплана.

Командир отряда и командир группы не освобождаются от производственной и школьной работы и несут свои обязанности дополнительно и бесплатно...

Дежурный командир (ДК) на день своего дежурства освобождается от работы на заводе и получает зарплату в размере среднего дневного заработка за данный месяц. ДК ведет весь рабочий день коммуны.

Из «Объяснительной записки к проекту организации трудового детского корпуса (1934 год)» [12]

...3. Поставить перед детскими учреждениями серьезный вопрос о подготовке кадров, а не сапожников, о воспитании нужных для страны людей. Этот вопрос тоже запланировать, в том числе запланировать и вопрос о выпусках и о назначении выпусков. Совершенно же очевидно, что по окончании детского дома воспитанник должен куда-нибудь командироваться на работу и ему должны быть предоставлены все условия, чтобы он эту командировку мог выполнить.

4. Принять все меры, чтобы детские дома перестали быть потребительскими учреждениями, а сделались учреждениями трудового советского социалистического воспитания, чтобы на них не нужно было выбрасывать десятки миллионов рублей совершенно непроизводительно.

5. И совершенно ясен путь правильной работы детских домов — это тот самый путь, который мы предлагаем. Путь следующий:

А. Детские колонии должны быть настолько крупными, чтобы в них можно было организовать серьезное производство, обставленное станками, обладающее строгим технологическим процессом, дающее подготовку по разным разрезам и специальностям, руководимое инженерным и техническим персоналом, достаточно квалифицированным.

Б. Подготовка кадров в колониях должна равняться не на кустарную квалификацию для кустарной мастерской, а на квалификацию современного рабочего в большом производстве с разделением труда и со стандартной продукцией.

В. Само собой разумеется, что в более крупном производстве всегда найдутся отделы, где будет получаться не стандартная квалификация. Только крупное производство может подготовить, с одной стороны, и токаря и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика.

Такая колония должна обладать и школой на разные вкусы и способности. Беспризорная масса дает очень разнообразный букет личных качеств. Многим нужно будет дать в прибавку к квалификации только обычную грамотность — не больше, как за четыре группы, другим грамотность семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвертым общее среднее образование, может быть, даже без всякой квалификации, с установкой на вуз.

Это все чрезвычайно серьезные вещи, и все это требует соответствующих организационных выводов. Ясно, что в маленькой колонии нельзя удовлетворить все эти наклонности и вкусы случайно собранных ребят. Это порождает не только побеги, а гораздо более тяжелые последствия — конфликты, разочарования, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые и открытые протесты, воровство, пьянство, хулиганство.

Г. Трезво глядя в глаза жизни, нужно подчеркнуть, что интерес к квалификации и к учебе сам по себе далеко не всегда определяет движение колониста вперед. Есть много слабых характеров, для которых необходимы бо-

лее простые стимулировки: дисциплина и в особенности материальная заинтересованность.

Впрочем, вопрос о зарплате имеет гораздо более широкое значение, чем только стремление (материальной) заинтересованности. На получаемой зарплате колонист воспитывается координировать личные и коллективные интересы, приучается к личному бюджету, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально входит в класс пролетариата, становясь на совершенно общие позиции со всяким другим рабочим. Наконец, приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе своеобразной беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Кроме того, зарплата позволяет каждому колонисту к моменту выпуска иметь сбережения в сберкассе и выходить в жизнь довольно хорошо обеспеченным.

О лесной школе [13]

Письмо в Совет жен писателей

В «Литературной газете» от 15 июля я прочитал об организации Совета жен писателей. От души хочется приветствовать это замечательное дело, тем более, что в списке его целей значится: улучшение быта детей писателей. По последнему вопросу мне хочется сделать одно предложение... организовать под Москвой лесную школу, или трудовую колонию, или можно назвать еще как-нибудь удобнее и оригинальнее. В этом учреждении должна быть полная, хорошо оборудованная десятилетка с общежитием для мальчиков и девочек, с небольшими мастерскими производственного типа, выпускающими товарную продукцию (это обязательно). Рабочий день на производстве — два часа, труд детей должен оплачиваться, как и труд всякого производственного рабочего. Особенно меня интересует такое устройство этого учреждения, при котором не было бы никакого разрыва между семьей и школой.

Питание, одежда, культурные услуги, книги и все прочее должны предоставляться детям учреждением,

семья может кое-что добавлять только с разрешения школы. Я при этом думаю, что полное обеспечение детей не должно иметь характера какого бы то ни было баловства или тем более излишнего удовлетворения потребностей или преждевременного их удовлетворения. Наряду с вопросами образования должны быть хорошо разрешены все вопросы воспитания характера и физического воспитания. Ведь всем известно, что в этих как раз областях в нашей семье, даже культурной, не всегда умеют дать детям то, что нужно.

Пишу в Совет жен писателей потому, что, мне думается, это дело должно быть сделано матерями, а дело это, уверяю вас, очень хорошее и достойное.

Привет. *А. Макаренко.*

Об опыте трудовой заботы [14]

Когда труд проклятье, когда труд только неизбежное зло, когда труд только средство к существованию, когда лучшей целью человеческой жизни является освобождение от труда и когда на глазах сотни и тысячи бездельников живут несравненно богаче и счастливее трудящихся, тогда возникает в человеческом обществе идея «беззаботного детства». Правильная идея — пусть хоть дети будут освобождены от проклятия.

Нужно прямо сказать: идея беззаботного детства чужда нашему обществу и может принести большой вред будущему. Гражданином Советской страны может быть только трудящийся, в этом его честь, его радость и его человеческое достоинство. Трудовая забота — это не просто дорога к средствам существования, это еще и этика, это философия нового мира, это мысль о единстве трудящихся, это мысль о новом счастливом человечестве. Как же мы можем воспитать этого будущего гражданина, если с малых лет не дадим ему возможности пережить опыт этой трудовой заботы и в ней выковать свой характер, свое отношение к миру, к людям, то есть свою социалистическую нравственность.

Говорят: у наших детей должно быть радостное детство! Иногда под «радостным» понимают именно «беззаботное». Почему?

Прежде всего маленькая поправка: когда мы это говорим о детях, мы только выделяем эту мысль из общей мысли: наша жизнь — жизнь целиком радостная, счастливы должны быть и дети, и юноши, и взрослые, и старики. Мы не отгораживаем для детей обособленный уютный уголок в общем неуютном мире, да такой уголок и вообще невозможен, мы это знаем по историческому опыту. Наши дети только потому счастливы, что они дети счастливых отцов, никакая иная комбинация невозможна.

И если мы счастливы в нашей трудовой заботе, в наших трудовых победах, в нашем росте и преодолениях, то какое мы имеем право выделять для детей противоположные принципы счастья? И потом, будем говорить начистоту, какие же принципы: безделье? потребление? франтовство? Или еще что-нибудь? Но какая же возможна «радость» на таких основаниях? Ведь она невозможна в Советском Союзе.

Труд как моральная категория [15]

В нашей стране люди перестали работать ради наживы, ради денег, ради семейного благополучия. Наши люди работают для дела, а средства к жизни — это у нас производное нашего участия в общем деле. Уже невозможно представить себе человека, который интересами общественными, интересами своего коллектива пожертвовал бы в угоду своему семейному благополучию. Такой человек представляется нам уголовным типом, не больше. В нашем обществе труд и заработок уже не связаны в замкнутую цепь. У нас любой труд почетен, а заработок мыслится как форма социалистической справедливости, как результат моего гражданского состояния.

И об успехе человека, о его ценности, о его моральной высоте, о его трудовом значении мы теперь не судим по его заработку, а судим по его общественному значению.

К такому труду, к труду как моральной категории, а не как к категории узкого расчета, мы должны готовить наших детей.

Вглядитесь в эту существенную разницу между старой трудовой проблемой и новой. Раньше в зажиточной семье к труду вообще не нужно было готовиться, а нужно

было готовить к той самой эквилибристике, благодаря которой так удачно обходилась десятая заповедь. В семье пролетарской к труду нужно было готовить как к особого вида проклятию, под черными небесами которого рядом стояли труд, нищета, голод, смерть. Труд стоял впереди как неизбежное зло, только потому приемлемое, что более высокие формы зла уже гибельны.

Труд не мог быть моральной категорией; несмотря на весь цинизм Ветхого завета, он все же не решался включить труд в число моральных законов...

Вот у вас родился ребенок, допустим, девочка. Назвали вы ее Наташей. Пережили первые восторги и беспокойства: «младенческое», зубки, первые шаги и первые слова. Наигрались с Наташей, нарадовались, походили по магазинам, повозились с игрушками и бантиками. Вот Наташе пять лет, семь, десять, двенадцать...

В течение всего этого времени задумались ли вы хотя бы один раз над вопросом, какого человека вы хотите воспитать из вашей Наташи? Задумались? И не один раз?

В таком случае скажите, какого?

Почему же вы затрудняетесь ответом, больше помалкиваете и переглядываетесь с женой? Ведь оба вы коммунисты, казалось бы...

Да, вы хотите, чтобы ваша дочь выросла новым человеком, коммунистом, чтобы она была преданным большевиком... Чтобы она ненавидела эксплуатацию, была человеком образованным, знающим, квалифицированным...

Вы действительно хотите многого для вашей дочери. Какие же меры принимаются вами для того, чтобы все это было?

Нет, я не удовлетворен вашим ответом: я не склонен преувеличивать ваши заслуги...

Образование Наташе даст школа. Школа даст ей и квалификацию. Та же школа, комсомольская и пионерская организации дадут ей марксистское миросозерцание. Вы говорите, что Наташа активная пионерка. Прекрасно: ваша Наташа уже счастливый человек, все приносят ей, как новорожденной принцессе, богатые подарки: и школа, и комсомол, и пионеры. Кстати, а что вы подарили принцессе?

Нет, питание, одежду и игрушки пока отложим. Это тоже существенно, но все-таки отложим. Подумали ли вы хотя бы однажды о ее характере, о ее привычках, о ее натуре? Я уверен, что натуру можно воспитать, а это чрезвычайно важно. И характер, и привычки. Нет, вы ошибаетесь. Иногда так называемое миросозерцание и миропонимание может быть только словесное, а натура, характер, привычки будут старые. Не может быть?

Бывает. Вот обратите внимание: ваша дочь Наташа за обедом позвала:

— Даша!

Вошла Даша, ваша домработница, почти старушка, которой вы очень довольны и которая у вас живет и работает тринадцать лет. Вот этому самому человеку, вашему другу, как вы говорили, Наташа сказала несколько расслабленным и усталым голосом:

— Даша, дайте соль, вы всегда забываете поставить соль...

Вы обратили внимание, как это капризно было сказано, сколько было барского высокомерия в лице и голосе вашей девчонки, из которой вы собираетесь воспитать коммунистку?

Вы не обратили на это внимания? А если бы в вашей столовой очутилось какое-нибудь такое «тургеневское» существо, нежное, голубокровное, позвонило бы в колокольчик и попросило бы горничную поднять носовой платок, вы обратили бы внимание?

Никакой нет разницы. Вы только потому не заметили ничего, что эта ваша дочь. Ведь вы не заметили того, что Даша, не сходя с места, одной рукой отворила дверцу шкафа и через полсекунды другой рукой подала вашей барышне солонку.

И хотя ваша Наташа пионерка и, как вы говорите, будущая коммунистка, сегодня она вызвала у меня отвращение.

* *
*

Наташа и ее родители живут в большом приволжском городе. Я иногда бываю там и у них останавливаюсь. Это очень хорошая большевистская семья, пользующаяся заслуженным уважением в городе. Родители уделяют Наташе много любви и заботы, они с зами-

ранием сердца следят за ее ростом и уверены, что из нее вырастет новый человек, полезный член общества.

И они не ошибаются: Наташа уже выросла, она в девятом классе, много читает, много знает, прекрасно разбирается в явлениях политической и общественной жизни.

Но я наблюдал Наташу в домашней обстановке и был ошеломлен и опечален тем тонким и глубоким цинизмом, который каким-то чудом родители воспитали в своей дочери.

Даже и по внешнему виду Наташа производит впечатление двойственное: у нее живые умные карие глазки, но они уже заплыли жидковатым жирком и иногда принимают то интеллектуально-сытое, чуточку умащенное выражение, которое бывало раньше у знаменитых присяжных поверенных. Лицо у Наташи настоящее юное, румяное, но и в румянце просвечивает непрочная, розоватая, излишне акварельная легкость, что-то такое комнатное или даже парниковое.

Наташа глубоко уверена, что она будет юристом.

Во время прогулки я спросил у Наташи:

— Все-таки... Почему вы допускаете, чтобы Даша чистила ваши ботинки, убирала утром вашу постель, даже мыла вашу зубную щетку? И я ни разу не слышал, чтобы вы ее поблагодарили.

Наташа удивленно подняла тонкие брови, глянула на меня уверенно иронически и засмеялась:

— Ой, какой вы старомодный, ужас! Для чего мне чистить ботинки, ну, скажите?

Я действительно потерялся: старая и новая «моды» вдруг закружились в такой стремительной паре, что и в самом деле трудно различить, где старая мода, а где новая. Я все же постарался оправдаться:

— Как для чего чистить ботинки? Для того чтобы они были чистые, надеюсь...

— Вот чудак,— сказала Наташа.— Так для этого же и есть домработница. А для чего домработница, по-вашему?

Я начинал нервничать:

— Собственно говоря, какое вы имеете отношение к домработнице? Какое? Какое право вы имеете на ее труд?

— Как «какое»? Она получает жалование. За что же она получает жалование, по-вашему?

— Ваши родители очень заняты, они много работают на большой общественной работе. Вполне заслуженно им помогает Даша. А вы при чем? Чем вы заслужили эту помощь? Наташа даже остановилась в изумлении и сказала мне целую речь:

— А я не работаю? Вы думаете, это легко учиться на отлично в девятом классе, и потом всякие нагрузки? И читать сколько нужно! Думаете, мало нужно читать? Если я хочу быть юристом, так я не должна читать, а должна чистить ботинки, да? А разве мне в жизни придется чистить ботинки или там застилать постели? Если бы я ничего не делала, другое дело, а то я целый день работаю и так устаю, вы же не знаете! А что, мои родители не заслужили, чтобы их дочь была юристом, что ли? По-вашему, все вместе: и учиться и ботинки чистить! А где разделение труда? Вот вы учитель, а другой для вас обед готовит. А почему вы сами не готовите себе обед, почему?

Правду нужно сказать, я даже опешил: в самом деле, почему я себе не готовлю обед? Железная логика!

Вечером Наташа лежала на широком диване и читала книжку. Мать вошла в комнату с чайным прибором.

— Наташа, я тебе принесла чаю.

Не отрываясь от книжки и даже не повернув головы к матери, Наташа сказала:

— Поставьте там.

— Тебе два или три куска? — спросила мать.

— Три,— ответила Наташа, перелистывая страницу и поднимая глаза к первой строчке.

Мать положила в стакан три куска и ушла. По дороге она поймала мой улыбающийся взгляд и отвернулась.

Я отвлекся от размышлений и сказал Наташе:

— Вы даже не поблагодарили мать. Даже не посмотрели на нее. Тоже разделение труда?

Наташа оторвалась от книжки и иронически прищурилась:

— Конечно, разделение: она — мать, а я — «ребенок». Она и должна обо мне заботиться. Что ж тут такого... Ей даже нравится.

— А я после такого вашего... хамства вылил бы чай в умывальник.

Наташа снова обратилась к книжке и сказала спокойно:

— Ну что ж, подумаешь! Это было бы обыкновенное насилие... Это даже хуже хамства!

Еще полсекундочки она посмотрела в книгу и прибавила:

— И хорошо... что я не ваша дочь.

На другой день утром я напал на родителей. И ботинки вспомнил, и зубную щетку, и чай. Отец спешил на работу, совал в портфель какие-то папки, искал какое-то письмо. Он пробурчал:

— Черт его знает! У нас с этим действительно... что-то такое... не так. Некогда все, черт его знает, из одного дня десять сделал бы. Побриться некогда!

Уже в дверях он обернулся к жене:

— А все-таки, Женя, с этим... действительно, подумать... черт знает что! Нельзя же... понимаешь... барышня, понимаешь! Ох, опаздываю, черт его знает!

Мать послала ему в догонку сочувственную улыбку, потом посмотрела на меня внимательно, склонила набок голову, поджала губы:

— Вы преувеличиваете. Это не так страшно. Наташа много работает, устает страшно. И потом... везде ведь так. Раз есть домработница, что ж...

Я вскочил в гневе:

— Как везде? Везде вот такое открытое циничное барство? Рассказать вам, как в настоящей советской семье? Вы разве не видели?

* *
*

О, нет, вопрос о домработнице, конечно, не отдельный вопрос. Этот вопрос бьет прежде всего по родителям и в особенности по матери. Именно матери убеждены, что это не так страшно, и матери потом горько расплачиваются за свою смелость. Это происходит потому, что в своей мысли родители не сильно шагают за горизонты сегодняшнего дня, что они не хотят ближе рассмотреть печальные уроки прошлого и сияющие перспективы будущего.

Великий здравый смысл нашей жизни должен быть здравым смыслом не житейского обихода, не здравым

смыслом сегодняшнего дня, а регулятором и мерилом большой жизненной философии. «Довлеет дневи злоба его» — не наш лозунг. Все злобы, над чем бы они ни «довлели»: над судьбой ли забитых детей, или над страдой матери,— одинаково нам противны. Работа и жизнь наших матерей должна направляться большим устремленным вперед чувством советского гражданина. И такие матери дадут нам счастливых прекрасных детей и сами будут счастливы до конца.

Воспитание в труде [16]

Правильное советское воспитание невозможно себе представить как воспитание нетрудовое. Труд всегда был основанием для человеческой жизни, для создания благополучия человеческой жизни и культуры. В нашей стране труд перестал быть предметом эксплуатации. Наше государство есть государство трудящихся, в нашей Конституции написано: «Кто не работает, тот не ест».

Поэтому и в воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.

Попробуем подробнее проанализировать смысл и значение трудового воспитания в семье.

Первое, о чем в особенности должны помнить родители, это следующее. Ваш ребенок будет членом трудового общества, следовательно, его значение в этом обществе, ценность его как гражданина будут зависеть исключительно от того, насколько он в состоянии будет принимать участие в общественном труде, насколько он к этому труду будет подготовлен. Но от этого будет зависеть и его благосостояние, материальный уровень его жизни, ибо в нашей Конституции также сказано: «От каждого по способностям, каждому по труду». Мы хорошо знаем, что от природы все люди обладают приблизительно одинаковыми трудовыми данными, но в жизни одни люди умеют работать лучше, другие — хуже, одни способны только к самому простому труду, другие — к труду более сложному и, следовательно, более ценному. Эти различные трудовые качества не даются человеку от природы, они воспитываются в нем в течение его жизни и в особенности в молодости.

Следовательно, трудовая подготовка, воспитание трудового качества человека — это подготовка и воспитание не только будущего хорошего или плохого гражданина, но и воспитание его будущего жизненного уровня, его благосостояния.

Второе: трудиться можно из нужды, из жизненной необходимости. В человеческой истории в большинстве случаев труд всегда имел такой характер принудительного тяжелого действия, необходимого для того, чтобы не умереть с голода. Но уже и в старое время люди старались быть не только рабочей силой, но и творческой силой. Только им не всегда удавалось достигнуть этого в условиях классового неравенства и эксплуатации. В Советской стране каждый труд должен быть творческим трудом, ибо он целиком идет на создание общественного богатства и культуры страны трудящихся. Научить творческому труду — особая задача воспитателя.

Творческий труд возможен только тогда, когда человек относится к работе с любовью, когда он сознательно видит в ней радость, понимает пользу и необходимость труда, когда труд делается для него основной формой проявления личности и таланта.

Такое отношение к труду возможно только тогда, когда образовалась глубокая привычка к трудовому усилию, когда никакая работа не кажется неприятной, если в ней есть какой-нибудь смысл.

Творческий труд совершенно невозможен у тех людей, которые к работе подходят со страхом, которые боятся ощущения усилия, боятся, так сказать, трудового пота, которые на каждом шагу только и делают, что соображают, как бы поскорее отделаться от работы и начать что-нибудь другое. Это другое кажется им симпатичным до тех пор, пока они за него не взялись.

Третье: в трудовом усилии воспитывается не только рабочая подготовка человека, но и подготовка товарища, то есть воспитывается правильное отношение к другим людям,— это уже будет нравственная подготовка. Человек, который старается на каждом шагу от работы увильнуть, который спокойно смотрит, как другие работают, пользуется плодами их трудов, такой человек — самый безнравственный человек в советском обществе. И наоборот, совместное трудовое усилие, работа в кол-

лективе, трудовая помощь людей и постоянная их взаимная трудовая зависимость только и могут создать правильное отношение человека друг к другу. Это правильное отношение состоит не только в том, что каждый человек отдает свои силы обществу, но и в том, что он и от других требует того же, что он не хочет рядом с собой переносить жизнь дармоеда. Только участие в коллективном труде позволяет человеку выработать правильное, нравственное отношение к другим людям — родственную любовь и дружбу по отношению ко всякому трудящемуся, возмущение и осуждение по отношению к лентяю, к человеку, уклоняющемуся от труда.

Четвертое: неправильно думать, что в трудовом воспитании развиваются только мускулы или внешние качества — зрение, осязание, развиваются пальцы и т. д. Физическое развитие в труде, конечно, тоже имеет большое значение, являясь важным и совершенно необходимым элементом физической культуры. Но главная польза труда сказывается в психическом, духовном развитии человека. Это духовное развитие, порождаемое гармоничным трудом, и должно составить ту особенность человека, которая отличает гражданина бесклассового общества от гражданина классового общества.

Пятое: необходимо указать еще на одно обстоятельство, которому у нас придают, к сожалению, небольшое значение. Труд имеет не только значение общественно-производственное, но имеет большое значение и в личной жизни. Мы хорошо знаем, насколько веселее и счастливее живут люди, которые многое умеют делать, у которых все удается и спорится, которые не потеряются ни при каких обстоятельствах, которые умеют владеть вещами и командовать ими. И наоборот, всегда вызывают нашу жалость те люди, которые перед каждым пустяком становятся в тупик, которые не умеют обслуживать сами себя, а всегда нуждаются то в няньках, то в дружеской услуге, то в помощи, а если им никто не поможет, живут в неудобной обстановке, неряшливо, грязно, растерянно.

Родители должны хорошо подумать над каждым из указанных обстоятельств. В своей жизни и в жизни своих знакомых они на каждом шагу увидят подтверждение важнейшего значения трудового воспитания. И в ра-

боте по воспитанию своих детей родители никогда не должны забывать о трудовом принципе.

Конечно, в границах семьи трудно дать ребенку такое трудовое воспитание, которое обычно называется квалификацией. Для образования хорошей специальной квалификации семья не приспособлена; квалификацию мальчик или девочка получит в какой-либо общественной организации: в школе, на заводе, в учреждении, на курсах. Семья ни в коем случае и не должна гоняться за квалификацией в той или другой специальности. Это в старое время бывало обычно так, что если отец сапожник, то он и сына учил своему ремеслу; если он столяр, то и сын «приучался» к столярному делу. А девочки, как известно, всегда получали квалификацию домашней хозяйки, на большее они и не рассчитывали. В советское время о квалификации будущих граждан заботится государство, которое имеет в своем распоряжении много мощных и хорошо оборудованных институтов.

Но родители вовсе не должны думать, что семейное воспитание не имеет никакого отношения к получению квалификации. Именно семейная трудовая подготовка имеет самое важное значение для будущей квалификации человека. Тот ребенок, который получил в семье правильное трудовое воспитание, тот в дальнейшем с большим успехом будет проходить и свою специальную подготовку. А те дети, которые не прошли в семье никакого трудового опыта, те и квалификации не могут получить хорошей, их постигают различные неудачи, они выходят плохими работниками, несмотря на все усилия государственных учреждений.

Точно так же родители не должны думать, что под трудом мы понимаем только физический труд, мускульную работу. С развитием машинного производства физический труд постепенно теряет свое былое значение в человеческой общественной жизни. Советское государство старается совершенно уничтожить тяжелый физический труд. Мы уже видим, что на постройках домов кирпичи подаются машинами, носилки имеют все меньшее и меньшее значение в нашем строительстве. На наших заводах, в особенности на тех, которые построены после революции, совершенно уничтожен тяжелый физический труд. Человек становится все больше и больше владетелем больших, организованных механических сил,

от него теперь все больше и больше требуются не физические, а умственные силы: распорядительность, внимание, расчет, изобретательность, находчивость, ухватка. Наше стахановское движение, одно из замечательных явлений нашей страны, вовсе не представляет собой мобилизацию физических сил рабочего класса, а как раз творческую мобилизацию его духовных сил, освобожденных от насилия великой социалистической революцией. Настоящий стахановец меньше всего надеется на свои мускулы, он организует свой успех, применяя новые методы расстановки материала, инструмента, новые приспособления, новые приемы работы. Об этом родители также всегда должны помнить. В своей семье они должны воспитывать не ломовую рабочую силу, а стахановцев, людей социалистического труда и социалистических успехов.

Поэтому мы не должны думать, что в советском воспитании есть какая-либо существенная разница между трудом физическим и трудом умственным. В том и в другом труде важной стороной является прежде всего организация трудового усилия, его настоящая человеческая сторона.

Если мы будем поручать мальчику или девочке всегда одно и то же дело, одну и ту же физическую работу, требующую от него только расхода мускульной энергии, воспитательное значение такого труда будет весьма ограниченно, хотя и нельзя сказать, что такой труд совершенно бесполезен. Ребенок будет приучаться к трудовому усилию, будет принимать участие в общественном труде, будет нравственно воспитываться в трудовом равенстве с другими людьми, но все же это не будет настоящее трудовое стахановское воспитание, если мы не прибавим к трудовому упражнению интересных организационных задач.

В трудовом воспитании важным является следующая сторона метода. Перед ребенком должна быть поставлена некоторая задача, которую он может разрешить, применяя то или другое трудовое средство. Эта задача не обязательно должна стоять на короткий отрезок времени, на один или два дня. Она может иметь длительный характер, даже продолжаться месяцами и годами. Важно то, что ребенку должна быть предоставлена некоторая свобода в выборе средств и он должен нести

некоторую ответственность за выполнение работы и за ее качество. Меньше будет пользы, если вы скажете ребенку:

— Вот тебе веник, подмети эту комнату, сделай это так или так.

Лучше будет, если вы на долгое время поручите ребенку поддержание чистоты в определенной комнате, а как он будет это делать — предоставьте решать и отвечать за решение ему самому. В первом случае вы поставили перед ребенком только мускульную задачу, во втором случае вы поставили перед ним задачу организационную; последняя гораздо выше и полезнее. Следовательно, чем сложнее и самостоятельнее будет трудовая задача, тем лучше она будет в педагогическом отношении. Многие родители не учитывают этого обстоятельства. Они поручают детям сделать то или другое дело, но разбрасываются в слишком мелких трудовых задачах. Они посылают мальчика или девочку в магазин купить какой-нибудь предмет, а гораздо лучше будет, если они возложат на него постоянную, определенную заботу, например всегда заботиться о том, чтобы в семье было мыло или зубной порошок.

Трудовое участие детей в жизни семьи должно начинаться очень рано. Начинаться оно должно в игре. Ребенку должно быть указано, что он отвечает за целость игрушек, за чистоту и порядок в том месте, где стоят игрушки и где он играет. И эту работу нужно поставить перед ним в самых общих чертах: должно быть чисто, не должно быть набросано, налито, на игрушках не должно быть пыли. Конечно, некоторые приемы уборки можно ему и показать, но вообще хорошо, если он сам догадается, что для вытирания пыли нужно иметь чистую тряпку, если эту тряпку он сам выпросит у матери, если он к этой тряпке предъявит определенные санитарные требования, если он потребует лучшую тряпку и т. д. Точно так же и починка изломанных игрушек должна быть предоставлена ему самому в той мере, в какой это ему по силам, разумеется, с предоставлением в его распоряжение определенных материалов.

С возрастом трудовые поручения должны быть усложнены и отделены от игры. Мы перечислим несколько видов детской работы, рассчитывая, что каждая

семья в зависимости от условий своей жизни и возраста детей сможет исправить и дополнить этот список.

1. Поливать цветы в комнате или во всей квартире.
2. Вытирать пыль на подоконниках.
3. Накрывать на стол перед обедом.
4. Следить за солонками, горчичницами.
5. Следить за письменным столом отца.
6. Отвечать за книжную полку или за книжный шкаф и держать их в порядке.
7. Получать газеты и складывать их в определенном месте, отделяя новые от прочитанных.
8. Кормить котенка или щенка.
9. Держать в порядке умывальник, покупать мыло, зубной порошок, бритвенные ножи для отца.
10. Производить полную уборку в отдельной комнате или отдельной части комнаты.
11. Пришивать на своем платье оторвавшиеся пуговицы, иметь всегда в полном порядке приспособления для этого.
12. Отвечать за порядок в буфетном шкафу.
13. Чистить платье свое или младшего брата или одного из родителей.
14. Заботиться об украшении комнаты портретами, открытками, репродукциями.
15. Если в семье есть огород или цветник, отвечать за определенный его участок как в плане посева, так и ухода за ним и сбора плодов.
16. Заботиться о том, чтобы в квартире были цветы, для этого иногда поехать и за город (это для более старшего возраста).
17. Если в квартире есть телефон, первому подходить на звонок, вести домашний телефонный справочник.
18. Вести справочник трамвайных маршрутов с учетом тех мест, куда членам семьи приходится наиболее часто ездить.
19. В более старшем возрасте самостоятельно планировать и обслуживать посещение семьей театров и кино, узнавать программу, доставать билеты, хранить их и т. д.
20. Вести в полном порядке домашнюю аптеку и отвечать за своевременное ее пополнение.
21. Следить за тем, чтобы в квартире не появлялись паразиты: клопы, блохи и т. д., принимать энергичные меры к их уничтожению.

22. Помогать матери или сестре в определенных хозяйственных функциях.

Каждая семья найдет у себя очень много подобных работ, более или менее интересных и посильных. Конечно, нельзя ребенка загружать чрезмерным количеством работы, но во всяком случае необходимо, чтобы не бросалась в глаза разница в трудовой нагрузке родителей и в трудовых нагрузках детей. Если отцу или матери приходится очень трудно в домашнем хозяйстве, дети должны привлекаться к помощи им. Бывает и иначе: если в семье есть домашняя работница, дети сплошь и рядом привыкают надеяться на ее труд в таких случаях, когда они и сами могли бы себя обслужить. Родители должны хорошенько проверить эту область и добиться такого положения, чтобы по возможности домработница не делала таких работ, которые могут и должны сделать дети.

Нужно при этом всегда помнить: когда дети учатся в школе, последняя довольно сильно нагружает их домашней работой. Разумеется, эта работа должна считаться самой главной и первоочередной. Дети должны хорошо понимать, что в школьной работе они выполняют функцию не только личную, но и общественную, что за успех школьной работы отвечают они не только перед родителями, но и перед государством. С другой стороны, неправильно, если только школьная работа пользуется уважением, а все остальные трудовые задачи отбрасываются. Такое обособление школьной работы очень опасно, так как вызывает у детей полное пренебрежение к жизни и работе своего семейного коллектива. В семье должна всегда чувствоваться атмосфера коллективизма, как можно чаще проявляться помощь одних членов семьи по отношению к другим.

Спрашивается, какими мерами можно и должно вызывать у ребенка то или другое трудовое усилие. Меры эти могут быть самые разнообразные. В раннем детстве, конечно, многое ребенку нужно и подсказать и показать, но вообще необходимо считать идеальной формой, когда ребенок сам замечает необходимость той или другой работы, видит, что матери или отцу некогда ее сделать, когда он по собственной инициативе приходит на помощь своему семейному коллективу. Воспитать такую готовность к труду, такую внимательность к нуждам

своего коллектива — значит воспитать настоящего советского гражданина.

Очень часто, бывает, что ребенок по своей неопытности, по слабости ориентировки не может самостоятельно заметить потребности в той или другой работе. Родители должны в таких случаях осторожно подсказать, помочь ребенку выяснить свое отношение к этой задаче и принять участие в ее разрешении. Это часто лучше всего делать, вызывая простой технический интерес к работе, но и злоупотреблять этим способом нельзя. Ребенок должен уметь выполнять и такие работы, которые не вызывают у него особого интереса, которые кажутся в первый момент работами скучными. Вообще он должен воспитываться так, чтобы решающим моментом в трудовом усилии была не его занимательность, а его польза, его необходимость. Родители должны воспитывать у ребенка способность терпеливо и без хныканья выполнять работы неприятные. Потом, по мере развития ребенка, даже самая неприятная работа будет приносить ему радость, если общественная ценность работы будет для него очевидна.

В том случае, если необходимость или интерес недостаточны, чтобы вызвать у ребенка желание потрудиться, можно применить способ просьбы. Просьба тем отличается от других видов обращения, что она предоставляет ребенку полную свободу выбора. Просьба и должна быть такова. Ее так нужно произнести, чтобы ребенку казалось, что он исполняет просьбу по собственному доброму желанию, не побуждаемый к этому никакими принуждениями. Нужно говорить:

— У меня к тебе просьба. Хоть это и трудно, и у тебя всякие другие дела...

Просьба — самый лучший и мягкий способ обращения, но и злоупотреблять просьбой не следует. Форму просьбы лучше всего употреблять в тех случаях, когда вы хорошо знаете, что ребенок с удовольствием просьбу вашу выполнит. Если же у вас есть какое-нибудь сомнение в этом, применяйте форму обыкновенного поручения, спокойного, уверенного, делового. Если с самого малого возраста вашего ребенка вы будете правильно чередовать просьбу и поручение и в особенности если вы будете возбуждать личную инициативу ребенка, будете учить его видеть необходимость работы самому и

по собственному почину выполнять ее, в вашем поручении не будет уже никаких прорывов. Только, если вы запустили дело воспитания, вам придется иногда прибегнуть к принуждению.

Принуждение может быть различное — от простого повторения поручения до повторения резкого и требовательного. Во всяком случае никогда не нужно прибегать к физическому принуждению, так как оно меньше всего приносит пользы и вызывает у ребенка отвращение к трудовой задаче.

Больше всего затрудняет родителей вопрос, как нужно обращаться с так называемыми ленивыми детьми. Нужно при этом сказать, что лень, то есть отвращение к трудовому усилию, только в очень редких случаях объясняется плохим состоянием здоровья, физической слабостью, вялостью духа. В этом случае, конечно, лучше всего обратиться к врачу. Большей же частью лень у ребенка развивается благодаря неправильному воспитанию, когда с самого малого возраста родители не воспитывают у ребенка энергии, не приучают его преодолевать препятствия, не возбуждают у него интереса к семейному хозяйству, не воспитывают у него привычки к труду и привычки к тем удовольствиям, которые труд всегда доставляет. Способ борьбы с ленью единственный: постепенное втягивание ребенка в область труда, медленное возбуждение у него трудового интереса.

Но, борясь с ленью, нужно бороться и с другим недостатком. Есть дети, которые охотно выполняют любую работу, но делают ее без увлечения, без интереса, без мысли, без радости. Они работают только потому, что хотят избежать неприятностей, чтобы отделаться от упреков и т. д. Такая работа часто очень напоминает усилия рабочей лошади. Такие работники могут совершенно потерять контроль над своим трудом, приучаются относиться к нему некритически. Из них вырастают люди, которые очень легко поддаются эксплуатации, которые всегда, всю жизнь только и знают, что всех обслуживают, всем помогают, даже тем, которые сами ничего не делают. В Советском государстве нельзя воспитывать такую лошадиную покорность, ибо у этих людей нет нравственного требования ни к своей работе, ни к работе других людей.

Правда, в нашем государстве невозможна эксплуатация человека человеком на производстве, но есть еще очень много охотников, которые могут пользоваться чужим трудом в домашней обстановке, в быту, в семье.

Воспитание наших детей должно проходить таким образом, чтобы в нашем обществе не было готовых объектов для эксплуатации, чтобы никакие эксплуататорские аппетиты у нас не могли развиваться даже в домашней обстановке. Поэтому родители в особенности должны внимательно следить, чтобы старшие братья не пользовались трудом младших, иначе, как в порядке взаимной помощи, чтобы в семье не было никакого трудового неравенства.

Нам остается сказать несколько слов о качестве труда. Качество труда должно иметь самое решающее значение: высокого качества нужно требовать всегда, требовать серьезно. Конечно, ребенок еще неопытен, часто он физически неспособен выполнить работу во всех отношениях идеально. От него и нужно требовать такого качества, которое для него совершенно посильно, которое доступно и его силам и его пониманию.

Не нужно при этом поносить ребенка за плохую работу, стыдить его, упрекать. Нужно просто и спокойно сказать, что работа сделана неудовлетворительно, что она должна быть переделана или исправлена, или сделана заново. При этом никогда не нужно производить работу за ребенка силами самих родителей, только в редких случаях можно проделать такую часть работы, которая явно не по силам ребенку, поправляя в этом случае допущенную нами ошибку и в самом назначении работы.

Мы решительно не рекомендуем применять в области труда какие-либо поощрения или наказания. Трудовая задача и ее решение должны сами по себе доставлять ребенку такое удовлетворение, чтобы он испытывал радость. Признание его работы хорошей работой должно быть лучшей наградой за его труд. Такой же наградой будет для него ваше одобрение его изобретательности, его находчивости, его способов работы. Но даже и таким словесным одобрением никогда не нужно злоупотреблять, в особенности не следует хвалить ребенка за произведенную работу в присутствии знакомых ваших и

друзей. Тем более не нужно ребенка наказывать за плохую работу или за работу непроизведенную. Самое важное в этом случае — добиться того, чтобы работа была все-таки выполнена.

Выбор профессии [17]

И до революции я работал с детьми. Как и полагалось до революции, в моем ведении находилось очень ограниченное социальное поле. Я сам был сыном рабочего, и мои ученики были такого же сорта. Официальные люди того времени называли нас мастеровыми. Все же у меня были дети мастеровых более высокого ранга — железнодорожников. Родители их были народом квалифицированным: заслуженные деятели паровозных и вагонных парков, машинисты, их помощники, токари, попадались между ними и начальники станций.

Железнодорожники жили лучше других рабочих и даже несколько гордились своей хорошей жизнью. И детей своих учили не в каких-нибудь «начальных» трехлетках и не в церковноприходских школах, а в специально для них придуманных «пятилетках». Одним словом, мои ученики составляли некоторым образом привилегированное детство.

Оканчивая пятилетку, мои ребята приступали к выбору жизненного пути. Я руководил ими, и тогда мне казалось, что я действительно им помогаю и что без моей помощи трудно было бы ребятам выбрать жизненный путь. А сейчас я вспоминаю это время и думаю насмешливо: собственно говоря, ребятам моя помощь и не требовалась: выбора никакого не было. Я проработал в железнодорожной школе девять лет, выпустил в жизнь человек 500; всем помог выбрать профессию, и все они, за малым исключением... сделались железнодорожниками. То, что я называл выбором профессии, было вариацией на очень малом диапазоне: от паровозного слесаря до паровозного машиниста. Окончив школу, мои ребята поступали в тот или иной цех «учеником». Я годами встречал их в этом завидном звании, и они все были похожи друг на друга: замасленная, заношенная рубашка, измазанная мордочка, в руках неизменные «концы». Учебная работа их заключалась почти исключительно в

том, что они целый день ползали в самых грязных местах и вытирали части машин и паровозов. Только когда у них начинала сильно отрастать борода, их переводили в помощники слесаря, это было уже большим карьерным достижением. Заработки их выражались в каких-то грошах, и тем не менее при выборе профессии этот заработок был чуть ли не единственным стимулом.

*
*

После революции судьба поручила мне «самый низший отдел человечества» — беспризорных... Вот кто составлял мое обычное общество. До того, как попасть в мою колонию, эти маленькие люди, собственно говоря, уже выбрали себе «профессию», были ею очень довольны и мою непрошенную консультацию встречали даже с некоторым сопротивлением.

Но я терпеливо приучал их к труду и к школе, вокруг себя они видели новое, советское общество, новую свободу, новые пути человека. Перед их глазами, как и перед глазами всех советских юношей, открылись широкие дороги. Сначала осторожно, потом все смелей и смелей мои воспитанники вступали на них, захватывали новые области, открывали новые перспективы. Скоро закончится 17 лет, как я работаю с ними. Многие мои воспитанники давно стали взрослыми людьми, женились, имеют детей. Тысячи разошлось их по Советскому Союзу, и все нашли для себя профессию. Что они выбрали?

Вот я вспоминаю их имена, вижу их деятельность и хочу честно перечислить их рабочие пути. Но такое перечисление было бы очень утомительным. Мне трудно сказать, что они выбрали. Гораздо легче сказать, чего они не выбрали. И, кажется, единственная «профессия», которую они обошли с презрением, это «профессия» вора или мошенника.

И что поразительно: при выборе профессии они меньше всего думали о будущих заработках, о материальных стимулах. Они жадными глазами следили за великим подъемом нашей жизни и видели, куда требуются силы, где не хватает людей, куда призывает их партия. В начале первой пятилетки они все бросились в индустрию. «Инженер» — вот что выражало в их глазах выс-

шую степень выполнения долга, высшую форму деятельности. И от того времени много осталось на этом пути: инженеры-технологи, инженеры-строители, специалисты по тяжелому машиностроению, по легкому машиностроению, авиаконструкторы. Потом, когда в самом настойчивом порядке дня стали вопросы культурного строительства, дороги моих учеников стали разнообразнее. Многие пошли учиться на исторические, педагогические, медицинские факультеты, многие ушли в такие заманчивые области, как геология, появились первые представители в области искусства — студенты литературных факультетов, музыкальных институтов, театральных студий, художественных школ. Особый отдел составляют военные вузы, и самый любимый отдел — лётные школы.

Конечно, выбор профессии в советское время — гораздо более трудное дело, чем до революции. Главное затруднение, если угодно, главный недостаток нашего времени — слишком много путей, слишком широки возможности. Чтобы выбрать профессию, теперь не нужно оглядываться ни на классовое или сословное положение, ни на материальную обеспеченность, ни на самодурство родителя. И бывает нередко, когда юноша или девушка растеряется перед этими просторными далями, бросится в одну сторону, увидит нечто более привлекательное. Потом оказывается, что ему вовсе не это нужно, что на самом деле по призванию своему он не летчик, не инженер, а музыкант или медик. И поэтому в настоящее время гораздо большее значение имеет помощь родителя и воспитателя.

Конечно, не всем удается осилить учебу и дойти до вуза. Многие так увлекаются характером своей работы, что уже не могут добраться до учебных вершин и остаются на средних пунктах: начальниками цехов, инструкторами, монтерами. Но в своей жизни они все равно пережили настоящие стремления, все равно испытали прелесть свободного выбора дороги, а если выбрали более узкую, то по доброй воле.

Часть II

РАДОСТЬ ТРУДА [18]

1. ХЛЕБ СОБРАТЬ ЧЕЛОВЕКУ — ТОРЖЕСТВО ИЗ ТОРЖЕСТВ [19]

Сортовые семена [20]

...Калина Иванович был плохим агрономом, имел самые дикие представления о севообороте и о технике посева, а к тому же и поля мы получили от селян страшно засоренными и истощенными. Поэтому, несмотря на грандиозную работу, которую проделали колонисты летом и осенью, наш урожай выражался в позорных цифрах. На озимой пшенице было больше сорняков, чем пшеницы, яровые имели жалкий вид, еще хуже было с бураками и картофелем...

В колонии обнаружилось много нового, важного дела. Мы начали постройку оранжереи во второй колонии, начали проводить дорожки и выравнивать дворы после ликвидации трепкинских руин, строили изгородки и арки, приступили к постройке моста через Коломак в самом узком его месте, в кузнице делали железные кровати для колонистов, приводили в порядок сельскохозяйственный инвентарь и лихорадочно торопились с окончанием ремонта домов во второй колонии. Я сурово заваливал колонию все новой и новой работой и требовал от всего колонистского общества прежней точности и четкости в работе...

Еще в августе я привез из опытной станции двух поросят. Это были настоящие англичане, и поэтому они дорогой страшно протестовали против переселения в колонию и все время проваливались в какую-то дырку в возу. Поросята возмущались до истерики и злили Антона.

— Мало и так мороки, так еще поросят придумали...

Англичан отправили во вторую колонию, а любителей ухаживать за ними из малышей нашлось больше

чем достаточно. В это время во второй колонии жило до двадцати ребят... Большой дом, который у нас назывался литерой А, был уже закончен, он назначался для мастерских и классов, а теперь в нем временно расположились ребята. Были закончены и другие дома и флигели. Оставалось еще много работы в огромном двухэтажном ампире, который предназначался для спален. В сараях, в конюшнях, в амбарах с каждым днем прибивались новые доски, штукатурились стены, навешивались двери.

Сельское хозяйство получило мощное подкрепление. Мы пригласили агронома, и по полям колонии заходил Эдуард Николаевич Шере, существо, положительно непонятное для непривычного колонистского взора. Было для всякого ясно, что выращен Шере из каких-то особенных сортовых семян и поливали его не благодатные дожди, а фабричная эссенция, специально для таких Шере изобретенная.

В противоположность Калине Ивановичу, Шере никогда ничем не возмущался и не восторгался, всегда был настроен ровно и чуточку весело. Ко всем колонистам, даже к Галатенко, он обращался на «вы», никогда не повышал голоса, но и в дружбу ни с кем не вступал. Ребят очень поразило, когда в ответ на грубый отказ Приходько: «Чего я там не видел на смородине? Я не хочу работать на смородине!» — Шере приветливо и расположенно удивился, без позы и игры:

— Ах, вы не хотите? В таком случае скажите вашу фамилию, чтобы я как-нибудь случайно не назначил вас на какую-нибудь работу.

— Я — куда угодно, только не на смородину.

— Вы не беспокойтесь, я без вас обойдусь, знаете, а вы где-нибудь в другом месте работу найдете.

— Так почему?

— Будьте добры, скажите вашу фамилию, мне некогда заниматься лишними разговорами.

Бандитская красота Приходько моментально увяла. Пожал Приходько презрительно плечами и отправился на смородину, которая только минуту назад так вопиюще противоречила его назначению в мире.

Шере был сравнительно молод, но тем не менее умел доводить колонистов до обалдения своей постоянной уве-

ренностью и нечеловеческой работоспособностью. Колонистам представлялось, что Шере никогда не ложится спать. Просыпается колония, а Эдуард Николаевич уже меряет поле длинными, немного нескладными, как у породистого молодого пса, ногами. Играют сигнал спать, а Шере в свинарне о чем-то договаривается с плотником. Днем Шере одновременно можно было видеть и на конюшне, и на постройке оранжереи, и на дороге в город, и на развозке навоза в поле; по крайней мере, у всех было впечатление, что все это происходит в одно и то же время, так быстро переносили Шере его замечательные ноги.

В конюшне Шере на другой же день поссорился с Антоном. Антон не мог понять и прочувствовать, как это можно к такому живому и симпатичному существу, как лошадь, относиться так математически, как это настойчиво рекомендовал Эдуард Николаевич.

— Что это он выдумывает? Важить? Видели такое, чтобы сено важить? Говорит, вот тебе норма: и не меньше и не больше. И норма какая-то дурацкая — всего понемножку. Лошади подохнут, так я отвечать буду? А работать, говорит, по часам. И тетрадку придумал: записывай, сколько часов работали.

Шере не испугался Антона, когда тот по привычке закричал, что не даст Коршуна, потому что Коршун, по проектам Антона, должен был через день совершать какие-то особые подвиги. Эдуард Николаевич сам вошел в конюшню, сам вывел и запряг Коршуна и даже не глянул на окаменевшего от такого поношения Братченко. Антон надулся, швырнул кнут в угол конюшни и ушел. Когда он к вечеру все-таки заглянул в конюшню, он увидел, что там хозяйничают Орлов и Бублик. Антон пришел в глубоко оскорбленное состояние и отправился ко мне с прошением об отставке, но посреди двора на него налетел с бумажкой в руке Шере и, как ни в чем не бывало, вежливо склонился над обиженной физиономией старшего конюха.

— Слушайте, ваша фамилия, кажется, Братченко? Вот для вас план на эту неделю. Видите, здесь точно обозначено, что полагается делать каждой лошади в тот или другой день, когда выезжать и прочее. Видите, вот здесь написано, какая лошадь дежурная для поездки в

город, а какая выходная. Вы рассмотрите с вашими товарищами и завтра скажите мне, какие вы находите нужным сделать изменения.

Антон удивленно взял листок бумажки и побрел в конюшню.

На другой день вечером можно было видеть кучерявую прическу Антона и стриженную под машинку острую голову Шере склонившимися над моим столом за важным делом. Я сидел за чертежным столиком за работой, но минутами прислушивался к их беседе.

— Это вы верно заметили. Хорошо, пусть в среду в плуге ходят Рыжий и Бандитка...

— ...Малыш буряка есть не будет, у него зубов...

— Это ничего, знаете, можно мельче нарезать, вы попробуйте...

— ...Ну, а если еще кому нужно в город?

— Пешком пройдется. Или пусть нанимает на селе. Нас с вами это не касается.

— Ого! — сказал Антон.— Это правильно.

Правду нужно сказать, транспортная потребность очень слабо удовлетворялась одной дежурной лошадью. Калина Иванович ничего не мог поделать с Шере, ибо тот сразил его воодушевленную хозяйскую логику невозмутимо прохладным ответом:

— Меня совершенно не касается ваша транспортная потребность. Возите ваши продукты на чем хотите или купите себе лошадь. У меня шестьдесят десятин. Я буду очень вам благодарен, если вы об этом больше говорить не будете.

Калина Иванович трахнул кулаком по столу и закричал: — Если мне нужно, я и сам запрягу!

Шере что-то записывал в блокнот и даже не посмотрел на сердитого Калину Ивановича. Через час, уходя из кабинета, он предупредил меня:

— Если план работы лошадей будет нарушен без моего согласия, я в тот же день уезжаю из колонии...

Шере повел дело энергично. Весенний сев он производил по шестипольному плану, сумел сделать этот план живым событием в колонии. На поле, в конюшне, в свинарне, в спальне, просто на дороге или у перевоза, в моем кабинете и в столовой вокруг него всегда организовывалась новая сельскохозяйственная практика. Ребята

не всегда без спора встречали его распоряжения, и Шере никогда не отказывался выслушивать деловое возражение, иногда приветливо и сухо, в самых скупых выражениях приводил небольшую ниточку аргументов и заканчивал безапелляционно:

— Делайте так, как я вам говорю.

Он по-прежнему проводил весь день в напряженной и в то же время несуетливой работе, по-прежнему за ним трудно было угнаться, и в то же время он умел терпеливо простоять у кормушки два-три часа или пять часов проходить за сеялкой, бесконечно мог, через каждые десять минут, забегать в свинарню и приставать, как смола, к свинарям с вежливыми и назойливыми вопросами:

— В котором часу вы давали поросятам отруби? Вы не забыли записать? Вы записываете так, как я вам показывал? Вы приготовили все для купанья?

У колонистов к Шере появилось отношение сдержанного восторга. Разумеется, они были уверены, что «наш Шере» только потому так хорош, что он наш, что во всяком другом месте он был бы менее великолепен. Этот восторг выражался в молчаливом признании его авторитета и в бесконечных разговорах о его словах, ухватках, недоступности для всяких чувств и его знаниях.

Я не удивлялся этой симпатии. Я уже знал, что ребята не оправдывают интеллигентского убеждения, будто дети могут любить и ценить только такого человека, который к ним относится любовно, который их ласкает. Я убедился давно, что наибольшее уважение и наибольшая любовь со стороны ребят, по крайней мере таких ребят, какие были в колонии, проявляются по отношению к другим типам людей. То, что мы называем высокой квалификацией, уверенное и четкое знание, уменье, искусство, золотые руки, немногословие и полное отсутствие фразы, постоянная готовность к работе — вот что увлекает ребят в наибольшей степени.

Вы можете быть с ними сухи до последней степени, требовательны до придирчивости, вы можете не замечать их, если они торчат у вас под рукой, можете даже безразлично относиться к их симпатии, но если вы блещете работой, знанием, удачей, то спокойно не оглядывайтесь: они все на вашей стороне, и они не выдадут.

Все равно, в чем проявляются эти ваши способности, все равно, кто вы такой: столяр, агроном, кузнец, учитель, машинист.

И наоборот, как бы вы ни были ласковы, занимательны в разговоре, добры и приветливы, как бы вы ни были симпатичны в быту и в отдыхе, если ваше дело сопровождается неудачами и провалами, если на каждом шагу видно, что вы своего дела не знаете, если все у вас оканчивается браком или «пшиком»,— никогда вы ничего не заслужите, кроме презрения, иногда снисходительного и иронического, иногда гневного и уничтожающе враждебного, иногда назойливо шельмующего.

Сельскохозяйственное увлечение [21]

...Шере... сопровождало всеобщее признание, и работа по сельскому хозяйству пошла у нас споро и удачно. У Шере были еще и дополнительные способности: он умел найти выморочное имущество, обернуться с векселем, вообще кредитнуться, поэтому в колонии стали появляться новенькие корнерезки, сеялки, буккеры, кабаны и даже коровы. Три коровы, подумайте! Где-то близко запахло молоком.

В колонии началось настоящее сельскохозяйственное увлечение. Только ребята, кое-чему научившиеся в мастерских, не рвались в поле. На площадке за кузницей Шере выкопал парники, и столярная готовила для них рамы. Во второй колонии парники готовились в грандиозных размерах.

В самый разгар сельскохозяйственной ажиотации, в начале февраля, в колонию зашел Карабанов. Хлопцы встретили его восторженными объятиями и поцелуями. Он кое-как сбросил их с себя и ввалился ко мне:

— Зашел посмотреть, как вы живете.

Улыбающиеся, обрадованные рожи заглядывали в кабинет: колонисты, воспитатели, прачки.

— О, Семен! Смотри! Здорово!

До вечера Семен бродил по колонии, побывал в «Трепке», вечером пришел ко мне, грустный и молчаливый.

— Расскажи же, Семен, как ты живешь?

— Да как живу... У батька.

— А Митягин где?

— Ну его к черту! Я его бросил. Поехал в Москву, кажется.

— А у батька как?

— Да что ж, селяне, как обыкновенно. Батько еще молодец... Брата убили...

— Как это?

— Брат у меня партизан, убили петлюровцы в городе, на улице.

— Что же ты думаешь? У батька будешь?

— Нет... У батька не хочу... Не знаю...

Он дернулся нерешительно и придвинулся ко мне.

— Знаете что, Антон Семенович,— вдруг выстрелил он,— а что, если я останусь в колонии? А?

Семен быстро глянул на меня и опустил голову к самым коленям.

Я сказал ему просто и весело:

— Да в чем дело? Конечно, оставайся. Будем все рады.

Семен сорвался со стула и весь затрепетал от сдерживаемой горячей страсти:

— Не можу, понимаете, не можу! Первые дни таксяк, а потом — ну, не можу, вот и все. Я хожу, роблю, чи там за обидом как вспомню, прямо хоть кричи! Я вам так скажу: вот привязался к колонии, и сам не знал, думал — пустяк, а потом — все равно, пойду, хоть посмотрю. А сюды пришел да как побачил, що у вас тут делается, тут же прямо так у вас добре! От ваш Шере...

— Не волнуйся так, чего ты? — сказал я ему.— Ну и было бы сразу прийти. Зачем так мучиться?

— Да я и сам так думал, да как вспомню все это безобразие, как мы над вами куражились, так аж...

Он махнул рукой и замолчал.

— Добре,— сказал я,— брось все.

Семен осторожно поднял голову:

— Только... может быть, вы что-нибудь думаете, может, думаете: кокетую, как вы говорили. Так нет. Ой, если бы вы знали, чему я только научился! Вы мне прямо скажите, верите вы мне?

— Верю,— сказал я серьезно.

— Нет, вы правду скажите: верите?

— Да пошел ты к черту! — сказал я смеясь.— Я думаю, прежнего ж не будет?

— От видите, значит, не совсем верите...

— Напрасно ты, Семен, так волнуешься. Я всякому человеку верю, только одному больше, другому меньше: одному на пятак, другому на гривенник.

— А мне на сколько?

— А тебе на сто рублей.

— А я вот так совсем вам не верю! — «вызверился» Семен.

— Вот тебе и раз!

— Ну, ничего, я вам еще докажу...

Семен ушел в спальню.

С первого же дня он сделался правой рукой Шере. У него была ярко выраженная хлеборобская жилка, он много знал, и многое сидело у него в крови «з дида, з прадида» — степной унаследованный опыт. В то же время он жадно впитывал новую сельскохозяйственную мысль, красоту и стройность агрономической техники.

Семен следил за Шере ревнивым взглядом и старался показать ему, что и он способен не уставать и не останавливаться. Только спокойствию Эдуарда Николаевича он подражать не умел и всегда был взволнован и приподнят, вечно бурлил то негодованием, то восторгом, то телячьей радостью...

...В колонии в это время с самого утра до заката проходила работа, ритмически постукивая на проложенных Шере точных и гладких рельсах. Сводные отряды колонистов, то большие, то малые, то состоящие из взрослых, то нарочито пацаньи, вооруженные то сапками, то косами, то граблями, то собственными пятернями, с четкостью расписания скорого поезда проходили в поле и обратно, блестя смехом и шутками, бодростью и уверенностью в себе, до конца зная, где, что и как нужно сделать. Иногда Оля Воронова, наш помагронома, приходила с поля и между глотками воды из кружки в кабинете говорила дежурному командиру:

— Пошли помощь пятому сводному.

— А что такое?

— С вязкой отстают... жарко.

— Сколько?

— Человек пять. Девочки есть?

— Есть одна.

Оля вытирает губы рукавом и уходит куда-то. Дежурный с блокнотом в руках направляется под грушу,

где с самого утра расположился штаб резервного сводного отряда. За дежурным командиром бежит смешной мелкой побежкой дежурный сигналист. Через минуту из-под груши раздается короткое «стаккато» сбора резерва. Из-за кустов, из реки, из спален стремглав вылетают пацаны, у груши собирается кружок, и еще через минуту пятерка колонистов быстрым шагом направляется к пшеничному полю.

Мы уже приняли сорок пацанов пополнения. Целое воскресенье возились с ними колонисты, банили, одевали, разбивали по отрядам. Число отрядов мы не увеличили, а перевели наши одиннадцать в красный дом, оставив в каждом определенное число мест. Поэтому новенькие крепко увязаны старыми кадрами и с гордостью чувствуют себя горьковцами, только ходить еще не умеют, «лазят», как говорит Карабанов.

Народ пришел к нам все молодой, тринадцати-четырнадцати лет, и есть замечательно хорошие морды, особенно симпатичные после того, когда разрумянится пацан в бане, блестят на нем новые сатиновые трусики, а голова если и плохо подстрижена, так Белухин успокаивает:

— Сегодня они сами стриглись, так понимаете, не очень... Вечерком придет парикмахер, так мы оформим.

Пополнение дня два ходит по колонии с расширенными зрачками, фиксируя всякие новые впечатления. Заходит в свинарню и удивленно таращится на старого Ступицына.

Антон с пополнением принципиально не разговаривает:

— Чего это прилезли? Ваше место пока что в столовой.

— Почему в столовой?

— А что ж ты еще умеешь делать? Ты — хлебный токарь.

— Нет, я буду работать.

— Знаем, как вы работаете: за тобой двух надзирателей ставить нужно. Правда?

— А вот командир говорил: послезавтра на работу, вот посмотришь.

— Подумаешь, посмотрю,— не видел, что ли: ой, жарко! ой, воды хочется! ой, папа, ой, мама!..

Пацаны смущенно улыбаются:

— Какая там мама... ничего подобного.

Но уже к вечеру первого дня у Антона появляются симпатии. Какими-то неизвестными способами он отбирает любителей лошадей. Смотришь, по дорожке на поле уже катится бочка с водой, а на бочке сидит новый горьковец Петька Задорожный и правит Коршуном, сопровождаемый напутствием из дверей конюшни:

— Не гони коня, не гони, это не пожарная бочка.

Через день новенькие участвуют в сводных отрядах, спотыкаются и кряхтят в непривычных трудовых усилиях, но ряд колонистов упорно проходит по полю картофеля, почти не ломая равнения, и новенькому кажется, что и он равняется со всеми. Только через час он замечает, что на двух новеньких дали один рядок картофеля, а у старых колонистов рядок на каждого. Обливаясь пóтом, он тихонько спрашивает соседа:

— А скоро кончать?

Сняли пшеницу и на току завозились с молотилкой. Шере, грязный и потный, как и все, проверяет шестеренки и поглядывает на стог, приготовленный к молотьбе.

— Послезавтра молотить, а завтра за конем поедем.

— Я поеду,— говорит осторожно Семен, поглядывая на Братченко.

— Поезжай, что же,— говорит Антон.— А хороший жеребец?

— Жеребец ничего себе,— отвечает Шере.

— В совхозе купили?

— В совхозе.

— А сколько?

— Триста.

— Дешево.

— Угу!

— Совецький, значит? — смотрит Калина Иванович на молотилку.— А зачем этот элеватор так высоко задрали?

— Советский,— отвечает Шере.— Ничего не высоко, солома легкая.

В воскресенье отдыхали, купались, катались на лодках, возились с новичками, а под вечер вся аристократия, как всегда, собралась у крыльца белого дома, дышала запахами «снежных королев» и, поражая притаившихся в сторонке новичков, вспоминала разные истории.

Вдруг из-за угла мельницы, вздымая пыль, крутой дугой пятясь от брошенного старого котла, карьером вылетел всадник. Семен на золотом коне летел прямо к нам, и мы все вдруг смолкли и затаили дыхание: такие вещи мы раньше видели только на картинках, в иллюстрациях к сказкам и в «Страшной мести». Конь нес Семена свободным, легким, но в то же время стремительным аллюром, развевая полный, богатый хвост и комкая на ветру пушистую, пронизанную золотым светом гриву. В его движении мы еле успевали пораженной душой вдыхать новые ошеломляющие детали: изогнутую в гордом и капризно-игривом повороте могучую шею и тонкие, просторным махом идущие ноги.

Семен осадил коня перед нами, притянул к груди его небольшую красивую голову. Черный, по углам налитый кровью, молодой и горячий глаз глянул вдруг в самое сердце потерявшегося Антона Братченко. Антон взялся руками за уши, ахнул и затрепетал:

— Цэ наш? Что? Жеребец? Наш?

— Та наш же! — гордо сказал Семен.

— Слазь к чертовой матери с жеребца! — заорал вдруг Антон на Карабанова.— Чего расселся? Мало тебе? От, смотри, запарил. Это вам не куркульская кляча.

Антон ухватился за повод, гневным взглядом повторяя свое приказание.

Семен слез с седла.

— Понимаю, брат, понимаю. Такой конь, может, когда и был, так разве у Наполеона.

Антон каким-то взрывом ветра взвился в седло и потрепал ласково коня по шее. Потом неожиданно смущенно отвернулся и рукавом вытер глаза.

Ребята негромко засмеялись. Калина Иванович улыбнулся, крякнул, еще раз улыбнулся.

— Ничего не скажешь,— такой конь, я тебе скажу... Даже так скажу: не к нашему рылу крыльцо. Да... У нас его спортят.

— Кто испортит? — свирепо наклонился к нему Антон. Он закричал на колонистов: — Убью! Кто тронет, убью! Палкой! Железной палкой по голове!

Он круто повернул коня, и конь послушно понес его к конюшне кокетливым коротким галопом, как будто

обрадовался, что, наконец, уселся в седле настоящий хозяин.

Назвали жеребца «Молодцом».

Девятый и десятый отряды [22]

В начале июля мы получили мельницу в аренду на три года, с платой по три тысячи рублей в год...

Завоевание мельницы было победой нашего комсомола на втором участке боевого фронта.

Неожиданно для себя колония начала заметно богатеть и приобретать стиль солидного, упорядоченного и культурного хозяйства. Если так недавно на покупку двух лошадей мы собирались с некоторым напряжением, то в середине лета мы уже могли без труда ассигновать довольно большие суммы на хороших коров, на стадо овец, на новую мебель.

Между делом, почти не затрудняя наших смет, затеял Шере постройку нового коровника, и не успели мы опомниться, как стояло уже на краю двора новое здание, приятное и основательное, и перед ним расположил Шере цветник, в мелкие кусочки разбивая предрассудок, по которому коровник — это место грязи и зловония.

В новом коровнике стояло новых пять симментальских, а из наших телят вдруг подрос и поразил нас и даже Шере невиданными статями бык, называемый Цезарем.

Шере очень трудно было получить паспорт на Цезаря, но симментальские стати его были настолько разительны, что паспорт нам все-таки выдали. Имел паспорт и Молодец, с паспортом жил и Василий Иванович, шестнадцатипудовый кнур, которого я давно вывез из опытной станции,— чистокровный англичанин, названный Василием Ивановичем в честь старого Трепке.

Вокруг этих знатных иностранцев — немца, бельгийца и англичанина — легче было организовать настоящее племенное хозяйство.

...В свинарне работал специальный отряд — десятый, и командир его — Ступицын. Он умел сделать свой отряд энергичным и мало похожим на классических свинарей:

ребята всегда с книжкой, всегда у них в голове рационы, в руках карандаши и блокноты, на дверцах станков надписи, по всем углам свинарни диаграммы и правила, у каждой свиньи паспорт. Чего там только не было, в этой свинарне!

...Царство десятого отряда Ступицына — свинарня — давно уже обратилось в серьезное учреждение, которое по своей мощности и племенной чистоте считалось в нашей округе первым после опытной станции.

Десятый отряд, четырнадцать колонистов, работал всегда образцово. Свинарня — это было такое место в колонии, о котором ни у кого ни на минуту не возникало сомнений. Свинарня, великолепная трепкинская постройка пустотелого бетона, стояла посреди нашего двора, это был наш геометрический центр, и она настолько была вылощена и так всем импонировала, что в голову никому не приходило поднять вопрос о шокировании колонии имени Горького.

В свинарню допускался редкий колонист. Многие новички бывали в свинарне только в порядке специальной образовательной экскурсии; вообще для входа в свинарню требовался пропуск, подписанный мною или Шере. Поэтому в глазах колонистов и селян работа десятого отряда была окружена многими тайнами, проникнуть в которые считалось особой честью.

Сравнительно легкий доступ — с разрешения командира десятого отряда Ступицына — был в так называемую приемную. В этом помещении жили поросята, назначенные к продаже, и производилась случка селянских маток.

В приемной клиенты платили деньги, по три рубля за прием; помощник Ступицына и казначей Овчаренко выдавал квитанции. В приемной же продавались поросята по твердой цене за килограмм, хотя селяне и доказывали, что смешно продавать поросят на вес, что такое нигде не видано.

Большой наплыв гостей в приемной бывал во время опороса. Шере оставлял от каждого опороса только семь поросят, самых крупных — первенцев, всех остальных отдавал охотникам даром. Тут же Ступицын инструктировал покупателей, как нужно ухаживать за поросенком, отнимаемым от матки, как нужно кормить его при помощи соски, как составлять молоко, как купать,

когда переходить на другой корм. Молочные поросята раздавались только по удостоверениям комнезама, а так как у Шере заранее были известны все дни опороса, то у дверей свинарни всегда висел график, в котором было написано, когда приходить за поросятами тому или другому гражданину. Эта раздача поросят прославила нас по всей округе, и у нас развелось много друзей среди селянства. По всем окрестным селам заходили хорошие английские свиньи, которые, может быть, и не годились на племя, но откармливались — лучше не надо.

Следующим отделением свинарни был поросятник. Это настоящая лаборатория, в которой производились пристальные наблюдения за каждым индивидуумом, раньше чем определялся его жизненный путь. Поросят у Шере собиралось несколько сот, в особенности весной. Многих талантливых «пацанов» колонисты знали в лицо и внимательно, с большой ревностью следили за их развитием. Самые выдающиеся личности известны были и мне, и Калине Ивановичу, и совету командиров, и многим колонистам. Например, со дня рождения пользовался нашим общим вниманием сын Василия Ивановича и Матильды. Он родился богатырем, с самого начала показал все потребные качества и назначался в наследники своему отцу. Он не обманул наших ожиданий и скоро был помещен в особняке рядом с папашей под именем Петра Васильевича, названный так в честь молодого Трепке.

Еще дальше помещалась откормочная. Здесь царили рецепты, данные взвешивания, доведенные до совершенства мещанское счастье и тишина. Если в начале откорма некоторые индивиды еще проявляли признаки философии и даже довольно громко излагали кое-как формулы мировоззрения и мироощущения, то через месяц они молча лежали на подстилке и покорно переваривали свои рационы. Биографии их заканчивались принудительным кормлением, и наступал, наконец, момент, когда индивид передавался в ведомство Калины Ивановича и Силантий на песчаном холме, у старого парка, без единой философской судороги превращал индивидуальности в продукт, а у дверей кладовой Алешка Волков приготовлял бочки для сала.

Последнее отделение — маточная, но сюда могли вхо-

дить только первосвященники, и я всех тайн этого святилища не знаю.

Свинарня приносила нам большой доход, мы никогда даже не рассчитывали, что так быстро придем к рентабельному хозяйству. Упорядоченное до конца полевое хозяйство Шере приносило нам огромные запасы кормов: бурака, тыквы, кукурузы, картофеля. Осенью мы насилу-насилу все это могли спрятать.

Получение мельницы открывало широкие дороги впереди. Мельница давала нам не только плату за помол — четыре фунта с пуда зерна, но давала и отруби — самый драгоценный корм для наших животных.

Мельница имела значение и в другом разрезе: она ставила нас в новые отношения ко всему окрестному селянству, и эти отношения давали нам возможность вести ответственную большую политику. Мельница — это колонийский наркоминдел. Здесь шагу нельзя было ступить, чтобы не очутиться в сложнейших переплетах тогдашних селянских конъюнктур. В каждом селе были комнезамы, большею частью активные и дисциплинированные, были середняки, кругленькие и твердые, как горох, и, как горох, рассыпанные в отдельные, отталкивающиеся друг от друга силы, были и «хозяева» — кулаки, охмуревшие в своих хуторских редутах и одичавшие от законсервированной злобы и неприятных воспоминаний.

Получивши мельницу в свое распоряжение, мы сразу объявили, что желаем иметь дело с целыми коллективами и коллективам будем предоставлять первую очередь. Просили производить запись коллективов заранее. Незаможники легко сбивались в такие коллективы, приезжали своевременно, строго подчинялись своим уполномоченным, очень просто и быстро производили расчет, и работа на мельнице катилась как по рельсам...

Четвертый сводный [23]

В конце июля заработал четвертый сводный отряд в составе пятидесяти человек под командой Буруна. Бурун был признанный командир четвертого сводного, и никто из колонистов не претендовал на эту трудную, но почетную роль.

Четвертый сводный отряд работает «от зари до зари». Хлопцы чаще говорили, что он работает «без сигнала», потому что для четвертого сводного ни сигнал на работу, ни сигнал с работы не давался. Четвертый сводный Буруна сейчас работает у молотилки.

В четыре часа утра, после побудки и завтрака, четвертый сводный выстраивается вдоль цветника против главного входа в белый дом. На правом фланге шеренги колонистов выстраиваются все воспитатели. Они, собственно говоря, не обязаны участвовать в работе четвертого сводного, кроме двух, назначенных в порядке рабочего дежурства, но давно уже считается хорошим тоном в колонии поработать в четвертом сводном, и поэтому ни один уважающий себя человек не прозевает приказа об организации четвертого сводного. На правом фланге поместились и Шере, и Калина Иванович, и Силантий Отченаш, и Оксана, и Рахиль, и две прачки, и Спиридон, секретарь, и находящийся в отпуску старший вальцовщик с мельницы и колесный инструктор Козырь, и рыжий и угрюмый наш садовник Мизяк, и его жена, красавица Наденька, и жена Журбина, и еще какие-то люди,— я даже всех и не знаю.

И в шеренге колонистов много добровольцев: свободные члены десятого и девятого отрядов, второго отряда конюхов, третьего отряда коровников,— все здесь.

Только Мария Кондратьевна Бокова, хоть и потрудилась встать рано и пришла к нам в стареньком ситцевом сарафане, не становится в строй, а сидит на крылечке и беседует с Буруном. Мария Кондратьевна с некоторых пор не приглашает меня ни на чай, ни на мороженое, но относится ко мне не менее ласково, чем к другим, и я на нее ни за что не в обиде. Мне она нравится даже больше прежнего: серьезнее и строже стали у нее глаза и душевнее шутка. За это время познакомилась Мария Кондратьевна со многими пацанами и девчатами, подружилась с Силантием, попробовала на вес и некоторые наши тяжелые характеры. Милый и прекрасный человек Мария Кондратьевна, и все же я ей говорю потихоньку:

— Мария Кондратьевна, станьте в строй. Все будут вам рады в рабочих рядах.

Мария Кондратьевна улыбается на утреннюю зарю, поправляет розовыми пальчиками капризный и тоже ро-

зовый локон и немножко хрипло, из самой глубины груди отвечает.

— Спасибо. А что я буду сегодня... молоть, да?

— Не молоть, а молотить,— говорит Бурун.— Вы будете записывать выход зерна.

— А я это смогу хорошо делать?

— Я вам покажу, как.

— А может быть, вы для меня слишком легкую работу дали?

Бурун улыбается:

— У нас вся работа одинаковая. Вот вечером, когда будет ужин четвертому сводному, вы расскажете.

— Господи, как хорошо: вечером ужин, после работы...

Я вижу, как волнуется Мария Кондратьевна, и, улыбаясь, отворачиваюсь. Мария Кондратьевна, уже на правом фланге, звонко смеется чему-то, а Калина Иванович галантерейно пожимает ей руку и тоже смеется, как квалифицированный фавн.

Выбежали и застрекотали восемь барабанщиков, пристраиваясь справа. Играя мальчишескими пружинными талиями, вышли и приготовились четыре трубача. Подтянулись, посуровели колонисты.

— Под знамя — смирно!

Подбросили в шеренге легкие голые руки — салют. Дежурная по колонии Настя Ночевная, в лучшем своем платье, с красной повязкой на руке, под барабанный грохот и серебряный привет трубачей провела на правый фланг шелковое горьковское знамя, охраняемое двумя настороженно холодными штыками.

— Справа по четыре, шагом марш!

Что-то запуталось в рядах взрослых, вдруг пискнула и пугливо оглянулась на меня Мария Кондратьевна, но марш барабанщиков всех приводит к порядку. Четвертый сводный вышел на работу.

Бурун бегом нагоняет отряд, подскакивает, выравнивая ногу, и ведет отряд туда, где давно красуется высокий стройный стог пшеницы, сложенный Силантием, и несколько стогов поменьше и не таких стройных — ржи, овса, ячменя и еще той замечательной ржи, которую даже грачи не могли узнать и смешивали с ячменем; эти стоги сложены Карабановым, Чоботом, Федоренко, и нужно

признать — как ни парились хлопцы, как ни задавались, а перещеголять Силантия не смогли.

У нанятого в соседнем селе локомобиля ожидают прихода четвертого сводного измазанные серьезные машинисты. Молотилка же наша собственная, только весной купленная в рассрочку, новенькая, как вся наша жизнь.

Бурун быстро расставляет свои бригады, у него с вечера все рассчитано, недаром он старый комсвод-четыре. Над стогом овса, назначенного к обмолоту последним, развевается наше знамя.

К обеду уже заканчивают пшеницу. На верхней площадке молотилки самое людное и веселое место. Здесь блестят глазами девчата, покрытые золотисто-серой пшеничной пылью, из ребят только Лапоть. Он неутомимо не разгибает ни спины, ни языка. На главном, ответственном пункте лысина Силантия и пропитанный той же пылью его незадавшийся ус.

Лапоть сейчас специализируется на Оксане.

— Это вам колонисты назло сказали, что пшеница. Разве это пшеница? Это горох.

Оксана принимает еще не развязанный сноп пшеницы и надевает его на голову Лаптя, но это не уменьшает общего удовольствия от Лаптевых слов.

Я люблю молотьбу. Особенно хороша молотьба к вечеру. В монотонном стуке машин уже начинает слышаться музыка, ухо уже вошло во вкус своеобразной музыкальной фразы, бесконечно разнообразной с каждой минутой и все-таки похожей на предыдущую. И музыка эта такой счастливый фон для сложного, уже усталого, но настойчиво неугомонного движения: целыми рядами, как по сказочному заклинанию, подымаются с обезглавленного стога снопы и после короткого нежного прикосновения на смертном пути к рукам колонистов вдруг обрушиваются в нутро жадной, ненасытной машины, оставляя за собой вихрь разрушенных частиц, стоны взлетающих, оторванных от живого тела крупинок. И в вихрях, и в шумах, и в сутолоке смертей многих и многих снопов, шатаясь от усталости и возбуждения, смеясь над усталостью, наклоняются, подбегают, сгибаются под тяжелыми ношами, хохочут и шалят колонисты, обсыпанные хлебным прахом и уже осененные прохладой тихого летнего вечера. Они прибавляют в общей симфонии к одно-

образным темам машинных стуков, к раздирающим диссонансам верхней площадки победоносную, до самой глубины мажорную музыку радостной человеческой усталости. Трудно уже различить детали, трудно оторваться от захватывающей стихии. Еле-еле узнаешь колонистов в похожих на фотографический негатив золотисто-серых фигурах. Рыжие, черные, русые — они теперь все похожи друг на друга. Трудно согласиться, что стоящая с утра с блокнотом в руках под самыми густыми вихрями призрачно склоненная фигура — это Мария Кондратьевна; трудно признать в ее компаньоне, нескладной, смешной, сморщенной тени — Эдуарда Николаевича, и только по голосу я догадываюсь, когда он говорит, как всегда, вежливо-сдержанно:

— Товарищ Бокова, сколько у нас сейчас ячменя?

Мария Кондратьевна поворачивает блокнот к закату:

— Четыреста пудов уже,— говорит она таким срывающимся, усталым дискантом, что мне по-настоящему становится ее жалко.

Хорошо Лаптю, который в крайней усталости находит выходы.

— Галатенко! — кричит он на весь ток.— Галатенко!

Галатенко несет на голове на рижнатом копье двухпудовый набор соломы и из-под него откликается, шатаясь:

— А чего тебе приспичило?

— Иди сюда на минуточку, нужно...

Галатенко относится к Лаптю с религиозной преданностью. Он любит его и за остроумие, и за бодрость, и за любовь, потому что один Лапоть ценит Галатенко и уверяет всех, что Галатенко никогда не был лентяем.

Галатенко сваливает солому к локомобилю и спешит к молотилке. Опираясь на рижен и в душе довольный, что может минутку отдохнуть среди всеобщего шума, он начинает с Лаптем беседу.

— А чего ты меня звал?

— Слушай, друг,— наклоняется сверху Лапоть, и все окружающие начинают прислушиваться к беседе, уверенные, что она добром не кончится.

— Ну, слухаю...

— Пойди в нашу спальню...

— Ну?

— Там у меня под подушкой...

— Що?

— По подушкой говорю...

— Так що?

— Там у меня найдешь под подушкой...

Та понял, под подушкой...

— Там лежат запасные руки.

— Ну, так що с ними робыть? — спрашивает Галатенко.

— Принеси их скорее сюда, бо эти уже никуда не годятся,— показывает Лапоть свои руки под общий хохот.

— Ага! — говорит Галатенко.

Он понимает, что смеются все над словами Лаптя, а может быть, и над ним. Изо всех сил старался не сказать ничего глупого и смешного и как будто ничего такого и не сказал, а говорил только Лапоть. Но все смеются еще сильнее, молотилка уже стучит впустую, и уже начинает «париться» Бурун.

— Что тут случилось? Ну, чего стали? Это ты все, Галатенко?

Та я ничего...

Все замирают, потому что Лапоть самым напряженно-серьезным голосом, с замечательной игрой усталости, озабоченности и товарищеского доверия к Буруну говорит ему:

— Понимаешь, эти руки уже не варят. Так разреши Галатенко пойти принести запасные руки.

Бурун моментально включается в мотив и говорит Галатенко немного укорительно:

— Ну, конечно, принеси, что тебе — трудно? Какой ты ленивый человек, Галатенко!

Уже нет симфонии молотьбы. Теперь захватила дыхание высокоголосая какофония хохота и стонов, даже Шере смеется, даже машинисты бросили машину и хохочут, держась за грязные колени. Галатенко поворачивается к спальням. Силантий пристально смотрит на его спину:

— Смотри ж ты, какая, брат, история...

Галатенко останавливается и что-то соображает. Карабанов кричит ему с высоты соломенного намета:

— Ну, чего ж ты стал? Иди же!

Но Галатенко растягивает рот до ушей. Он понял, в чем дело. Не спеша он возвращается к рижну и улыбается. На соломе хлопцы его спрашивают:

— Куда это ты ходил?

— Та Лапоть придумал, понимаешь — принеси ему запасные руки.

— Ну, и что же?

— Та нэма у него никаких запасных рук, брешет все.

Бурун командует:

— Отставить запасные руки! Продолжать!

— Отставить, так отставить,— говорит Лапоть,— будем и этими как-нибудь.

В девять часов Шере останавливает машину и подходит к Буруну:

— Уже валятся хлопцы. А еще на полчаса.

— Ничего,— говорит Бурун.— Кончим.

Лапоть орет сверху:

— Товарищи горьковцы! Осталось еще на полчаса. Так я боюсь, что за полчаса мы здорово заморимся. Я не согласен.

— А чего ж ты хочешь? — насторожился Бурун.

— Я протестую! За полчаса ноги вытянем. Правда ж, Галатенко?

— Та, конечно ж, правда. Полчаса — это много.

Лапоть подымает кулак.

— Нельзя полчаса. Надо все это кончить, всю эту кучу за четверть часа. Никаких полчаса!

— Правильно! — орет и Галатенко.— Это он правильно говорит.

Под новый взрыв хохота Шере включает машину. Еще через двадцать минут — все кончено. И сразу на всех нападает желание повалиться на солому и заснуть. Но Бурун командует:

— Стройся!

К переднему ряду подбегают трубачи и барабанщики, давно уже ожидающие своего часа. Четвертый сводный эскортирует знамя на его место в белом доме. Я задерживаюсь на току, и от белого дома до меня долетают звуки знаменного салюта.

В темноте на меня наступает какая-то фигура с длинной палкой в руке.

— Кто это?

— А это я, Антон Семенович. Вот пришел к вам насчет молотилки, это, значит, с Воловьего хутора, и я ж буду Воловик по хвамилии...

— Добре. Пойдем в хату.

Мы тоже направляемся к белому дому. Воловик, старый видно, шамкает в темноте.

— Хорошо это у вас, как у людей раньше было...

— Чего это?

— Да вот, видите, с крестным ходом молотите, по-настоящему.

— Да где же крестный ход! Это знамя. И попа у нас нету.

Воловик немного забегает вперед и жестикулирует палкой в воздухе:

— Да не в том справа, что попа нету. А в том, что вроде как люди празднуют, выходит так, будто праздник. Видишь, хлеб собрать человеку — торжество из торжеств, а у нас люди забыли про это.

У белого дома шумно. Как ни устали колонисты, все же полезли в речку, а после купанья,— и усталости как будто нет. За столом в саду радостно и разговорчиво, и Марии Кондратьевне хочется плакать от разных причин: от усталости, от любви к колонистам, от того, что восстановлен и в ее жизни правильный человеческий закон, попробовала и она прелести трудового свободного коллектива.

— Легкая была у вас работа? — спрашивает ее Бурун.

— Не знаю,— говорит Мария Кондратьевна.— Наверное, трудная, только не в том дело. Такая работа все равно — счастье.

Осень [24]

Снова надвигалась зима. В октябре закрыли бесконечные бурты с бураком, и Лапоть в совете командиров предложил:

— Постановили: вздохнуть с облегчением.

Бурты — это длинные глубокие ямы, метров по двадцать каждая. Таких ям на эту зиму Шере наготовил больше десятка, да еще утверждал что этого мало, что бурак нужно расходовать очень осторожно.

Бурак нужно было складывать в ямах с такой осторожностью, как будто это оптические приборы. Шере умел с утра до вечера простоять над душой сводного отряда и вякать:

— Пожалуйста, товарищи, не бросайте так, очень прошу. Имейте в виду: если вы один бурачок сильно ударите, на этом месте начнется омертвение, а потом он будет гнить, и гниение пойдет по всему бурту. Пожалуйста, товарищи, осторожнее.

Уставшие от однообразной и вообще «бураковой» работы колонисты не пропускали случая воспользоваться намеченной Шере темой, чтобы немного поразвлечься и отдохнуть. Они выбирают из кучи самый симпатичный, круглый и розовый корень, окружают его всем сводным отрядом, и командир сводного, человек вроде Митьки или Витьки, подымает руки с растопыренными пальцами и громко шепчет:

— Отойди дальше, не дыши. У кого руки чистые?

Появляются носилки. Нежные пальцы комсводотряда берут бурачок из кучи, но уже раздается тревожный возглас:

— Что ты делаешь? Что ты делаешь?

Все в испуге останавливаются и потом кивают головами, когда тот же голос говорит:

— Надо же осторожно.

Первая попавшаяся под руку спецовка свертывается в уютно-мягкую подушечку, подушечка помещается на носилках, а на ней покоится и действительно начинает вызывать умиление розовенький, кругленький, упитанный бурачок. Чтобы не очень заметно улыбаться, Шере грызет стебелек какой-то травки. Носилки подымают с земли, и Митька шепчет:

— Потихоньку, потихоньку, товарищи! Имейте в виду: начнется омертвение, очень прошу...

Митькин голос обнаруживает отдаленное сходство с голосом Шере, и поэтому Эдуард Николаевич не бросает стебелька.

Закончили вспашку на зябь. О тракторе мы тогда только начинали воображать, а плугом на паре лошадей больше полугектара в день никак поднять не удавалось. Поэтому Шере сильно волновался, наблюдая работу первого и второго сводных. В этих сводных работали люди более древней формации, и командирами их бывали такие массивные колонисты, как Федоренко, Корыто, Чобот. Обладая силой, мало уступающей силе запряженной пары, и зная до тонкости работу вспашки, эти товарищи, к сожалению, ошибочно переносили методы

вспашки и на все другие области жизни. И в коллективной, и в дружеской, и в личной сфере они любили прямые глубокие борозды и блестящие могучие отвалы. И работа мысли у них совершалась не в мозговых коробках, а где-то в других местах: в мускулах железных рук, в бронированной коробке груди, в монументально устойчивых бедрах. В колонии они стойко держались против рабфаковских соблазнов и с молчаливым презрением уклонялись от всяких бесед на ученые темы. В чем-то они были до конца уверены, и ни у кого из колонистов не было таких добродушно-гордых поворотов головы и уверенно-экономного слова. Как активные деятели первых и вторых сводных эти колонисты пользовались большим уважением всех, но зубоскалы наши не всегда были в силах удержаться от сарказмов по их адресу.

В эту осень запутались первый и второй сводные на почве соревнования. В то время соревнование еще не было общим признаком советской работы, и мне пришлось даже подвергнуться мучениям в застенках наробраза из-за соревнования. В оправдание могу только сказать, что соревнование началось у нас неожиданно и не по моей воле.

Первый сводный работал от шести утра до двенадцати дня, а второй — от двенадцати дня до шести вечера. Сводные отряды составлялись на неделю. На новую неделю комбинация колонийских сил по сводным отрядам всегда немного изменялась, хотя некоторая специализация и имела место.

Ежедневно перед концом работы сводного отряда на поле выходил наш помагронома Алешка Волков с двухметровой раскорякой и вымерял, сколько квадратных метров сделано сводным отрядом.

Сводные отряды на вспашке работали хорошо, но бывали колебания, зависящие от почвы, лошадей, склона местности, погоды и других причин, на самом деле объективных. Алешка Волков на фанерной доске, повешенной для всяких объявлений, писал мелом:

19 октября 1-й сводный Корыто .	2350 кв. метров
19 октября 1-й сводный Ветковского .	2300 кв. метров
19 октября 2-й сводный Федоренко . .	2410 кв. метров
19 октября 2-й сводный Нечитайло .	2270 кв. метров

Само собой так случилось, что ребята увлеклись сравнением результатов их работы, и каждый сводный отряд

старался перещеголять своих предшественников. Выяснилось, что наилучшими командирами, имеющими больше шансов остаться победителями, являются Федоренко и Корыто. С давних пор они были большими друзьями, но это не мешало им ревниво следить за успехами друг друга и находить всякие грехи в дружеской работе. В этой области с Федоренко случилась драма, которая доказала всем, что у него тоже есть нервы. Некоторое время Федоренко оставался впереди других сводных, изо дня в день повторяя на фанерной доске Алешки Волкова цифры в пределах 2500—2600. Сводные отряды Корыто гнались за этими пределами, но всегда отставали на сорок-пятьдесят квадратных метров, и Федоренко шутил над другом:

— Брось, кум, уже ж видно, что ты еще молодой пахарь...

В конце октября заболела Зорька, и Шере пустил в поле одну пару, а для усиления эффекта выпросил у совета командиров назначение Федоренко в сводный отряд Корыто.

Федоренко не заметил сначала всей драматичности положения, потому что и болезнь Зорьки и необходимость спешить с зябью, имея только одну запряжку, его сильно удручали. Он взялся горячо за дело и опомнился только тогда, когда Алешка Волков написал на своей доске:

24 октября 2-й сводный Корыто 2730 кв. метров

Гордый Корыто торжествовал победу, а Лапоть ходил по колонии и язвил.

— Да куда ж там Федоренко с Корыто справиться! Корыто ж — это прямо агроном, куда там Федоренко!

Хлопцы качали Корыто и кричали «ура», а Федоренко, заложив руки в карманы штанов, бледнел от зависти и рычал:

— Корыто — агроном? Я такого агронома не бачив!

Федоренко не давали покоя невинными вопросами:

— Ты признаешь, что Корыто победил?

Федоренко все же додумался. В совете командиров он сказал:

— Чего Корыто задается? На этой неделе опять будет одна пара. Дайте мне в первый сводный Корыто, я вам покажу три тысячи метров.

Совет командиров пришел в восторг от остроумия Федоренко и исполнил его просьбу. Корыто покрутил головой и сказал:

— Ой, и хитрый же чертов Федоренко!

— Ты смотри! — сказал ему Федоренко.— Я у тебя работал на совесть, попробуй только симулировать...

Корыто еще до начала работы признал свое тяжелое положение:

— Ну, шо его робыть? От же Федоренко Федоренком, а тут же тебе поле. А если хлопцы скажут, что я подвел Федоренко, плохо робыв, чи як, тоже нехорошо будет.

И Федоренко и Корыто смеялись, выезжая утром в поле. Федоренко положил на плуг огромную палку и обратил на нее внимание друга:

— Ты бачив того дрючка? Я там, в поли, не дуже с тобою нежничать буду.

Корыто краснел сначала от серьезности положения, потом от смеха.

Когда Алешка со своей раскорякой возвращался с поля и уже шарил в карманах, доставая кусок мела, его встречала вся колония, и ребята нетерпеливо допрашивали:

— Ну, как?

Алешка медленно, молча выписывал на доске:

26 октября 1-й сводный Федоренко 3010 кв. метров

— Ох, ты, смотри ж ты, Федоренко — три тысячи.

Подошли с поля и Федоренко с Корыто. Хлопцы приветствовали Федоренко как триумфатора, и Лапоть сказал:

— Я ж всегда говорил: куда там Корыто до Федоренко! Федоренко — это тебе настоящий агроном!

Федоренко недоверчиво посматривал на Лаптя, но боялся что-нибудь выразить по поводу его коварной политики, ибо дело происходило не в поле, а во дворе, и в руках у Федоренко не было ручек вздрагивающего, напряженного плуга.

— Как же ты сдал, Корыто? — спросил Лапоть.

— Это потому, что не по правилу, товарищи колонисты. Я так скажу, Федоренко с дрючком выехал в поле, вот какое дело.

— С дрючком,— подтвердил Федоренко,— плуг надо ж чистить...

— И говорил: нежничать не буду.

— А зачем мне с тобой нежничать? Я и теперь скажу: на что ты мне сдался с тобой нежничать, ты ж не дивчына.

— А сколько раз он тебя потянул дрючком? — интересуются хлопцы.

— Та я перелякався того дрючка, так робыв добре, ни разу не потянул. От же ты и плуга тем дрючком не чистил, Федоренко.

— А это у меня был запасный дрючок. А там нашлась такая удобная... той... палочка.

— Если ни разу не потянул, ничего не поделаешь,— пояснил Лапоть.— Ты, Корыто, вел неправильную политику. Тебе нужно было так, знаешь, не спешить да еще заедаться с командиром. Он бы и потянул тебя дрючком. Тогда другое дело: совет командиров, бюро, общее собрание, ой-ой-ой!..

— Не догадался,— сказал Корыто.

Так и осталась победа за Федоренко благодаря его настойчивости и остроумию.

Лица эти делаются в колонии [25]

...Сегодня можно с уверенной радостью видеть, как выросла и похорошела колония. В парке широкие, посыпанные песком дорожки подчеркивают зеленое богатство трех террас, на которых каждое дерево, каждая группа кустов, каждая линия цветника проверены в ночных раздумьях, политы трудовым пóтом сводных отрядов, как драгоценными камнями, украшены заботами и любовью коллектива. Высоты и низины речного берега сурово и привольно-ласково дисциплинированны: то десяток деревянных ступенек, то березовые перильца, то квадратный коверчик цветов, то узенькие витые дорожки, то платформа набережной, усыпанная песком, еще раз доказывают, насколько умнее и выше природы человек, даже вот такой босоногий. И на просторных дворах этого босоногого хозяина, на месте глубоких ран, оставленных ему в наследство, он, пасынок старого человечества, тоже коснулся везде рукой художника. Двести кустов роз высадили здесь колонисты еще осенью, а сколько здесь астр, гвоздики, левкоев, ярко-красной герани, синеньких колокольчиков и

еще неизвестных и не названных цветов,— колонисты даже никогда и не считали. Целые шоссе протянулись по краям двора, соединяя и отграничивая площадки отдельных домов, квадраты и треугольники райграса осмыслили и омолодили свободные пролеты, кое-где твердо стали зеленые садовые диваны.

Хорошо, уютно, красиво и разумно стало в колонии, и я, видя это, горжусь долей своего участия в украшении земли. Но у меня свои эстетические капризы: ни цветы, ни дорожки, ни тенистые уголки ни на одну минуту не заслоняют от меня вот этих мальчиков в синих трусиках и белых рубашках. Вот они бегают, спокойно прохаживаются между гостями, вот они хлопочут вокруг столов, стоят на постах, сдерживая сотни ротозеев, пришедших посмотреть на невиданную свадьбу,— вот они, горьковцы. Они стройны и собранны, у них хорошие, подвижные талии, мускулистые и здоровые, не знающие, что такое медицина, тела и свежие красногубые лица. Лица эти делаются в колонии,— с улицы приходят в колонию совсем не такие лица.

Самая радостная перспектива [26]

В середине апреля приехали на весенний перерыв первые рабфаковцы.

Они приехали похудевшие и почерневшие, и Лапоть рекомендовал передать их десятому отряду в откормочное отделение. Было хорошо, что они не гордились перед колонистами своими студенческими особенностями. Карабанов не успел даже со всеми поздороваться, а побежал по хозяйству и мастерским. Белухин, обвешанный пацанами, рассказывал о Харькове и о студенческой жизни. Вечером мы все уселись под весенним небом и по старой памяти занялись вопросами колонии. Карабанову очень не нравились наши последние события. Он говорил:

— Что оно правильно сделано, так ничего не скажешь. Раз Костя сказал, что ему тут не нравится, так поступили правильно: иди к чертям, шукай себе кращего. И Опришко — куркуль, это понятно, и пошел в куркули, так ему и полагается. А все-таки, если подумать, так оно как-то не так. Надо что-то думать. Мы вот в Харькове уже повидали другую жизнь. Там другая жизнь, и люди другие.

— У нас плохие люди в колонии?

— В колонии хорошие люди,— сказал Карабанов,— очень хорошие, так смотрите ж кругом, куркульни с каждым днем больше. Разве здесь колонии можно жить? Тут або зубами грызть, або тикать.

— Не в том дело,— задумчиво протянул Бурун,— с куркулями все бороться должны. Это особое дело. Не в том суть. А в том, что в колонии делать нечего. Колонистов сто двадцать человек, силы много, а работа здесь какая: посеял — снял, посеял — снял. И поту много выходит, и толку не видно. Это хозяйство маленькое. Еще год прожить, хлопцам скучно станет, захочется лучшей доли...

— Это правильно он говорит, Гришка,— Белухин пересел ближе ко мне,— наш народ, беспризорный, как это называется, так он пролетарский народ, ему дай производство. На поле, конечно, приятно работать и весело, а только что ж ему с поля? На село пойти, в мелкую буржуазию, значит,— стыдно как-то, так и пойти ж не с чем, для этого нужно владеть орудиями производства: и хату нужно, и коня, и плуг, и все. А идти в приймы, вот как Опришко, не годится. А куда пойдешь? Только один завод паровозоремонтный, так рабочим своих детей некуда девать.

Все рабфаковцы с радостью набросились на полевые работы, и совет командиров с изысканною вежливостью назначал их командирами сводных. Карабанов возвращался с поля возбужденным:

— Ой, до чего ж люблю работу у поли! И такая жалость, что нема ниякого толку с этой работы, хай вона сказыться. От було б хорошо б так: пробыв в поли, пишов косыты, а тут тоби — мануфактура растеть, чоботы растуть, машины колыхаются на ныви, тракторы, гармошки, очки, часы, папиросы... ой-ой-ой! Чего ж мэнэ нэ спыталы, колы свит строили, подлюки?..

...Я задумался над путями нашей колонии. В полный рост встал перед моими глазами какой-то грозный кризис, и угрожали полететь куда-то в пропасть несомненные для меня ценности, ценности живые, живущие, созданные, как чудо, пятилетней работой коллектива, исключительные достоинства которого я даже из скромности скрывать от себя не хотел.

В таком коллективе неясность личных путей не могла определять кризиса. Ведь личные пути всегда неясны. И что такое ясный личный путь? Это отрешение от коллектива, это концентрированное мещанство: такая ранняя, такая скучная забота о будущем куске хлеба, об этой самой хваленой квалификации. И какой квалификации? Столяра, сапожника, мельника. Нет, я крепко верю, что для мальчика в шестнадцать лет нашей советской жизни самой дорогой квалификацией является квалификация борца и человека.

Я представил себе силу коллектива колонистов и вдруг понял, в чем дело: ну, конечно, как я мог так долго думать! Все дело в остановке. Не может быть допущена остановка в жизни коллектива.

Я обрадовался по-детски: какая прелесть! Какая чудесная, захватывающая диалектика! Свободный рабочий коллектив не способен стоять на месте. Всемирный закон всеобщего развития только теперь начинает показывать свои настоящие силы. Формы бытия свободного человеческого коллектива — движение вперед, форма смерти — остановка.

Да, мы почти два года стоим на месте: те же поля, те же цветники, та же столярная и тот же ежегодный круг...

...В первые дни Куряжа в отрядах совершалась очень большая работа. К двум-трем отрядам издавна был прикреплен воспитатель. На ответственности воспитателей лежало возбуждать в отрядах представление о коллективной чести и лучшем, достойном месте в колонии. Новые благородные побуждения коллективного интереса приходили, конечно, не в один день, но все же приходили сравнительно быстро, гораздо быстрее, чем если бы мы надеялись только на индивидуальную обработку.

Вторым нашим весьма важным институтом была система перспективных линий. Есть, как известно, два пути в области организации перспективы, а следовательно, и трудового усилия. Первый заключается в оборудовании личной перспективы, между прочим, при помощи воздействия на материальные интересы личности. Это последнее, впрочем, решительно запрещалось тогдашними педагогическими мыслителями. Когда дело доходило до самого незначительного количества рублей, намечаемых

к выдаче ребятам в виде зарплаты или премии, на «Олимпе» подымался настоящий скандал. Педагогические мыслители были убеждены, что деньги от дьявола, недаром же они слышали в «Фаусте»:

Люди гибнут за металл...

Их отношение к зарплате и к деньгам было настолько паническое, что не оставалось места ни для какой аргументации. Здесь могло помочь только окропление святой водой, но я этим средством не обладал.

А между тем зарплата — очень важное дело. На получаемой зарплате воспитанник вырабатывает уменье координировать личные и общественные интересы, попадает в сложнейшее море советского промфинплана, хозрасчета и рентабельности, изучает всю систему советского заводского хозяйства и принципиально становится на позиции, общие со всяким другим рабочим. Наконец приучается просто ценить заработок и уже не выходит из детского дома в образе беспризорной институтки, не умеющей жить, а обладающей только «идеалами».

Но ничего нельзя было поделать, на этом лежало «табу» [1].

Я имел возможность пользоваться только вторым путем — методом повышения коллективного тона и организации сложнейшей системы коллективной перспективы. От этого метода не так пахло нечистой силой, и олимпийцы терпели здесь многое, хотя и ворчали иногда подозрительно.

Человек не может жить на свете, если у него нет впереди ничего радостного. Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость. В педагогической технике эта завтрашняя радость является одним из важнейших объектов работы. Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные. Здесь проходит интересная линия: от примитивного удовлетворения каким-нибудь пряником до глубочайшего чувства долга.

Самое важное, что мы привыкли ценить в человеке,— это сила и красота. И то и другое определяется в челове-

---

[1] Запрещение.

ке исключительно по типу его отношения к перспективе. Человек, определяющий свое поведение самой близкой перспективой, сегодняшним обедом, именно сегодняшним, есть человек самый слабый. Если он удовлетворяется только перспективой своей собственной, хотя бы и далекой, он может представляться сильным, но он не вызывает у нас ощущения красоты личности и ее настоящей ценности. Чем шире коллектив, перспективы которого являются для человека перспективами личными, тем человек красивее и выше.

Воспитать человека — значит воспитать у него перспективные пути, по которым располагается его завтрашняя радость. Можно написать целую методику этой важной работы. Она заключается в организации новых перспектив, в использовании уже имеющихся, в постепенной подстановке более ценных. Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в цирк, и с очистки пруда, но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза...

...Я должен отметить один исключительный вечер, сделавшийся почему-то переломным в трудовом усилии куряжан. Я, впрочем, не рассчитывал на такой результат, я хотел сделать только то, что необходимо было сделать, вовсе не из практических намерений.

Новые колонисты не знали, кто такой Горький. В ближайшие дни по приезде мы устроили вечер Горького. Он был сделан очень скромно. Я сознательно не хотел придавать ему характер концерта или литературного вечера. Мы не пригласили гостей. На скромно убранной сцене поставили портрет Алексея Максимовича.

Я рассказал ребятам о жизни и творчестве Горького, рассказал подробно. Несколько старших ребят прочитали отрывки из «Детства». Новые колонисты слушали меня, широко открыв глаза: они не представляли себе, что в мире возможна такая жизнь. Они не задавали мне вопросов и не волновались до той минуты, пока Лапоть не принес папку с письмами Горького.

— Это он написал? Сам писал? Он писал колонистам? А ну, покажите...

Лапоть бережно обнес по рядам развернутые письма Горького. Кое-кто задержал руку Лаптя и постарался глубже проникнуть в содержание происходящего.

— Вот видишь, вот видишь: «Дорогие мои товарищи». Так и написано...

Все письма были прочитаны на собрании. Я после этого спросил:

— Может, есть желающие что-нибудь сказать?

Минуты две не было желающих. Но потом, краснея, на сцену вышел Коротков и сказал:

— Я скажу новым горьковцам... вот, как я. Только я не умею говорить. Ну, все равно. Хлопцы! Жили мы тут, и глаза у нас есть, а ничего мы не видели... Как слепые, честное слово. Аж досадно — сколько лет пропало! А сейчас нам показали одного Горького... Честное слово, у меня все на душе перевернулось... не знаю, как у вас...

Коротков придвинулся к краю сцены, чуть-чуть прищурил серьезные красивые глаза:

— Надо, хлопцы, работать... По-другому нужно работать... Понимаете?

— Понимаем! — закричали горячо пацаны и крепко захлопали, провожая со сцены Короткова.

На другой день я их не узнал. Отдуваясь, кряхтя, вертя головами, они честно, хотя и с великим трудом, пересиливали извечную человеческую лень. Они увидели перед собой самую радостную перспективу: ценность человеческой личности.

Праздник первого снопа [27]

...Первый сноп праздновался пятого июля.

Это был наш старый праздник, для которого давно был выработан порядок и который давно сделался важнейшей вехой в нашем годовом календаре. Но сейчас в нем преобладала идея сдачи колонии после военной операции. Эта идея захватила самого последнего колониста, и поэтому подготовка к празднику проходила «без сигналов», в глубоком захвате страсти и крепкого решения: все должно быть прекрасно. Недоделанных мест почти что и не было: на кроватях теперь лежали красные новые одеяла, пруд блестел чистым зеркалом, на склоне горы протянулись семь новых террас для будущего сада. Было сделано все. Силантий резал кабанов, сводный отряд Буцая развешивал гирлянды и лозунги. Над воротами на

белом фоне свода Костя Ветковский старательно расположил:

И ВОДРУЗИМ НАД ЗЕМЛЕЮ КРАСНОЕ ЗНАМЯ ТРУДА!

а на внутренней стороне ворот коротко:

ЕСТЬ!

Второго числа разряженный тринадцатый сводный под командой Жевелия развез по городу приглашения.

В день праздника с утра намеченный к жатве полугектар ржи обнесен рядами красных флагов, дорога к этому месту украшена также флагами и гирляндами. У въездных ворот маленький столик гостевой комиссии. Над обрывом у пруда поставлены столы на шестьсот мест, и праздничный заботливый ветерок шевелит углы белых скатертей, лепестки букетов и халаты столовой комиссии.

За воротами, внизу на дороге, дежурят верхом на Молодце и Мэри одетые в красные трусики и рубашки, в белых кавказских шляпах Синенький и Зайченко. За плечами у них развеваются белые полуплащи с красной звездой, отороченные настоящим кроличьим мехом. Ваня Зайченко в неделю изучил все наши девятнадцать сигналов, и командир бригады сигналистов Горьковский признал его заслуживающим чести быть дежурным трубачом на празднике. Трубы повешены у них через плечо на атласной ленте.

В десять часов показались первые гости — пешеходы с Рыжовской станции. Это представители харьковских комсомольских организаций. Всадники подняли трубы, развесив по плечам атласные ленты, крепче уперлись в стремена и три раза протрубили привет.

Начался праздник. В воротах гостей встречает гостевая комиссия в голубых повязках, каждому прикалывает на груди три колоска ржи, перевязанные красной ленточкой, и передает особый билетик, на котором написано, к примеру:

11-й отряд колонистов *приглашает вас обедать за его столом* *К-р отряда Д. Жевелий.*

Гостей ведут осматривать колонию, а снизу уже раздаются новые звуки привета наших великолепных всадников.

Двор и помещения колонии наполняются гостями. Приходят представители харьковских заводов, сотрудники окрисполкома и наробраза, сельсоветов соседних сел, корреспонденты газет, на машинах подъезжают к воротам Джуринская, Юрьев, Клямер, Брегель и товарищ Зоя, члены партийных организаций, приезжает и бритый товарищ. Приезжает на своем форде и Халабуда. Халабуду встречает специально для этого собравшийся совет командиров, вытаскивает из машины и сразу же бросает в воздух. С другой стороны машины стоит и хохочет бритый. Когда Халабуду поставили на землю, бритый спрашивает:

— Что они из тебя сейчас выкачали?

Халабуда обозлился:

— А ты думаешь, не выкачали? Они всегда выкачают.

— Да ну? А что?

— Трактор выкачали! Дарю трактор — фордзон... Ну, черт с вами, качайте, только теперь уже все.

Пришлось Халабуде еще полетать по воздуху, и его немедленно куда-то утащили хлопцы.

Во дворе колонии становится людно, как на главной улице города. Колонисты, украшенные бутоньерками, широкими нарядными рядами ходят по дорожкам с приезжими, улыбаются им алыми губами, освещают их лица то смущенным, то открытым сиянием глаз, на что-то указывают, куда-то увлекают.

В двенадцать часов во двор въехали Синенький и Зайченко, наклонившись с седел, пошептались с дежурным командиром Наташей Петренко, и Синенький, разгоняя смеющихся гостей и колонистов, галопом ускакал на хозяйственный двор. Через минуту оттуда раздались поднебесные звуки общего сбора, который всегда играется на октаву выше всякого другого сигнала. Ваня Зайченко подхватил. Колонисты, бросив гостей, сбегались к главной площадке, и не успел улететь к Рыжову последний трубный речитатив, они уже вытянулись в одну линию, и на левый фланг, высоко подбрасывая пятки и умиляя гостей, пронесся с зеленым флажком Митя Нисинов. Я начинаю каждым нервом ощущать свое торже-

ство. Этот радостный мальчишеский строй, сине-белой лентой вдруг выросший рядом с линией цветников, уже ударил по глазам, по вкусам и по привычкам собравшихся людей, уже потребовал к себе уважения. Лица гостей, до этого момента доброжелательно-покровительственные, какие бывают обыкновенно у взрослых, великодушно относящихся к ребятам, вытянулись вдруг и заострились вниманием. Юрьев, стоящий сзади меня, сказал громко:

— Здорово, Антон Семенович! Так их!..

Колонисты озабоченно заканчивали равнение, то и дело поглядывая на меня. Я уверен, что везде все готово, и не задерживаю следующей команды:

— Под знамя, смирно!

Из-за стены собора, строго подчиняя свое движение темпам салюта, вышла Наташа и повела к правому флангу знаменную бригаду.

Я обратился к колонистам с двумя словами, поздравил с праздником, поздравил с победой.

— А теперь отдадим честь лучшим нашим товарищам, восьмому сводному первого снопа отряду Буруна.

Снова заиграли трубы привет. Из далеких, широко открытых ворот хозяйственного двора вышел восьмой сводный. О дорогие гости, я понимаю ваше волнение, я понимаю ваши неотрывные, пораженные взгляды, потому что уже не в первый раз в жизни я сам поражен и восхищен высокой торжественной прелестью восьмого сводного отряда! Пожалуй, я имею возможность больше вашего видеть и чувствовать.

Впереди отряда Бурун, маститый, заслуженный Бурун, не впервые водящий вперед рабочие отряды колонии. У него на богатырских плечах высоко поднята сияющая отточенная коса с грабельками, украшенная крупными ромашками. Бурун величественно красив сегодня, особенно красив для меня, потому что я знаю: это не только декоративная фигура впереди живой картины, это не только колонист, на которого стоит посмотреть, это прежде всего действительный командир, который знает, кого ведет за собой и куда ведет. В сурово-спокойном лице Буруна я вижу мысль о задаче: он должен сегодня в течение тридцати минут убрать и заскирдовать полгектара ржи. Гости не видят этого. Гости не видят и другого: этот сегодняшний командир

косарей — студент медицинского института, в этом сочетании особо убедительно струятся линии нашего советского стиля. Да мало ли чего не видят гости и даже не могут видеть, потому хотя бы, что не только же на Буруна смотреть. За Буруном идут по четыре в ряд шестнадцать косарей в таких же белых рубахах, с такими же расцветшими косами. Шестнадцать косарей! Так легко их пересчитать! Но из этих шестнадцати сколько славных имен: Карабанов, Задоров, Белухин, Шнайдер, Георгиевский! Только последний ряд составлен из молодых горьковцев: Воскобойников, Сватко, Перец и Коротков.

За косарями шестнадцать девушек. На голове у каждой венок из цветов, и в душе у каждой венок из прекрасных наших советских дней. Это вязальщицы.

Восьмой сводный отряд подходит уже к нам, когда из ворот на рысях выносятся две жатки, запряженные каждая двумя парами лошадей. И у каждой в гриве и на упряжи цветы, цветами убраны и крылья жаток. На правых конях ездовые в седлах, на сиденье первой машины сам Антон Братченко, на второй — Горьковский. За жатками конные грабли, за граблями бочка с водой, а на бочке Галатенко, самый ленивый человек в колонии, но совет командиров, не моргнув глазом, премировал Галатенко участием в восьмом сводном отряде. Сейчас можно видеть, с каким старанием, как не лениво украсил цветами свою бочку Галатенко. Это не бочка, а благоухающая клумба, даже на спицах колес цветы, и, наконец, за Галатенко линейка под красным крестом, на линейке, Елена Михайловна и Смена,— все может быть на работе.

Восьмой сводный остановился против нашего строя. Из строя выходит Лапоть и говорит:

— Восьмой сводный! За то, что вы хорошие комсомольцы, колонисты и хорошие товарищи, колония наградила вас большой наградой: вы будете косить наш первый сноп. Сделайте это как полагается и покажите еще раз всем пацанам, как нужно работать и как нужно жить. Совет командиров поздравляет вас и просит вашего командира товарища Буруна принять командование над всеми нами.

Эта речь как и все последующие речи, неизвестно кем сочинена. Она произносится из года в год в одних

и тех же словах, записанных в совете командиров. И именно поэтому они выслушиваются с особенным волнением, и с особым волнением все колонисты затихают, когда подходит ко мне Бурун, пожимает руку и говорит тоже традиционно необходимое:

— Товарищ заведующий, разрешите вести восьмой сводный отряд на работу и дайте нам на помощь этих хлопцев.

Я должен отвечать так, как я и отвечаю:

— Товарищ Бурун, веди восьмой сводный на работу, а хлопцев этих бери на помощь.

С этого момента командиром колонии становится Бурун. Он дает ряд команд к перестроению, и через минуту колония уже в марше. За барабанщиками и знаменем идут косари и жатки, за ними вся колония, а потом гости. Гости подчиняются общей дисциплине, строятся в ряды и держат ногу. Халабуда идет рядом со мной и говорит бритому:

— Черт!.. С этими одеялами!.. А то и я был бы в строю... вот, с косой!

Я киваю Силантию, и Силантий летит на хозяйственный двор. Когда мы подходим к намеченному полугектару, Бурун останавливает колонну и, нарушая традиции, спрашивает колонистов:

— Поступило предложение назначить в восьмой сводный отряд в бригаде Задорова пятым косарем Сидора Карповича Халабуду. Чи есть возражения?

Колонисты смеются и аплодируют. Бурун берет из рук Силантия украшенную косу и передает ее Халабуде. Сидор Карпович быстро, по-юношески, снимает с себя пиджак, бросает его на межу, потрясает косой:

— Спасибо!

Халабуда становится в ряд косарей пятым у Задорова. Задоров грозит ему пальцем:

— Смотрите же, не воткните в землю! Позор нашей бригаде будет.

— Отстань,— говорит Халабуда,— я еще вас научу...

Строй колонистов выравнивается на одной стороне поля. В рожь выносится знамя,— здесь будет связан первый сноп. К знамени подходят Бурун, Наташа, и наготове держится Зорень, как самый младший член колонии.

— Смирно!

Бурун начинает косить. В несколько взмахов косы он укладывает к ногам Наташи порцию высокой ржи. У Наташи из первого накоса готово перевесло. Сноп она связывает двумя-тремя ловкими движениями, двое девчат надевают на сноп цветочную гирлянду, и Наташа, розовая от работы и удачи, передает сноп Буруну. Бурун подымает сноп на плечо и говорит курносому серьезному Зореню, высоко задравшему носик, чтобы слышать, что говорит Бурун:

— Возьми этот сноп из моих рук, работай и учись, чтобы, когда вырастешь, был комсомольцем, чтобы и ты добился той чести, которой добился я,— косить первый сноп.

Ударил жребий Зореня. Звонко-звонко, как жаворонок над нивой, отвечает Зорень Буруну:

— Спасибо тебе, Грицько! Я буду учиться и буду работать. А когда вырасту и стану комсомольцем, добуду и себе такую честь — косить первый сноп и передать его младшему пацану.

Зорень берет сноп и весь утопает в нем. Но уже подбежали к Зореню пацаны с носилками, и на цветочное ложе их укладывает Зорень свой богатый подарок. Под гром салюта знамя и первый сноп переносятся на правый фланг.

Бурун подает команду:

— Косари и вязальщицы — по местам!

Колонисты разбегаются по намеченным точкам и занимают все четыре стороны поля.

Поднявшись на стременах, Синенький трубит сигнал на работу. По этому знаку все семнадцать косарей пошли кругом поля, откашивая широкую дорогу для жатвенных машин.

Я смотрю на часы. Проходит пять минут, и косари подняли косы вверх. Вязальщицы довязывают последние снопы и относят их в сторону. Наступает самый ответственный момент работы. Антон и Витька и откормленные, отдохнувшие кони готовы.

— Рысью... ма-а-арш!

Жатки с места выносятся на прокошенные дорожки. Еще две-три секунды, и они застрекотали по житу, идя уступом одна за другой. Бурун с тревогой прислушивается к их работе. За последние дни много они передумали с Антоном и Шере, много повозились над жат-

ками, два раза выезжали в поле. Будет большим скандалом, если кони откажутся от рыси, если нужно будет на них кричать, если жатка заест и остановится.

Но лицо Буруна постепенно светлеет. Жатки идут с ровным механическим звуком, лошади свободно набирают рысь, даже на поворотах не задерживаются, хлопцы неподвижно сидят в седлах. Один, два круга. В начале третьего жатки так же красиво проносятся мимо нас, и серьезный Антон бросает Буруну:

— Все благополучно, товарищ командир!

Бурун повернулся к строю колонистов и поднял косу:

— Готовься! Смирно!

Колонисты опустили руки, но внутри у них все рвется вперед, мускулы уже не могут удержать задора.

— На поле... бегом!

Бурун опустил косу. Три с половиной сотни ребят ринулись в поле. На рядах скошенной ржи замелькали их руки и ноги. С хохотом опрокидываясь друг через друга, как мячики, отскакивая в сторону, они связали скошенный хлеб и погнались за жатками, по трое, по четверо наваливаясь животами на каждую порцию колосьев:

— Чур пятнадцатого отряда!..

Гости хохочут, вытирая слезы, и Халабуда, уже вернувшийся к нам, строго смотрит на Брегель:

— А ты говоришь... Ты посмотри!..

Брегель улыбнулась:

— Ну, что же... я смотрю: работают прекрасно и весело. Но ведь это только работа...

Халабуда произнес какой-то звук, что-то среднее между «б» и «д», но дальше ничего не сказал Брегель, а посмотрел на бритого свирепо и заворчал.

— Поговори с нею...

Возбужденный, счастливый Юрьев жал мне руку и уговаривал Джуринскую:

— Нет, серьезно... вы подумайте!.. Меня это трогает, и я не знаю, почему. Сегодня это, конечно, праздник, конечно, это не рабочий день... Но знаете, это... это мистерия труда. Вы понимаете?

Бритый внимательно смотрит на Юрьева:

— Мистерия труда? Зачем это? По-моему, тут что хорошо: они счастливы, они организованны, и они уме-

ют работать. На первое время, честное слово, довольно. Как вы думаете, товарищ Брегель?

Брегель не успела подумать, потому что перед нами осадил Молодца Синенький и пропищал:

— Бурун прислал... Копны кладем! Собираться всем к копнам. У копен под знаменем мы пели «Интернационал». Потом говорили речи, и удачные и неудачные, но все одинаково искренние, и говорили их люди, чуткие, хорошие люди, граждане страны трудящихся, растроганные и праздником, и пацанами, и близким небом, и стрекотаньем кузнечиков в поле.

Возвратившись с поля, обедали вперемежку, забыв, кто кого старше и кто кого важнее. Даже товарищ Зоя сегодня шутила и смеялась.

Праздник продолжался долго. Еще играли в лапту, и в «довгои лозы», и в «масло». Халабуде завязали глаза, дали в руки жгут и заставили безуспешно ловить юркого пацана с колокольчиком. Еще водили гостей купаться в пруде, еще пацаны представляли феерию на главной площадке. Феерия начиналась хоровой декламацией:

Что у нас будет через пять лет?
Тогда у нас будет городской совет,
Новый цех во дворе,
Новый сад по всей нашей горе,
И мы очень бы хотели,
Чтоб у нас были электрические качели.

А заканчивалась феерия пожеланием:

И колонист будет, как пружина,
А не как резиновая шина.

После фейерверка на берегу пруда пошли провожать гостей на Рыжов. На машинах уехали раньше, и, прощаясь со мной, бритый — «хозяин» — сказал:

— Ну, что ж? Так держать, товарищ Макаренко!

— Есть так держать,— ответил я.

2. НАЧАЛО КОММУНЫ [28]

Промфинплан [29]

...Жизнь коммунаров оказалась вовсе не такой богатой и беззаботной, как думали окружающие. Чекисты отчисляли из своего жалованья известный процент на

содержание коммунаров, но это было неприемлемо и для нас, и для чекистов.

Уже через три месяца коммуна начала испытывать настоящую нужду. Мы задерживали жалованье, затруднялись даже в расходах на питание. Мастерские давали незначительные доходы, потому что по сути были мастерскими учебными. Правда, сапожную мастерскую мы с хлопцами в первые же дни затащили в темный угол и удушили, навалившись на нее с подушками. Чекисты сделали вид, будто они не заметили этого убийства. Но в других мастерских мы никак не могли раскачаться на работу, приносящую доход.

Однажды меня пригласил наш шеф, нахмурился, задумался, положил на стол чек и сказал:

— Все.

Я понял:

— Сколько здесь?

— Десять тысяч. Это последнее. Это вперед взяли за год. Больше не будет, понимаете? Используйте этого... он человек энергичный...

Через несколько дней по коммуне забегал человек отнюдь не педагогического типа — Соломон Борисович Коган. Соломон Борисович уже стар, ему под шестьдесят, у него больное сердце, и одышка, и нервы, и грудная жаба, и ожирение. Но у этого человека внутри сидит демон деятельности, и Соломон Борисович ничего с этим демоном поделать не может. Соломон Борисович не принес с собой ни капиталов, ни материалов, ни изобретательности, но в его рыхлом теле без устали носятся и хлопочут силы, которые ему не удалось истратить при старом режиме: дух предприимчивости, оптимизма и напора, знание людей и маленькая, простительная беспринципность, странным образом уживающаяся с растроганностью чувств и преданностью идее...

Старыми, дешевыми станками заполнил Соломон Борисович свои легкие цехи, очень похожие на складочные помещения, заполнил их самым бросовым материалом, связал все веревками и уговорами, но коммунары с восторгом окунулись в этот рабочий хлам. Делали все: клубную мебель, кроватные углы, масленки, трусики, ковбойки, парты, стулья, ударники для огнетушителей, но делали все в несметном количестве,

потому что в производстве Соломона Борисовича разделение труда доведено до апогея:

— Разве ты будешь столяром? Ты же все равно не будешь столяром, ты же будешь доктором, я знаю. Так делай себе проножку, для чего тебе делать целый стул? Я плачу за две проножки копейку, ты в день заработаешь пятьдесят копеек. Жены у тебя нет, детей нет...

Коммунары хохотали на совете командиров и ругали Соломона Борисовича за «халтуру», но у нас уже был промфинплан, а промфинплан — дело священное.

Зарплата у коммунаров была введена с такой миной, как будто нет никакой педагогики, нет никакого дьявола и его соблазнов. Когда воспитатели предлагали вниманию Соломона Борисовича педагогическую проблему зарплаты, Соломон Борисович говорил:

— Мы же должны воспитывать, я надеюсь, умных людей. Какой же он будет умный человек, если он работает без зарплаты.

— Соломон Борисович, а идеи, по-вашему, ничего не стоят?

— Когда человек получает жалованье, так у него появляется столько идей, что их некуда девать. А когда у него нет денег, так у него одна идея: у кого бы занять? Это же факт.

Соломон Борисович оказался очень полезными дрожжами в нашем трудовом коллективе. Мы знали, что его логика — чужая и смешная логика, но в своем напоре она весело и больно била по многим предрассудкам и в порядке сопротивления вызывала потребность иного производственного стиля.

Полный хозрасчет коммуны Дзержинского пришел просто и почти без усилий и для нас самих уже не казался такой значительной победой. Соломон Борисович недаром говорил:

— Что такое? Сто пятьдесят коммунаров не могут заработать себе на суп? А как же может быть иначе? Разве им нужно шампанское? Или, может, у них жены любят наряжаться?

Наши квартальные промфинпланы коммунары брали один за другим широким общим усилием. Чекисты бывали у нас ежедневно. Они вместе с ребятами въеда-

лись в каждую мелочь, в каждый маленький прорывчик, в халтурные тенденции Соломона Борисовича, в низкое качество продукции, в брак. С каждым днем осложняясь, производственный опыт коммунаров начал критически покусывать Соломона Борисовича, и он возмущался:

— Что это такое за новости! Они уже все знают? Они мне говорят, как делается на ХПЗ,— они что-нибудь понимают в ХПЗ?

Впереди вдруг засветился общепризнанный лозунг: «Нам нужен настоящий завод».

О заводе стали говорить все чаще. По мере того как на нашем текущем счету прибавлялась одна тысяча за другой, общие мечты о заводе разделились на более близкие и более возможные подробности. Но это уже происходило в более позднюю эпоху.

Куда мы идем! [30]

В наших цехах имеются производственные комиссии, часто собираются производственные совещания, есть штаб социалистического соревнования, но все решения этих институтов не могут иметь обязательной силы, если они не утверждены советом командиров. Получается как будто неладно: старшие, более опытные, да еще поддержанные участием взрослых,— вся эта настоящая сила, сосредоточенная в производственных органах, как будто уступает силе двенадцати командиров, народу более молодому и менее опытному в производстве. Но у нас очень дорожат именно таким соотношением сил.

Совет командиров представляет всю коммуну, а не один какой-нибудь цех, и ему часто приходится выступать против цеховщины и даже цехового рвачества. И то обстоятельство, что командиры почти всегда «середняки» по возрасту, очень нравится большинству коммуны, потому что в коммуне восемьдесят процентов именно «середняков». Кроме того, на заседаниях совета командиров могут высказываться все коммунары, хотя в голосовании участвует только по одному человеку от отряда. Обычно бывает, что, если в совете командиров разбирается производственный вопрос, командир при-

сылает в совет наиболее матерого специалиста по цеху, который и ведет свою линию в заседании от имени отряда, а командир в это время тихонько сидит в углу. Вообще говоря, в коммуне выработалась очень сложная и хитрая механика внутренних отношений. Механика и стиль наших отношений инстинктивно усваиваются каждым коммунаром. Благодаря этому нам удается избегать какого бы то ни было раскола коллектива, вражды, недовольства, зависти и сплетен. И вся мудрость этих отношений в глазах коммунаров концентрируется в переменности состава совета командиров, в котором уже побывала половина коммунаров и обязательно побывают остальные.

Производственные совещания и комиссии находятся под общим руководством комсомола. Производство, в котором работает сто пятьдесят ребят, средний возраст которых не превышает пятнадцати лет, представляет очень сложный организм. Мы не можем ограничиться одним каким-нибудь производством, так как в таком случае наверняка не сумеем удовлетворить разнообразных вкусов и наклонностей попадающих к нам ребят. Если мальчику, жившему в семье, нужно идти на фабзавуч, он может выбрать тот, который ему больше по душе или к которому у него есть определенные способности. Наш воспитанник принужден выбирать себе уже в коммуне работу и специальность, может быть, на всю жизнь. Наша обязанность — предоставить ему возможно больший выбор. В то же время мы принуждены держать у себя различные возрастные группы ребят — в основном от тринадцати до семнадцати лет.

В деле организации наших мастерских мы все время были несколько стеснены. С самого начала коммуна имени Дзержинского не числилась на бюджете какого-нибудь учреждения. Она была выстроена и оборудована обществом чекистов, но содержать сто пятьдесят детей, то есть ежемесячно вносить в коммуну шесть-семь тысяч рублей, чекистам было чрезвычайно тяжело да и коммунары бы этого не захотели. Передать же коммуну на бюджет государственный или местный — значило бы для чекистов отказаться от руководящей роли в коммуне и, будем говорить прямо, подвергнуть коммуну всем испытаниям, выпадающим на долю детских домов.

Все это привело к тому, что и в Правлении и в коммуне возникло стремление к самоокупаемости. Нужно признаться, что в первый момент мы не вполне ясно представляли себе, в какие формы это может вылиться, и у нас было много сомнений в педагогической ценности самого института самоокупаемости.

И все же наше производство, у которого не было ни оборотного капитала, ни квалифицированной рабочей силы, было организовано.

Первый год принес нам радости не много. Мы оборудовали несколько клубов, выпустили немало мебели, но не только не пришли к самоокупаемости, но еще получили убытки. Все это произошло исключительно благодаря нашей половинчатости. Мы боялись сразу оттолкнуться от соцвосовских берегов и не решались поставить воспитанника в те же условия, в которых находится рабочий, боялись вызвать и использовать личную заинтересованность коммунара, боялись строго стандартизованной механической работы, вообще прилипли к «сознанию» и к «сознательности» и боялись от них оторваться.

Но неудачи заставили нас отказаться от «педагогических» предрассудков и сжечь корабли.

В начале тридцатого года мы вложили в производство небольшой капитал и поставили несколько новых станков для стандартной работы.

Производство медной арматуры, в особенности кроватных углов, было механизировано до конца, было введено полное разделение труда, и коммунарам стала выплачиваться сдельная плата по тем же расценкам, как и взрослым рабочим. То же самое было сделано и в столярной мастерской. В первый же месяц мы увидели результаты, которых и сами не ожидали: в апреле мастерские дали тысячу рублей прибыли. В последующие месяцы прибыль эта стала расти в замечательной прогрессии: в мае — пять тысяч, в июне — одиннадцать тысяч, в июле — девятнадцать тысяч, в августе — двадцать две тысячи.

Если принять в расчет, что содержание коммунаров стоит в месяц только шесть тысяч, то очевидной сделается головокружительность наших успехов. При этом нужно учесть еще одно чрезвычайно важное обстоятельство. Каждый коммунар вносит из своего месячно-

го заработка на пополнение расходов по содержанию коммуны восемьдесят процентов (но не более тридцати пяти рублей). Всего внесено коммунарами в мае полторы тысячи, в июне — две тысячи четыреста и в июле — четыре тысячи. Таким образом, из прибылей производства приходилось брать лишь самую небольшую сумму, и мы имели даже возможность вкладывать большие суммы в расширение нашего производства, в постройку новых мастерских, мы смогли на эти деньги покупать новые машины.

Одним броском мы достигли полной самоокупаемости. И когда в карманах у коммунаров зазвенели деньги, появились новые потребности. Нашему педагогическому совету стоило много напряжения все эти потребности заранее учесть, заранее принять меры к тому, чтобы отдельные новые явления в коллективе не стали бы в противоречие с интересами всего коллектива и интересами нашего воспитания.

Все обошлось благополучно.

Больше того. Как раз личная материальная заинтересованность сделала совершенно очевидной необходимость общих усилий для улучшения производства. Старая дисциплина и прекрасные отношения в коллективе пришлись как раз кстати и для нового дела, для организации работы в таком направлении, чтобы коммунар мог действительно работать, зарабатывать и был в этом заинтересован.

Уже на третьем месяце этот заработок как сумма полученных коммунаром рублей перестал быть новостью для них, и выросли новые формы коллективных устремлений: соцсоревнование и ударничество.

Вся система нашей коммуны и производства — производственные комиссии в каждом цехе, общекоммунарский штаб соцсоревнования, совет командиров, сами командиры — все это сумело органически слиться в работе. Все фетиши соцвоса, после того как мы их отбросили, никакими призраками не тревожили нас. Мы о них забыли на другой же день.

Мы сделались настоящим заводом. Но мы и больше завода, ибо мы теперь действительно коммуна: из заработка коммунаров мы организуем потребление и быт в тех совершенных формах, которые мы уже выработали раньше.

Таким образом, наш решительный разрыв с псевдоучеными и потребительскими уклонами детских домов действительно оздоровил и нашу производственную работу и наше воспитание.

Мы довольны всем этим. Но методисты из соцвоса именно теперь считают нас «мытарями», променявшими высокие идеи «новейшей педагогики» на презренные чертежные столы для советских вузов и кроватные углы.

С другой стороны, слышны разговоры о том, что наши мастерские не дадут квалифицированных рабочих. Но это — буза, как говорят наши коммунары. Разумеется, наши выученики, не сумеют сделать вручную дубового великолепного резного буфета, хитроумных часов с кукушкой или с танцующими фигурками. Но это ведь никому и не нужно сейчас. Нам сейчас нужны станковые, сборщики, литейщики, формовщики, никелировщики. Как раз их и готовит коммуна. При этом наши ребята получают образование и коллективное воспитание. Это есть то, что называется новыми кадрами.

Дальше. За три года пребывания в коммуне коммунар становится квалифицированным рабочим в нескольких областях труда. Вот сейчас Ленька Алексюк работает на шишках. Что и говорить, квалификация небольшая. В следующем году он перейдет на машинную формовку, а потом и на ручную. На третьем году он прекрасно изучит никелировочное дело — и пойдет в жизнь нужным советским трудовым человеком.

«Педагоги» нас критикуют. Но к нам приезжают рабочие с канатного завода и просят:

— Дайте нам ваших токарей. Нам вот такие токари нужны до зарезу!

Этой оценки нам достаточно для хорошего самочувствия.

Не мастерские, а цехи [31]

Игорь тоже направился на «производственный двор», как говорили в колонии. Санчо уже рассказывал ему, что в колонии есть несколько мастерских. Недавно приехал новый заведующий производством, так уже не будут мастерские, а будут цехи: механический, литейный, машинный, сборочный и швейный. Игорь никогда

не видел никакого производства и не интересовался этим делом, поэтому он ничего не понял во всех этих названиях, догадывался только, что в швейном цехе что-то шьют. Но теперь выходило так, что и ему придется работать в каком-нибудь цехе. Он решил посмотреть, что это за «производственный двор».

Через парк, идя по тому же направлению, куда побежал Руслан, Игорь, действительно, вышел на новый двор, видно, недавно расчищенный из-под леса: кое-где стояли еще пни, а в других местах, в огромных ямах, валялись выкорчеванные могучие корневища. Двор был громадный и весь забросан, трудно было разобрать чем. Здесь было много бревен, досок, балок — все это в беспорядке, вперекос, перемешано с углем, железом разного сорта, с опилками, стружками, пустыми бочками из-под извести. Вокруг двора стояло несколько приземистых деревянных строений, похожих на сараи, но через крыши их выходили трубы, а из труб валил дым самых разнообразных оттенков и густоты, следовательно, это были не сараи. В одном из строений, более солидном, что-то делали с деревом, и дереву было, видимо, неприятно: оттуда неслись стоны и вопли самых разнообразных оттенков: тихие, гулкие, низкие звуки — звуки привычного и безнадежного протеста; звуки нервные, визгливые, раздражительные; наконец, время от времени вырывался настоящий вопль, отчаянный, душераздирающий, невыносимый. Возле этого здания стояло несколько длинных подвод, рабочие сбрасывали с них доски.

Выйдя из парка, Игорь остановился, выбирая, как легче пройти, и рядом с собой увидел группу людей: Алексей Степанович [1] без шапки, в сапогах и в военной рубашке хаки, Витя, Клава Каширина и еще двое. Один из них полный, с брюшком, с круглой головой, выбритой начисто, а может быть, просто лысый. Игорь догадался: это и был знаменитый заведующий производством — Соломон Давидович Блюм. Он торжественно показывал рукой на широкое, приземистое, барачного типа здание, выстроенное недавно, и тем не менее производящее отталкивающее впечатление. Трудно было установить, из чего оно сделано: из обрезков, щепок,

[1] Алексей Степанович Захаров — Антон Семенович Макаренко.

старой фанеры, глины? Покрыто оно тоже весьма странной смесью из самых различных материалов: железа, фанеры, толя, а в одном месте красовалось даже несколько рядов черепицы. Это было очень длинное здание, и именно поэтому бросалась в глаза его несуразность: здание довольно круто спускалось в сторону пруда, и его наклонная, скошенная конструкция дико противоречила всякому привычному представлению о строении.

Как будто пораженный этим внезапным величием, Захаров стоял на опушке парка, шевелил руками в карманах галифе и смеялся:

— Да-а! Я приблизительно предчувствовал нечто подобное, но... все-таки...

Витя хохотал, наклоняясь к земле:

— Вот молодец, Соломон Давидович! За неделю построил!..

Через скрипящие воротца, кое-как сбитые из обрезков, они вошли в здание сборного цеха. В цехе еще ничего не было, бросался в глаза деревянный пол, отдаленно напоминающий паркет: он был составлен из многочисленных концов досок разной длины и ширины и даже разной толщины. Витя первый выразил свое восхищение внутренним устройством здания, но очень сдержанно:

— Если деталь какая упадет, так ее и не поймаешь, так покатится!

Все рассмеялись, кроме Блюма:

— А почему она будет катиться? Это теперь здесь, конечно, ничего нет. А когда будут люди, верстаки и доски, так куда она будет катиться? Вы слышите, Волончук? Куда она будет катиться?

Волончук серьезно оглядел все и ответил:

— Так чтобы катиться, не должна. Зацепится.

Виктор серьезно подтвердил: — Беру свои слова обратно: если зацепится, тогда другое дело.

И теперь Блюм разгневался окончательно: короткими руками он несколько раз хлопнул себя по бедрам, на отекшем лице появилось выражение боевой готовности...

— Вам нужно делать мебель или вам нужен какой-нибудь биллиард? Чтобы ничто никуда не катилось, пока его не ударишь палкой? Что это за такие разговоры? Мы делаем серьезное дело или мы игрушками играем-

ся? Вам нужны каменные цехи? А деньги у вас есть? А что у вас есть? Может, у вас кирпич есть? Или железо? Или фонды? Ваши сборщики работают под небесами, а я вам построил крышу, так вам еще не нравится, вам подавай архитектурный фасад и какие-нибудь такие пропилеи. Вы сюда пришли, приемочная комиссия, и фыркаете губами, и говорите: стадион! А что вы мне дали? Смету, проект, чертежи, деньги? Вы дали хоть одного инженера? Что вы мне дали, товарищ секретарь совета бригадиров, Виктор Торский?

Секретарь совета бригадиров Витя Торский ничего не ответил. Алексей Степанович дружески взял Блюма за локоть:

— Не сердитесь, Соломон Давидович, мы на лучшее и не рассчитывали. Увидите, в будущем году мы построим настоящий завод, а это здание с благодарностью спалим: подложим соломки и...

— Мне очень нравится: они спалят! Здесь будет замечательный склад!

— Ну, хорошо.

— Пожалуйста! Теперь есть где работать. А что бы вы делали, если бы не было этого самого стадиона имени Блюма, товарищ Торский?

— А я всегда говорил: нужно строить не спальни, а завод.

— Так видите, вы только говорили, а я построил.

— Я говорил: строить завод, а вы построили стадион.

— Товарищ Торский! Живая собака в тысячу раз лучше английского льва!

Алексей Степанович, смеясь, любовно прижал локоть Соломона Давидовича и направился к выходу.

Страсть к идее [32]

...Каждый день прибывают станки. Их привозит Петро Воробьев на своем грузовике, они запакованы в аккуратные ящики. Соломон Давидович, пребывающий обычно в каком-нибудь дальнем производственном захолустье, одним из последних узнает о прибытии грузовика. Поэтому он, испуганный, выбегает из-за угла здания и на бегу в ужасе воздевает руки и кричит:

— Что вы делаете? Что вы делаете?!

Он врывается в толпу вокруг полуторки, и некогда, ему поднять руку к старому сердцу, некогда перевести дыхание:

— Немедленно слезьте с грузовика! Это вам не какая-нибудь коза, это вам «Вандерер»!

Четвертая бригада всегда прибегает к станкам первая и всегда отвечает Соломону Давидовичу:

— Мы разгрузим, Соломон Давидович, мы разгрузим!

Соломон Давидович выпячивает гордо нижнюю губу:

— Как вы можете такое говорить? Кто это вам позволит разгружать импортное оборудование? А где это старшие подевались?

Но уже и старшее поколение спешит к полуторке: Нестеренко, Колос, Поршнев, Садовничий. И Соломон Давидович обращается к ним почти как к равным:

— Будьте добры, товарищ Нестеренко, вы же понимаете: это универсально-фрезерный «Вандерер», удалите отсюда этих мальчиков.

Нестеренко делает движение бровями, пацаны слетают с грузовика и терпеливо наблюдают, пока на руках старших огромный ящик с «Вандерером» мягко сползает с платформы. Широкая дверь склада с визгом раскрывается, в руках у старших появляются ломы и катки, теперь для всех найдется дело. Когда пацаны бросаются к лому, Нестеренко досадливо морщится, но потом его досада принимает приемлемые формы:

— Да шо вы там сделаете вашими руками! Животами, животами! Наваливайся животами.

И четвертая бригада в полном составе дрыгает ногами, морщит лбы и носы. Сорокапудовый ящик приподымается ровно настолько, чтобы подложить каток. Нестеренко смеется:

— Сколько на килограмм идет этого пацанья? Наверное, десяток!

Когда ящик с «Вандерером» скрывается в полутемном складе и кладовщик вкусно гремит засовами и замком, четвертая бригада спешит к новым делам и по дороге спорит:

— Это фрезерный!

— Понимаешь ты, фрезерный! Не фрезерный, а универсально-фрезерный!

— Это по-ученому универсально, а так просто фрезерный!

— Ох! Сказал! Просто! Есть вертикально-фрезерный, а есть горизонтально-фрезерный, а это универсально!

— Вот смотрите! Какой фрезеровщик! Вертикально! А ты и не понимаешь, как это вертикально!

— Вертикально! А что, нет?

— А как это вертикально? Ну, скажи!

— Вертикально — это значит вот так, видишь?

Грязноватый палец торчит перед носами слушателей, потом он торчит в горизонтальном положении.

— А универсально?

— А универсально это... как-то еще...

— Вот так?

— И не так вовсе...

— А может, так?

— Чего ты, Колька, задаешься? Так, так... Я тебе говорю «универсально», а ты пальцем крутишь. Не веришь, так спроси у Соломона Давидовича.

Однако и Соломону Давидовичу некогда и четвертой бригаде некогда. Не успели поспорить о «Вандерере», как пришли еще более знаменитые станки: «Цинциннати», «Марат», «Рейнекер», «Людвиг Леве» и маленькие, совсем маленькие токарные, которые Соломон Давидович называл «Лерхе и Шмидт», а четвертая бригада считала, что благозвучнее будет называть «Легкий Шмидт». Каждый станок приносил с собой не только странные имена, но и множество новых спорных положений. Вокруг шлифовальных спор разгорелся на целую неделю, и Зырянский однажды вечером закатил выговор всей бригаде:

— Чего вы спорите? С утра кричите, говорить из-за вас нет никакой возможности!

— А чего он говорит: шлифовальный, чтоб блестело! Разве для этого шлифовальный? Это для того, чтобы точность была, а блестит совсем не от этого.

Прибывали и инженеры. Разобраться в них было труднее, чем в станках. Один Воргунов был ясен. Сразу видно, что он — главный инженер. Он тяжелой, немного угрюмой, немного злой поступью проходит мимо пацанов, и кто его знает, нужно с ним здороваться или не

нужно? Ни на кого он не смотрит, никому не улыбается, а если и удается послушать его беседу с кем-нибудь, так она всегда с громом и молнией. Недавно он посреди двора поймал молодого пижонистого инженера Григорьева и кричал:

— К чертовой матери, понимаете? Вы сказали через три дня будут чертежи? Где чертежи?

Григорьев прижимал руки к груди и пискливым голосом оправдывался:

— Петр Петрович, не пришли еще гильдемейстеры! Не пришли, чем я виноват!

А Воргунов наклоняет тяжелую голову, дышит злобно и хрипит:

— Это невыносимо! На Кемзе восемнадцать гильдемейстеров! Сейчас же поезжайте и снимите габариты. Чтобы фундаменты были готовы через неделю!

— Петр Петрович!

— Через неделю, слышите?

Последние слова Воргунов произносил таким сердитым рыком, что не только Григорьев пугался, но и пацанам становилось страшно. Они смотрели на Воргунова сложным взглядом, составленным из опасения и неприязни, а он оглядывался на них как на досадные мелочи, попадающиеся под ноги. Витя Торский рассказывал, что в кабинете Захарова по вечерам часто происходили стычки между Воргуновым и другими. В этих стычках участвовал Соломон Давидович, для которого нашествие инженеров казалось затеей слишком дорогой, и он не всегда мог удержаться от укорительных вздохов.

— Каждую копеечку, каждую копеечку с каким потом, с каким трудом зарабатывали. А теперь приехали на готовое и пожалуйста: пуф-ф-ф! пуф-ф-ф! — конструкторское бюро, кондуктора, измерительные приборы, лаборатория, инженеры! Сколько инженеров! Ужас!

Воргунов выслушивал эти слова с миной ленивого презрения и отвечал вполголоса:

— Обыкновенная провинциальная философия! Копить деньги по копеечке, это мы мастера. И, наверное, вы их в чулок прятали, Соломон Давидович?

— Вы получаете наши деньги из Государственного банка, так почему вы говорите про чулок?

— Отстаньте, прошу вас, с вашими деньгами. Я строю завод не для вас, а для государства.

— Государство само собой, а колонисты само собой. Вы строите завод для колонистов, к вашему сведению. И если вам не угодно их замечать...

— Эх, да ну вас, тут с фундаментами несчастье! Да! Иван Семенович! Где вы этого идиота нашли, черный такой? Вы ему поручили наметить сталь?

Молодой инженер Иван Семенович Комаров поднял к Воргунову встревоженное лицо:

— Да, наметить серой и желтой краской!

— Ну, так он ее выкрасил с одного конца до другого!

Комаров побледнел, вскрикнул что-то и выбежал из кабинета. Воргунов усталыми глазами зарылся в широкой записной книжке, вдруг нахмурился, что-то прошептал свирепо и вышел вслед за Комаровым.

— Какой сердитый дед! — сказал Торский.

Захаров ответил, не прекращая своей работы:

— Он не сердитый, Витя, он страстный!

— К чему у него страсть?

— У него страсть... к идее!

3. ТРУД — КОЛЛЕКТИВ — ЛИЧНОСТЬ[33]

В машинном цехе[34]

После завтрака, в половине восьмого, проиграли «на работу». Нечетные отряды идут в мастерские, четные — в школу.

В здании коммуны собираются воспитатели-учителя, к мастерским подходят рабочие и инструкторы. Через три минуты никого уже не видно в коридорах и во дворе. Только ДК в красной повязке что-то рассчитывает у дневного расписания, повешенного в коридоре внизу.

Шум затихает лишь на несколько минут. Скоро начинается новая симфония. Раньше всех закричит шипорез в машинном цехе деревообделочной мастерской. Он наполняет коммуну гулким ветровым шумом, перемежающимся с отчаянным визгом пожираемого машиной дерева. Каждый дубовый брусок начинает с громкого вскрика, потом вдруг орет благим матом и, наконец испустив истошный последний вскрик, в стоне замирает. А вот на циркулярке дереву, видно, даже умирать при-

ятно. Циркулярка в течение целого дня звенит веселым, торжествующим звоном, аккомпанируя острому дурашливому крику дерева. Фуговальный гудит кругло и постариковски ворчливо.

В машинном цехе утром работают восемь коммунаров из третьего отряда. Между ними ходит, поправляет и проверяет их высокий и худой инструктор Полищук, начавший с беспризорности, а кончивший приобретением большой квалификации и вступлением в партию. У него с коммунарами отношения приятельские.

Сейчас коммуна делает большое дело: оборудует мебелью новый Электротехнический институт в Харькове. Институт открывается осенью этого года. Много коммунаров собирается поступить на рабфак института.

Мы делаем сотни дубовых столов, стульев, табуреток, чертежных столов и пр.— всего на пятьдесят тысяч рублей. Все это нужно закончить к 15 августа, и поэтому в деревообделочной мастерской «запарка».

Машинный цех буквально завален деревом, обрезками, деталями и полуфабрикатом, назначенным для сдачи в сборный цех. Целыми штабелями лежат под стенами и у машин ножки, царги, проножки, планки и прочая столярная благодать. Коммунары покрыты дубовой пылью, у них страшные и смешные запыленные очки.

Самый маленький здесь Топчий, приемыш коммуны. Как-то осенью, в темную и мокрую ночь, его папаша, селянин с Шишковки, в состоянии непозволительно веселом напоролся на часового у пороховых погребов. На первый окрик отмахнулся пьяной рукой, на второй — выразился пренебрежительно, и снял его часовой.

Черноволосый и круглоголовый Топчий — малый способный, напористый и рассудительный. Он с первых же дней, невзирая на свой рост и возраст, потребовал от совета командиров, чтобы ему дали настоящее дело. Командиры его осадили высокомерно:

— Молодой еще! Посмотрим, что из тебя выйдет.

Но уже через два месяца сказали командиры:

— Э, Топчий парень грубóй [1].

Очень скоро назначили Топчия в третий отряд и дали ему долбежный станок. Теперь он, почти не отрываясь, разделывает на этом станке шиповые пазы и отверстия для скреплений.

[1] *Грубóй* — хороший.

Самая тонкая работа в машинном цехе выпала на долю Шведа. Он — на ленточной. Швед — большой политик и оратор. Как только он прибыл в коммуну из коллектора, тотчас же обратился в совет командиров с письменным заявлением. Он писал, что хочет работать в коммунарском активе и просит дать ему такую именно работу. Это заявление возмутило и взволновало коммунаров:

— Как это, в активе? Что это, совет командиров будет актив назначать? Посмотрим, как он в мастерских поработает...

...Швед умен, начитан, очень развит. Он, пожалуй, даже не в меру серьезен, только в его серьезности нет ничего напряженного и сухого. В его огромных черных глазах какая-то старая, недетская печаль. Он мягок и вдумчив. Коммунарский стиль чистоты и подтянутости он усвоил очень быстро...

...Уже через месяц совет командиров согласился на просьбу Васьки Агеева назначить Шведа помощником командира третьего отряда. Почти в то же время Швед прошел в редколлегию стенгазеты и скоро стал ее председателем. Наконец его выбрали кандидатом в ДК, и он теперь часто носит красную повязку, выполняя ответственнейшую и труднейшую работу в коммуне. В третьем отряде, одном из лучших отрядов коммунаров, Швед сделался общим любимцем. Товарищи гордятся его развитием, его уменьем говорить, всегда выдвигают его в разные делегации. Он теперь чувствует себя в коллективе свободно и уверенно.

1 июля третий отряд после долгой борьбы занял первое место, главным образом благодаря работе Шведа, на которого «старик» Агеев Васька (который, между прочим, по возрасту моложе Шведа) возложил почти все функции командования. Агеев не скрывал этого, и при торжественной передаче знамени отряду-победителю знамя принимал не сам Агеев, а Швед. Он в этот вечер был подчеркнуто ладно одет, такими же подтянутыми явились и его ассистенты. Их лица выражали сдержанное торжество и готовность серьезно бороться за свое первенство. Швед и сейчас работает в машинном цехе столярной мастерской. Это для него оказалось во всех отношениях полезным. Даже на способе выражаться отразилось очень положительно. Швед оставил преж-

нюю манеру низать одна на другую книжные фразы и щеголять утомительными, бесконечными периодами: его язык приобрел живость и простоту.

В машинном цехе Швед нашел и товарищей и самого себя. Он деятельно готовится в вуз и прекрасно понимает, что его производственная работа занимает выдающееся место в этой подготовке.

Сборный [35]

В сборном цехе не так шумно, как в машинном.

Здесь с трудом пробираешься между верстаками. Кругом навалены табуретки, стулья, части столов, козелки и разные детали. И немудрено: один маленький Брацихин вырабатывает за свои четыре часа двести рамок для сидений.

Здесь собрался народ квалифицированный. Почти все ребята уже второй-третий год работают в столярной. За это время коммунары выпустили много продукции: оборудовали Харьковскую городскую станцию Южных дорог дорогими тысячерублевыми кассами-кабинками, представляющими собой целые квартиры для станционных кассиров, с барьерами, ящиками, полочками, окнами и стеклами; в новом прекрасном клубе союза строителей обставили дубовой мебелью зрительный зал, лекционный зал, вешалки, кабинеты; громадный новый Дворец культуры, выстроенный союзом химиков в Константиновке, полгода снабжали мебелью: в этом Дворце две тысячи мест только в одном театральном зале; студентам-харьковцам отправили в общежитие сотни тумбочек, табуреток и стульев. Работали и для Института патологии и гигиены труда, и для поликлиник, и для Харторга.

И, разумеется, в первую очередь отделали новые клубы для своих шефов: клуб ГПУ УССР имени Ильича и клуб Фельдъегерского корпуса.

В первое время, пока не умели коммунары работать, было много наемных рабочих. Добраться в коммуну трудно, и квартир в коммуне всегда не хватало; попадались нам рабочие плохие — летуны, рвачи и лодыри, которые никак не могли удержаться на производстве. Но уже в прошлом году коммунары потеряли терпение

и потребовали от заведующего производством уменьшить постоянный приток чуждых коммуне людей. Скоро начался спор о введении разделения труда, о работах по бригадам. Наши рабочие, главным образом кустари, привыкли кое-как, не спеша, копаться у своего станка. В результате и работа тянулась мучительно долго, и заработок у них был плохой. Тогда они начинали «бузить» — расценки, мол, никуда не годятся. А когда им предложили ввести разделение труда, то помешали взаимное недоверие и подозрительность. Сколько ни крыли их коммунары на общих собраниях и на производственных совещаниях — ничто не помогало. Наконец коммунары приняли отчаянное решение. Сократили всех рабочих, за исключением тех, кто сжился с коммунарами, кто готов был идти по пути рационализации. Как раз в это время нужно было сдать заказ союзу строителей в Москве. Чтобы выполнить заказ к сроку, общее собрание ввело двойной рабочий день — по семь часов, перебросило в столярный цех всех более или менее свободных слесарей и всех пацанов. Им дали работу по полировке мебели. Вместе с ними работали и все воспитатели.

Только благодаря этой ударной работе заказ выполнили к сроку, и пятого июня мы сидели уже в вагонах московского поезда, получив накануне от строителей четыре тысячи рублей.

В настоящее время в сборном цехе очень мало взрослых рабочих, да и те — рабочие самой низкой квалификации. Они выполняют самую простую работу: ножки чистят. Основная работа в цехе ведется исключительно старыми коммунарскими кадрами третьего и четвертого разрядов. Большею частью — это ребята пятнадцати-шестнадцати лет, есть и четырнадцатилетние.

У двух верстаков расположилась полубригада из трех коммунаров: Зорин, Водолазский и Ширявский.

Зорин совсем малыш, и ему поручили проверять шипы при помощи специального сусла. Он очень ловко перебрасывает в своем сусле и проверяет лучковой пилой до ста шипов в день; детали с проверенными шипами он передает Водолазскому, который покрывает шипы шоколадной жижицей клея и деревянным молотком сбивает рамку будущего стула.

Водолазский — высокий белокурый юноша. Ему шестнадцать лет, но выглядит он гораздо старше. Водолазский давно отбыл и командирский срок и побывал заместителем заведующего. Работает он с точностью машины. Он, почти не глядя, отбрасывает случайный брак, сквозь зубы поругивая машинный цех. В сборном цехе часто придираются к машинистам и станковым, обвиняя их в халатности.

— Смотрите, опять шипы зарезали с параллельным уклоном. Вечно у них там... замечтается кто-нибудь и портит!

Ширявский с улыбкой в умных глазах принимает от Водолазского рамку и завинчивает ее в пресс, стоящий перед ним на козлах. Пресс сжимает рамку со всех сторон. Ширявский еще постучит по ней молотком, и через четверть минуты она уже лежит в штабеле таких же рамок.

У этой полубригады дело идет весело.

Рядом с ней работает Никитин — самый авторитетный человек в коммуне, носитель и продолжатель старых традиций горьковской колонии. Никитин сейчас — «контроль коммуны». Его участие во всех проверочных и следственных комиссиях обязательно. На нем же лежит неприятная обязанность приводить в исполнение все постановления общего собрания, касающиеся отдельных коммунаров: ограничение в отпуске, лишение кино, иногда наряд на дополнительную работу. Никитин поэтому всегда носится с блокнотом.

Сейчас Никитин очень недоволен: что-то заело в машинном цехе, и для сборщика не хватает настоящей работы. Никитину дали чистить планки для спинок — это такая «буза», которую может делать простой чернорабочий, а не шестиразрядник — ветеран коммуны Никитин.

Сегодня вечером попадет от него на производственном совещании и Полищуку, и главному столярному мастеру Попову, и коммунарам-машинистам, и в особенности Соломону Борисовичу.

Первое: почему до сих пор не поставлена вторая циркулярка?

Второе: почему до сих пор не налажена маятниковая пила?

Третье: почему не исправлен штурвал у фрезера?

Четвертое: почему задерживается точка ленточных пил?

Главные удары на производственных совещаниях всегда приходятся по машинному цеху. Это не потому, что там плохо работают, а потому, что силы сборщиков у нас превышают возможности машинного цеха. Вот почему и возникла необходимость ставить дополнительные станки и усиливать пропускную способность имеющихся.

На дворе устроился Сопин с двумя товарищами. Сопин вообще не выносит комнатного воздуха, раньше всех он выбирается спать в сад. Он убедил Попова перенести туда же верстаки.

У Сопина всегда занятно и весело. Даже распиливая косой шип, он ухитряется о чем нибудь болтать и над чем-нибудь посмеиваться.

— А чего это у токарей сегодня такие кислые рожи? Ты не знаешь, Старченко?

Старченко, прилизанный, аккуратный юноша, оглядывается на маленького Сопина и продолжает размеренно постукивать молотком по стамеске.

— А ты знаешь?

— Конечно, знаю! Они насобачились на углах, а сегодня им масленки поднесли точить. Кравченко разогнался штук на шестьдесят в день, а у него не выходит.

Сопин знает все, что делается в коммуне. Это ему удается благодаря какой-то удивительной способности проникать всюду, отнюдь не пользуясь никакими шпионскими способами, а исключительно благодаря своей замечательной общительности и живости. На всякое событие в коммуне он должен отозваться.

Сопин прославился в коммуне зимой этого года, когда в пику вялой редколлегии «Дзержинца», еле-еле выпускающей два номера в месяц, он с небольшой компанией добровольцев вдруг бахнул по коммуне ежедневной «Шарошкой». «Шарошка» сначала вышла на небольшом картонном листе, но с каждым днем увеличивала и увеличивала размеры и, наконец, стала протягиваться длинной узкой полосой по всей стене коридора. Она была до отказа набита статьями, заметками, вырезками из газет, ехидными вопросами и смешными издевательскими телеграммами.

Коммуна зашевелилась, как разворошенный муравейник. Продернутые в «Шарошке» коммунары решительно запротестовали против самовольно организованного общественного мнения и требовали, чтобы «Шарошка» сняла подзаголовок: «Орган коммунаров-дзержинцев». Старая редколлегия «Дзержинца» указывала на отдельные промахи газеты и называла ее «Брехушкой». Но Сопин с компанией не отступали и с каждым днем увеличивали свою газету.

На общем собрании редколлегия «Дзержинца» обиженно заявила, что она прекращает издание «Дзержинца», так как у нее нет материала: все перехватывает Сопин. Бюро комсомола еле помирило две редакции. Полномочия Сопина были подтверждены общим собранием, и только в одном ему пришлось уступить: отказаться от названия «Шарошка».

С тех пор «Дзержинец» выходит в формате «Шарошки», и хотя редколлегия отказалась от ежедневного выхода, но раз в пятидневку газета сменяется.

До половины двенадцатого кипит работа в мастерских, шумят станки, визжит пила и стонет дерево. Заказ нового Электротехнического института с каждым часом подвигается вперед.

Коммунары очень ценят этот заказ не только потому, что он приносит заработок и прибыль, а еще и потому, что мы связались с институтом. К нам часто приезжают в коммуну организаторы института, и многие коммунары уже считают себя будущими студентами. Осенью этого года тридцать три коммунара готовятся к поступлению на рабфак института.

Хозяева [36]

Нигде не собрано так много настоящих коммунаров, прошедших всю нашу школу, бодрых, веселых, трудолюбивых и удачливых, как в слесарно-токарном цехе. Подавляющее большинство здесь — комсомольцы. Здесь у каждого станка живет молодая, уверенная в себе рабочая мысль.

И в столярной мастерской, и в других мастерских и цехах есть и дисциплина, и подъем, и умение работать, и бодрость. Но только наши металлисты сумели в своих

цехах сделаться самостоятельными хозяевами производства, задающими тон даже квалифицированным рабочим.

В токарно-слесарном цехе работает мастер Левченко, его помощник и несколько квалифицированных рабочих: токарей и слесарей. Все это неплохие рабочие и хорошие люди. Коммунары в этот цех пришли недавно, так как всего полгода тому назад поставили у нас токарные станки.

Но во всем, на каждом шагу, в каждом кубическом сантиметре воздуха чувствуется здесь, что крепкий, непоколебимо уверенный в себе коллектив мальчиков стал во главе цеха — без всяких постановлений, без протоколов и почти без речей, исключительно благодаря своей сознательности и спайке.

В смену работают здесь четырнадцать коммунаров. У токарных станков стоят мальчики и обтачивают медные углы для кроватей или медные масленки для каких-то станков. Перед каждым на станине лежит несколько станов еще не обточенных углов и несколько станов уже готовых.

Работа спорится не у всех одинаково. У Волчка и у Фомичева, у Воленко, у Кравченко, у Грунского горки готовых медных частей больше, чем у других, менее квалифицированных. Невелика горка у маленького Панова, который у своего станка стоит на подставке.

На станинах взрослых рабочих — частей гораздо больше, и станки здесь вращаются быстрее. Взрослых рабочих человек семь.

Вот один из них отошел от своего станка, и, не отрываясь от работы, все коммунары повернули головы к нему. Может быть, там ничего особенного и не случилось, может быть, и коммунары ничего особенного не подумали, но их совершенно инстинктивное внимание ко всему, что происходит в мастерской, заставляет всю мастерскую чутко реагировать на малейшее нарушение привычного ритма общей работы.

Где-то заест пас, где-то начнет болтаться конец трансмиссии, у кого-нибудь не хватит резцов, и тот поспешит за ними в кузницу, где-нибудь завяжется спор между механиком и рабочим — никто не остановит работы, никто из коммунаров не скажет ни слова, но это вовсе не значит, что случай «проехал». Ничего не проехало. Если всего этого не заметил командир и сегодня

на общем собрании коммунаров будет благополучно в рапорте, то завтра на производственном совещании, или просто в кабинете завкоммуной, или даже в коридоре кто-нибудь обязательно постарается выяснить, в чем дело. И если один начнет говорить об этом, его немедленно поддержат тринадцать, а то еще придет помощь и из другой смены.

Недавно на производственном совещании один из рабочих обвинял механика в каких-то неправильных распоряжениях и между прочим сказал:

— Я, конечно, ему не подчинился. Я работаю токарем двадцать восемь лет, а он мне говорит: «Останови станки, я запрещаю вам работать». Как он мне может запрещать, если мне разрешил работать сам заведующий производством! И он все-таки чуть не стал на меня кричать, чтобы я вышел из мастерской.

Все сочувственно кивали головами, все соглашались с оратором.

Но встал коммунар и сказал:

— А мы вот этого не понимаем. Вам приказал механик остановить станки, а вы ему не подчинились, да еще и хвалитесь здесь, говорите, что вы двадцать восемь лет работали. Где вы работали двадцать восемь лет? А мы считаем, что такого рабочего, как вы, нужно немедленно уволить.

Соломон Борисович, заведующий производством, человек старый, но юркий, замахал на коммунара руками и испуганно замигал глазами. Как это можно уволить такого квалифицированного рабочего? Соломон Борисович даже расстроился.

— Как это вы говорите — уволить? Это старый рабочий, а вы еще молодой человек.

Коммунары загудели кругом. Дело происходило в саду, на площадке оркестра.

— Так что ж, что молодые?

Кто-то поднялся:

— Молодые мы или нет, а если с Островским еще такое повторится, так его нужно уволить, пусть он хоть тридцать восемь лет работал.— Слово берет Редько и медлительно, немного заикаясь, начинает говорить:

— В цехе три начальника, а четвертый — сам Соломон Борисович. Распоряжения отдаются часто через голову механика, квалифицированные рабочие «гонят»,

портят материал и покрывают брак, трансмиссии установлены наскоро, в цехе много суетни и мало толку...

Собрание не принимает никакого постановления и расходится.

Обиженный Островский уходит в одну сторону, обиженный механик — в другую, обиженный Соломон Борисович — в третью.

Коммунары не обижаются: они знают свою силу и уверены, что будет так, как они захотят.

Через день совет командиров назначает своего браковщика, тот начинает отшвыривать неправильно обточенные, грубо обработанные детали, и уже никому не приходит в голову протестовать против его браковки.

В том же совете командиров недвусмысленно требуют от Соломона Борисовича, чтобы в ближайшие дни был поставлен на фундамент шлифовальный станок. Соломон Борисович обещает поставить его в течение трех дней. Вася, секретарь совета, записывает в протокол это обещание и говорит с улыбкой:

— Записано: через три дня.

Копейки и мальчики [37]

В никелировочном цехе работают два отряда: одиннадцатый — до обеда и двенадцатый — после обеда. В каждом по десять человек. Командирами здесь старые коммунары — Крымский и Жмудский, но большинство членов этих отрядов — новички. Однако эти новички уже справляются со своим положением хозяев на производстве. Недавно они даже одержали крупную победу над Соломоном Борисовичем.

Никелировочная мастерская разделяется на два отделения: в одном стоят шлифовальные, полировочные станки и так называемые щетки. На всех этих приспособлениях медные части, вышедшие из токарного цеха, приготовляются к никелировке: шлифуются и полируются. В другом отделении они опускаются в никелировочные ванны, но и перед ваннами проходят очень сложную процедуру промывок и очисток и бензином, и известью, и еще каким-то составом. Одним словом, в никелировочном цехе очень много отдельных процессов, и

общий успех работы зависит от слаженности и согласованности.

Почему-то Соломон Борисович держал здесь двух мастеров: один заведовал шлифовальным отделением, второй — собственно никелировочным. Мастера эти отчаянно конкурировали друг с другом, подставляли один другому ножку, сплетничали и втягивали в эту глупую борьбу и рабочих, которых там человека четыре, и ребят.

Вообще никелировочный цех у нас один из самых неудачных: всегда в этом цехе что-нибудь ломается, останавливается. И Соломон Борисович, и мастер, и члены производственного совещания, и остальные коммунары на каждое заседание совета командиров приходят с взаимными претензиями. Начинается разговор в очень корректных выражениях, но кончается бурно. Раскраснеются физиономии, размахаются руки, голоса повысятся на пол-октавы. Голос секретаря совета командиров, называемого чаще ССК, переходит в фальцет, но тщетны все попытки сколько-нибудь охладить Соломона Борисовича...

Когда был поднят вопрос о ненужности двух мастеров в никелировочном, Соломон Борисович сначала попробовал обидеться, потом стал взывать к милосердию и, наконец, сообразил, что предложение производственной комиссии оставить одного мастера на два отделения— предложение дельное. Принужден он был согласиться и с другим предложением производкомиссии: платить коммунарам за работу на ванне не одну с четвертью копейки от стана, а две копейки.

На дороге [38]

Несмотря на холод в цехах, плохой материал и полное изнеможение станков, без всякого сомнения заканчивающих свою земную жизнь, коммунары подходили к концу первого квартала без больших поражений.

Тридцать первого марта мы просидели до 12 часов ночи в общем собрании — дела были серьезные.

Промфинплан первого квартала был выполнен:

арматурным цехом	86%
деревообделочным	108%
швейным . . .	130%
коммуной в среднем	102%

Всего выпущено продукции по себестоимости на сумму 174 000 рублей.

Напали на металлистов:

— Так мы и говорили, что вы подкачаете... Вот у вас прорыв, где еще 14% плана гуляют? А ведь у вас собрались самые квалифицированные коммунары.

Металлисты были очень смущены. В особенности был огорчен четвертый отряд, в котором были и Юдин, и Клюшнев, и Грунский, и Скребнев, и Козырь. По выполнению своих отрядных норм отряд шел впереди всех отрядов коммуны, уступая только одиннадцатому отряду девочек (после закрытия никелировочного цеха у нас была произведена реорганизация отрядов и девочки получили номера десятый и одиннадцатый). Но другие отряды токарей далеко отстали от четвертого, а особенно отставали литейщики. За литейщиков и взялось общее собрание.

— Два месяца держались за киевскую глину, выпускали больше брака, чем дельного литья.

— Зайдешь к ним в цех — не литейная, а аптека: это не трогай, а на это нельзя смотреть, а это секрет какой-то, а на самом деле саботажники. А командиры литейщики? Хоть один был рапорт за квартал?

— Чего, хоть один рапорт? — вскакивает задетый за живое командир девятого.— Мало было рапортов?

— А за мастером вы смотрели? Вы вот посадили токарей на «декохт»... Что, мы не знаем, как они гонялись за масленками? Каждое утро у них в очереди стоят. Куда это годится такое...

— А где Ганкевич, почему его нет на собрании?

Председатель немедленно посылает за Ганкевичем пацана. Ганкевич приходит смущенный и злой.

— Я работал двенадцать часов в сутки, разве я отдыхал когда . . . . .

В левом здании будут спальни на триста человек, больничка, вешалка и кое-какие подвалы. В правом здании расположится в двух этажах новый завод — завод ручных электросверлилок.

Центральное здание все придется перестроить: кухню опустить в подвал, за счет классов внизу и коридора расширить столовую, спальни второго этажа обратить в аудитории, из теперешнего «тихого» клуба и спальни девочек сделать театр на пятьсот человек, в теперешнем «гром-

ком» клубе устроить «тихий». Придется в центральном здании передвинуть почти все переборки.

Носалевич добивался на Правлении:

— Нельзя ли коммунаров раньше отправить куда-нибудь, чтобы раньше начать перестройку?

Но в Правлении сказали: нельзя никуда отправить, нужно большие средства, нужно сейчас работать, уедут коммунары только пятнадцатого июля.

В этом проекте самым увлекательным было — завод электросверлилок.

Мы видели уже эту электросверлилку, инженеры достали где-то заграничную: алюминиевый кожух, ручка, собачка, все вместе немного похоже на револьвер, только больше — сантиметров сорок в длину и цилиндричнее. Внутри моторчик, механизм, шестеренки — внутренность еще мало понятная, но говорили инженеры, что в работе нужна точность до одной сотой миллиметра. Если эту сверлилку разобрать, получается много деталей. Одних названий деталей сто одно.

До сих пор сверлилки эти привозились к нам из Америки, Австрии, платили за них золотом. Коммунары на сверлилку смотрели со страхом и уважением:

— Это тебе не масленка, тут тебя один моторчик слопает с потрохами. Одна сотая миллиметра — какие очки надевать нужно?

— Правда, что у нас мастеров таких пока что нету, а все-таки сделаем, вот увидите, сделаем, еще как...

Все это дело: и новые здания, и новый завод, и новые коммунары, все это представлялось в далеком тумане, но не туманом уже были ряды кирпича, обступившие коммуну со всех сторон, пирамиды песка, сосновые бараки для рабочих, начальник строительства Вастонович...

...В начале апреля на нас навалилось новое дело: постройка дороги.

О дороге к белгородскому шоссе мы хлопотали давно. Нужно было проложить мостовую длиной в километр с четвертью, а сейчас мы положительно изнемогали от бездорожья. Даже пешеходы добирались до шоссе ценою великих страданий и сложной обходной стратегии. Ведь вы знаете, что такое старая российская дорога? Это такое место, которое меньше всего приспособлено быть дорогой. Так вот именно такая дорога отделяла нас от белгородского гудронного шоссе...

Совет командиров постановил: отдать на дорогу одну пятидневку за счет производства и за счет учебы — значит, по 8 часов в день. В школе у нас дела шли хорошо.

— А лопаты будут? — спросили у десятника.— На сто пятьдесят человек!

— Да я вам не только лопаты, я вам черта достану, только помогите.

Совет командиров немедленно отправился на дорогу и разделил всю выемку на двенадцать частей — по числу отрядов; пацанам и девочкам дали более мелкие части выемки, кто постарше — глубокие. Вышло на каждый отряд по сорок с чем-то метров погонных.

Филька посмотрел на свой участок и сообразил:

— По два с половиной метра на пацана, а глубина тут сантиметров тридцать... Ого...

В следующие дни линия дороги была похожа на какой-то фейерверк земляных бросков. По сторонам линии все росли и росли земляные валы, коммунарские головы все глубже и глубже уходили в землю. Через три дня четвертый отряд окончил свой участок и перешел на участок девочек, а девочек упросили отправиться на помощь пацанам.

— Там вам легче, здесь высоко бросать нужно...

Все-таки за пятидневку не окончили, пришлось истратить и выходного дня половину.

Но к вечеру в выходной день пришел ко мне десятник и сказал захлебываясь:

— Это же замечательно, честное слово, я никогда такого в жизни не видал... Это же замечательно, ей-богу, это прямо замечательно!..

Довольно интересная мысль [39]

Вечером Нестеренко сказал Игорю:

— Завтра ты пойдешь на работу в сборный цех.

— Я никогда не работал в сборном цехе.

— А завтра будешь работать.

— Это значит в стадионе?

— Потом в стадионе, а пока на дворе.

— А что я там буду делать?

— Мастер тебе покажет.

— А может, я не собираюсь быть сборщиком?

— Я тоже не собираюсь быть литейщиком, а работаю в литейном.

— Это дело твое, а я иначе думаю.

— Ты думаешь? А ты научился думать? Слышишь, Санчо? Он так думает, что он не будет сборщиком, а поэтому он не хочет работать. Ты его шеф, должен ему объяснить, если он не понимает.

Санчо с радостью согласился объяснить Игорю, хлопнул рукой по сиденью дивана рядом с собой.

— А что же? Садись, я тебе все растолкую.

Игорь сел, кисло улыбнулся, приготовился выслушать поучение. Вспомнил жалкий стадион, жалкую бедность Соломона Давидовича, стало скучно и непонятно, для чего все это нужно?

— Чего ты такой печальный, Чернявин, это очень плохо. А я знаю, почему. Ты думаешь так: какие-то колонисты, где они взялись на мою голову? А я вон какой герой, Чернявин, скажите, пожалуйста! Поживу у них четыре дня и пойду на все четыре стороны. Правда, ты так думаешь?

Игорь промолчал.

— А на самом деле, может, ты у нас проживешь четыре года.

— А если проживу, так что?

— Как это «что»? Если ты умный человек... Представь себе: четыре года живешь! Так сегодня ты в сборном не хочешь, а завтра ты в литейном не хочешь. А потом ты скажешь, не хочу быть токарем, а хочу быть доктором, давайте мне, пожалуйста, больницу, я буду лечить людей, ха! Так мы с тобой четыре года будем возиться! Ты, значит, как будто не в себе — психуешь, а мы с тобой все возимся и возимся?

Нарисованная Зориным картина заинтересовала Игоря, но заинтересовала прежде всего глубоким противоречием той ясной логической линии, которая принадлежала ему, Игорю Чернявину, и которую он мог изложить в самых простых словах. Санчо сидел рядом с ним, глаза его, как всегда, были горячи, но все-таки этот самый Санчо Зорин соображает довольно тупо.

— Ты неправильно говоришь, товарищ Зорин.

— Хорошо. Неправильно. А как правильно?

— Ты говоришь: Чернявин хочет быть доктором? А скажи, пожалуйста, почему это плохо? А разве мало

людей хочет быть докторами? А вы здесь, дорогие товарищи, придумали: как себе хочешь, а иди в ваш сборный цех. А я должен сказать: «Есть, в сборный цех!» А вот я не хочу.

— Так кто тебе мешает, Чернявин? Разве мы тебя заставляем? Мы тебя не заставляем. Смотри, пожалуйста,— Зорин показал на окно,— заборов у нас нет, стражи нет,— никто тебя не держит и не уговаривает — иди себе!

— Мне некуда идти...

— Как некуда? Ого! Ты же говоришь, не хочу быть сборщиком, а хочу быть доктором.

— Куда же я пойду?

— Да в доктора и иди. Учиться там или как... Добивайся, пожалуйста.

— А у вас, значит, нельзя?

— А у нас тоже можно, только по-нашему.

— Сначала в сборный цех?

— А что ж ты думаешь? А если в сборный? Думаешь, плохо?

— Я не думаю, что это плохо, а ты мне ничего не объяснил. С какой стати?

— А с такой стати: для нас это нужно. Ты у нас живешь два дня? Живешь. Шамаешь? Одели тебя, кровать тебе дали? А ты еще сегодня в столовой кричал: не имеете права! А почему? Откуда все это берется, какое тебе дело? Я — Чернявин, все мне подавайте. Я хочу быть доктором. А может ты врешь? Откуда мы знаем? А мы тоже можем сказать: иди себе, Чернявин — доктор Чернявин, к чертовой бабушке!

— Не скажете.

— Не скажем? Ого! Ты еще нас не знаешь! Ты думаешь: уйду. А на самом деле мы тебя раньше прогоним. Для чего ты нам сдался? Мы тебя ни о чем не спросили, кто ты такой, откуда, а может, ты дернешь. Мы тебя приняли как товарища, одели, накормили и спать уложили. Так ты один, а нас колония. Ты против нас куражишься: хочу быть доктором, ты нам ни на копейку не доверяешь. Тебе нужно все доказать сразу, а почему ты вперед поверить не можешь, нам поверить?

— Кому поверить? — задумчиво спросил Игорь, чувствуя, что Санчо далеко не так туп, как ему показалось сначала.

— Как «кому»? Нам всем.

— Поверить?

— Ага, поверить. Видишь, ребята живут, и работают, и учатся, что-то делают. Подумал бы: значит, у них какой-то смысл есть. А то ничего не видишь, кроме себя: я доктор. А какой ты доктор, если так спросить? Мы знаем, что мы — трудовая колония, это же видно, а откуда видно, что ты доктор?

Они сидели на диване в полутемной спальне, на дворе зажигались фонари, ребята куда-то разошлись. В коридоре слышались редкие шаги. Потом кто-то крикнул:

— Се-евка!

И стало очень тихо. Игорь, конечно, не был убежден словами Санчо, но спорить с ним уже не хотелось, и возникло простое, легкое желание: почему в самом деле не попробовать? Этому народу можно, пожалуй, оказать некоторое доверие. И он сказал Санчо Зорину:

— Да это я к примеру. Ты не думай, что я такой бюрократ. А ты где работаешь?

— В сборном цехе.

— Интересно там?

— Нет, не интересно.

— Вот видишь?

— А тебе только интересное подавай? Может, с музыкой? А если неинтересное что делать, так ты не можешь?

— Неинтересное делать?

Игорь присмотрелся к Зорину. У Санчо задорно горели глаза.

— Неинтересное делать? Это, сэр, довольно интересная мысль.

Проножки [40]

Мастер Штевель, широкий, плотный, румяный, внимательно глянул на Игоря круглыми глазами:

— Никогда не работал?

— Нет.

— Значит, начинаешь?

— Начинаю.

— Дома... хоть пол подметал?

— Нет, не подметал.

— Незначителньый у тебя стаж. Ну, что же... начнем.

Я тебе дам для начала проножки зачищать. Работа легкая.

— Какие это проножки?

Мастер ткнул ногой в готовый стул:

— А вот она — проножка, видишь? Поставили, как была, нечищенную, с заусенцами, вид она имеет отрицательный. А теперь ты будешь зачищать, лучше выйдет стул. А то все чистили, а на проножки так смотрели: что там, проножка, и так сойдет.

Мастер был словоохотливый, но деловой: пока говорил, руки его действовали, и на подмостке перед Игорем появилась куча проножек, рашпиль и лист шлиферный бумаги. Заканчивая речь, Штевель прошелся рашпилем по одной проножке, потом зашаркал по ней бумагой, полюбовался проножкой, погладил ее рукой:

— Видишь, какая стала! И в руки приятно взять. Действуй!

Пока все это говорилось и делалось, Игорю занятно было и слушать и смотреть на мастера, на проножку и на всякие принадлежности. Когда мастер, похлопав его по плечу, отошел, Игорь тоже взял в руки проножку и провел по ней рашпилем. В первый же момент обнаружилось все неудобство этой работы: проножка сама собой вывернулась из руки, а рашпиль прошелся твердым огневым боком по пальцам. На двух пальцах завернулась кожица и выступили капельки крови. Рядом чей-то знакомый голос сказал весело:

— Хорошее начало, товарищ сборщик.

Игорь оглянулся. Голос недаром казался знакомым,— свой, из восьмой бригады, только из второй спальни,— Середин, тот самый, которого Нестеренко упрекнул в пижонстве. У него чистое лицо и голова немного откинута назад. В руках несколько тонких пластинок для спинки стула, и Середин любовно отделывает их при помощи линейки со вставленными листками шлифера. Не успел Игорь рассмотреть их, как они полетели в кучу готовых пластинок, а рука Середина захватила уж новую порцию.

— Возьми там, в шкафике, йод,— улыбаясь, кивнул Середин.— Это ничего, все так начинают.

Игорь полез в шкафик, нашел бинты и большую бутылку с йодом. Он смазал царапины и обратился к Середину:

— Завяжи.

— Да что ты! Зачем это? Бинт зачем? Ты еще скажешь, доктора вызвать.

— Так она течет. Кровь.

— Вся не вытечет. Намазал йодом? Ну, и хорошо. И не течет вовсе, просто капелька.

Игорь не стал спорить и положил бинт обратно в шкафик. Но пальцы все-таки болели, и он боялся взять в руку новую проножку. Все-таки взял, подержал, примерился рашпилем. Потом со злостью швырнул все это на примосток и, отвернувшись от верстака, начал рассматривать цех.

Никакого цеха, собственно говоря, и не было. К стене машинного отделения, вздрагивающей от гула станков, снаружи кое-как был прилеплен дырявый фанерный навесик. Он составлял формальное основание сборного цеха; под навесиком помещалось не больше четырех ребят, а всего в цехе работало человек двадцать. Все остальные располагались просто под открытым небом, которое, в самой незначительной степени, заменялось по краям площадки красными кронами высоких осокорей. На площадке густо стояли примостки различной высоты и величины, сделанные кое-как из нестроганных обрезков. Некоторые мальчики работали просто на земле. На площадку эту из машинного отделения высокий чернорабочий то и дело выносил порции отдельных деталей. Деревообделочная мастерская колонии производила исключительно театральную, дубовую мебель. Детали, подаваемые из машинного отделения, были: планки спинок, сидений, ножки, царги, проножки. Собирали театральные стулья по три штуки вместе, но раньше чем собрать такой комплект, составляли отдельные узлы: козелки, сиденья и так далее. Сборкой узлов и целых комплектов занимались более квалифицированные мальчики, между ними и Санчо Зорин. Они работали весело, стучали деревянными молотками, возле них постепенно нарастали стопки собранных узлов, а возле Зорина располагались на земле уже готовые, стоящие на ногах трехместные конструкции, еще без сиденья.

Большинство же ребят занималось операциями, подобными той, которая была поручена Игорю, в руках у них ходили рашпили, зудели, посвистывали, дребезжали.

Игорь до тех пор рассматривал цех, пока Середин не спросил у него:

— Что же ты не работаешь? Не нравится?

Игорь молча повернулся к примостку, взял в руки рашпиль. В руке он ощущался очень неприятно: тяжелый, шершавый, осыпанный опилками — и все старался перевиснуть куда-то вниз. Игорь положил его и взял в руки проножку. Эта была симпатичнее. Игорь внимательно рассмотрел ее. Глаз увидел те неправильности, неровности, острые углы, которые нужно было снять, увидел и неряшливый край, вышедший из-под шипорезного станка. Вторая рука снова протянулась к рашпилю, но в это время прилетела пчела. Собственно говоря, ей абсолютно нечего было делать здесь, в сборном цехе. Игорь следил за ней и думал, что она должна понять бесцельность своего визита и улететь. Пчела, однако, не улетала, а все сновала и сновала над примостком, тыкалась, подрагивая телом, в свежие изломы дубовых торцов, а потом вдруг набросилась на раненую руку Игоря, ее соблазнила засыхающая капелька крови. Похолодев, Игорь взмахнул проножкой и обрадовался, увидев, что пчела улетела. Он перевел дух и оглянулся, и сейчас только заметил, что ему жарко, что солнце припекает голову, что шея у него вспотела. Вдруг на эту самую потную, горячую шею что-то село, мохнатое, тяжелое. Игорь взмахнул свободной рукой — огромная, зеленоватая муха нахально взвизгнула у его головы. Игорь поднял глаза и увидел, что их две — мухи, они нахально не скрывали от Игоря своих злобных физиономий. Игорь тоже обозлился и произнес неожиданно, чуть ли не со слезами:

— Черт его знает! Мухи какие-то!

И Санчо, и Середин, и другие засмеялись. Середин смеялся добродушно, закидывая голову, а Санчо — громко, на всю площадку:

— Игорь! Они ничего! Они не кусаются!

Из молодых кто-то сказал:

— А может, они думают, что это лошадь.

Игорь швырнул проножку на стол:

— К черту!

— Не хочешь? — спросил Середин.

— Не хочу.

Санчо оставил работу, подошел к нему.

— Чернявин, в чем дело?

Игорь надвинулся на Санчо разгневанным лицом.

— К черту! — кричал он.— С какой стати! Какие-то проножки! Рашпили! Для чего это мне? Цех, называется,— мухи, как собаки!

Краем глаза он видел, как Середин, не прекращая работы, неодобрительно мотнул головой, другие обернули к ним удивленные, но серьезные лица. Санчо сказал:

— А что же? Просить тебя не будем. Иди, выйти можно здесь.

— И пойду.

Не глядя ни на кого, Игорь переступил через кучу деталей. Санчо что-то сказал ему вслед, но Игорь не расслышал. Не услышал потому, что увидел перед собой неожиданное видение: та самая девушка, которую он сегодня встретил в парке, присела у корзинки, в которой лежали обрезки, но лицо подняла к нему, и на лице этом была задорная и откровенная насмешка.

Петли [41]

Ванда Стадницкая с трудом привыкала к пятой девичьей бригаде. Она как будто не замечала ни нарядности и чистоты спальни, ни ласковой деликатности новых товарищей, ни вечернего их щебетанья, ни строгого порядка колонистского дня. Молча она выслушивала инструктивные наставления Клавы Кашириной, кивала головой и скорее отходила, чтобы по целым часам стоять у окна и рассматривать все одну и ту же картину: убегающую дорожку парка, ряд березовых вершин и небо. В столовой она боком сидела на своем месте, как будто собираясь каждую минуту вскочить и убежать, ела мало, почти не подымая взгляда от тарелки. И новое школьное платье, которое она получила в первый же день: синяя шерстяная юбка в складку и две миленькие батистовые блузки — очень простой и изящный наряд, который ей шел и делал ее юной, розовой и прекрасной,— и блестящие вымытые волосы — ничто ее не развлекало и не интересовало.

В швейной мастерской, которая помещалась в одной из комнат в здании школы, Ванде предложили было серьезную работу, но оказалось, что она ничего не умеет делать. Тогда ей поручили метать петли. Эту работу обычно выполняли самые маленькие, таких в бригаде было

около полдюжины: бойкие, веселые, тонконогие, у них по углам спальни водились куклы. Но и петли Ванда метала очень плохо, медленно, лениво. Старшие молча наблюдали, неодобрительно поглядывали друг на друга, показывали, поправляли. Ванда покорно выслушивала их замечания, на время уступала им работу, скучно посматривала боком, как ловкая, юркая игла мелькает между розовыми опытными пальчиками.

Однажды Ванда пришла в мастерскую, когда уже давно стучали машинки. Не отрываясь от работы, Клава спросила:

— Ванда, почему ты опоздала?

Ванда не ответила.

— А вчера ты ушла раньше времени. Почему?

Неожиданно Ванда заговорила:

— Ну, что же, и скажу. Не буду работать, не хочу.

— Не будешь работать? А как же ты будешь жить?

— Ну и пусть. Проживу без ваших петель.

— Стыдно, Ванда. Надо учиться. Мы все с петель начинали.

Ванда бросила работу. В горле у нее стояли рыдания, она дико оглядела комнату:

— Куда мне до вас! Петлями начинали! А я кончу петлей!

Она вышла из комнаты, хлопнула дверью.

Вечером она лежала, отвернувшись к стене, ужинать не пошла. Девочки посматривали на ее белокурый, нежный затылок испуганными глазами. Клава сводила брови и что-то шептала про себя.

Утром, когда Ванда одна гуляла по спальне, к ней пришел Захаров. При виде его она покраснела и поправила юбку.

Он улыбнулся грустно, сел у стола:

— Что случилось, Ванда?

Ванда не ответила, продолжала смотреть в окно. Он помолчал.

— В столярной хочешь работать? Там интересно: дерево!

Она быстро повернулась к нему.

— Ой, какой же вы человек. Такое придумали: в столярной!

— Хорошо придумал. Ты вообрази: в столярной!

— Будут смеяться.

— Напротив. Первая девушка в нашей колонии пойдет в столярную. Честь какая! А то девчата все считают: их дело тряпки. Неправильно считают.

Ванда задорно взметнула ресницы:

— А что же вы думаете? И пойду. В столярную? Пойду. Сейчас?

— Идем сейчас.

— Идем.— Он повернулся и, не оборачиваясь, пошел к двери, она вприпрыжку побежала за ним и взяла его под руку:

— Это вы нарочно придумали?

— Нарочно.

— У вас все нарочно?

— Решительно все,— сказал он, смеясь.— Я тут еще одну вещь придумал, да только не скажу.

— Скажите. Про меня?

— Про тебя.

— Скажите, Алексей Степанович!

Он наклонился к ее уху, прошептал таинственно:

— Потом скажу.

Ванда ответила ему таким же секретно-задушевным шепотом:

— Хорошо.

В жизни все бывает [42]

Крейцер приехал вместе с толстым человеком, водил его по колонии, все показывал, а больше всего показывал пацанов и говорил:

— А вот этот... Вы такого видели? Кирюшка, а ну, иди сюда... как живешь?

Кирюшка мог бы кое-что рассказать о своей жизни, но посмотрел на толстяка, и охота у него пропала. У толстяка было бритое, выразительное, лицо, только в данный момент оно ничего не выражало, кроме брезгливости, да и то сдержанной.

— Вы еще, дорогой, ничего не понимаете,— сказал Крейцер.

Толстяк ответил стариковским басом:

— Я — инженер, Михаил Осипович, и не обязан понимать всякую романтику.

— Хэ,— коротко засмеялся Крейцер,— ты, Кирюша, оказывается, существо романтическое.

Кирюша моргнул в знак согласия и убежал. Володя трубил «совет бригадиров», а потом спросил у Кирилла.

— Чего он тебе говорил, старый?

— Непонятное что-то! Говорит — я инженер!

В комнате совета бригадиров еле-еле поместились. Каким-то ветром разнеслось по колонии, что приехавший инженер будет говорить о новом заводе. И Ваня Гальченко одним из первых занял место на диване. Было много и взрослых: пришли учителя, мастера, даже Волончук залез в угол и оттуда поглядывал скучно и недоверчиво.

Крейцер прищуренным глазом оглядел колонистов, перемигнулся с Захаровым и сказал:

— Так вот, ребята. Дело у нас начинается. Познакомьтесь — это инженер Петр Петрович Воргунов. Насчет нового завода у нас с ним есть план, интересный план, очень интересный, у нас, там, в городе, этот план понравился, будем делать такой завод — завод электроинструмента. Петр Петрович, пожалуйста.

Инженер Воргунов занял весь стол Вити Торского. Он не посмотрел на колонистов, не ответил взглядом Крейцеру; вид у него был тяжеловато-хмурый. Большая голова с редкими серыми волосами поворачивалась медленно. Он открыл небольшой чемоданчик и достал из него хитрую блестящую машинку, похожую на большой револьвер. С некоторым трудом он взвесил ее на руках и начал говорить голосом негромким, отчужденным, видимо, что по обязанности:

— Это — электросверлилка, значит, работает электричеством. Вот шнур, включается в обыкновенный штепсель...

Он включил, сверлилка в его руках вдруг зажужжала, но движение вследствие быстроты не было видно и лишь угадывалось.

— Как видите, она работает прямо в руках, и это очень удобно, можно сверлить дырки в любом направлении. Чрезвычайно важный инструмент, в особенности при постройке аэропланов, в саперных работах, в кораблестроении. Но она может работать и как стационар, на штативе, штатива я с собой не привез. Если вы немного понимаете в электричестве, вы догадаетесь, что в ней, внутри, должен быть электроякорь, я потом его покажу. Бывают и другие электроинструменты, которые тоже нужно

делать на будущем заводе... э... в этой колонии: электрошлифовалки, электропилы, электрорубанки. До сих пор электроинструмент у нас в Союзе не делался, приходилось покупать в Австрии или в Америке. У меня в руках австрийская.

Потом Воргунов очень легко, как будто даже без усилий, разобрал электросверлилку и показал отдельные ее части, коротко перечислил станки, на которых эти части нужно делать, и названия станков были все новые, среди них упоминались и токарные. Закончил так:

— Цехи будут: литейный, механический, сборный и инструментальный. Если что-нибудь непонятно, задавайте вопросы.

Он опустил сверлилку на стол, а на сверлилку опустил глаза и терпеливо ждал вопросов. Сделанное им сообщение было слишком ошеломительно, слишком захватило дух у присутствующих, трудно было задавать еще какие-либо вопросы. Однако Воленко спросил:

— Наша литейная не годится?

Вопрос этот имел характер совершенно неприличный, все присутствующие укоризненно посмотрели на Воленко. Воргунов, не подымая глаз, ответил:

— Нет!

Зырянского это не смутило:

— Вот вы сказали... точность... точность при обработке. Какая точность?

— Одна сотая миллиметра.

Зырянский сел на место и приложил руку к щеке:

— Ой-ой-ой!

Все засмеялись, даже Захаров, даже Волончук, не засмеялся только один Воргунов, он начал укладывать сверлилку в чемоданчик.

— А мы... сможем... это сделать?

Воргунов сжал губы, посмотрел куда-то через головы и ответил сухо:

— Не знаю.

Глаза у колонистов странно закосили, неловко было смотреть друг на друга. Но встал Захаров, сделал шаг вперед — и тоже опустил глаза: видно было, что он зол.

— А я знаю! И товарищ Крейцер знает! И вы знаете, колонисты. Эти сверлилки нужны нашей стране, нашей Красной Армии, нашему Воздушному Флоту. Товарищ Воргунов, какой выпуск запроектирован?

— Норма — пятьдесят штук в день.

— Значит, мы будем делать сто штук в день. И будем делать лучше австрийцев.

Он с вызывающим лицом повернулся к инженеру, но инженер по-прежнему холодно смотрел на свой чемоданчик. Чей-то звонкий голос раздался из самой гущи, расположившейся у дверей:

— Будем делать!

Михаил Гонтарь сделал лицо добродетельное, серьезное, какое бывает у мудро поживших стариков:

— Я читал недавно в одной книжке: люди такое придумали — по телеграфной проволоке будут портреты посылать. А сверлилку, наверное, легче все-таки сделать. Или, скажем, комбайн — и то делают, я сам видел в Ростове. И я так думаю: если хорошо взяться, так почему не сделать? Конечно, чтобы литейная была хорошая.

На Воргунове все эти правильные мысли никак не отразились. Витя Торский, удивленно разглядывая его, закрыл совет.

Через несколько минут Воргунов стоял посреди кабинета Захарова, наклонив голову, точно бодаться собрался:

— Я не понимаю этих нежностей. Я не ангел и не институтка, и никакие дети меня не умиляют, раз дело идет о производстве. Нет, не умиляют. Я говорю прямо: стройте завод — дело хорошее, а только рабочих придется искать.

Крейцер удивленно округлил глаза:

— Да постойте, Петр Петрович. А эти... ребята... по-вашему...

Воргунов пожал плечами:

— Михаил Осипович! Портачей и без них довольно.

Соломон Давидович протянул возмущенные руки:

— Вы их еще не знаете! Они работают... как звери, работают!

— Ну, вот видите: как звери! Мне нужны не звери, а знающие люди.

Он надел на голову шляпу, взял в руки чемодан:

— Так я воспользуюсь вашей машиной, Михаил Осипович. До свиданья.— И вышел.

Все смотрели ему вслед. Крейцер сказал с увлечением.

— Вы видите? Это же прелесть! Замечательный человек!

Но Соломон Давидович Блюм, кажется, не заметил этого восхищения:

— Как вам это нравится? Он зверей не любит. Вы видели что-нибудь подобное?

Захаров смеялся громко, как мальчик.

А в это время в спальне четвертой бригады большинство ребят уже спало. Только Зырянский читал в постели книгу, да Володя и Ваня на соседних кроватях посматривали еще друг на друга. Ваня вдруг приподнялся на локте:

— Одна сотая миллиметра! Володька! Это не может быть, правда?

Володя ответил задумчиво:

— В жизни все бывает.

Зырянский повернул к ним лицо:

— Пацаны, спать!

Пацаны, балуясь, пожмурились друг на друга и заснули.

Переход количества в качество [43]

...Соломон Борисович строится. Все площади нашего двора завалены строительными материалами, сразу в нескольких местах возводятся стены новых домов — общежитий, контор, складов и цехов. Все планы, намеченные перед отъездом в Крым, Соломоном Борисовичем выполняются, и это обстоятельство окончательно роднит его с коммунарами.

Вернувшись из крымпохода, побежали коммунары после команды «разойдись» осматривать новое строительство. Великолепный новый сборный цех длиною в семьдесят метров их совершенно удовлетворяет:

— Грубóй цех будет! — говорит командир третьего.

Довольны и формовщики: новая литейная почти готова, на стропилах уже ползают кровельщики, и на траве в саду разложены масленые листы железа.

Но это еще не все. Самое главное вот что: в коммуне открывается рабфак. Настоящий рабфак Машиностроительного института. Первый и второй курсы. Это великое событие произошло чуть ли не случайно. Бросились наши кандидаты в рабфаки — оказывается: то стипендии нет, то общежития. Возникло решение открыть соб-

ственный рабфак. И Наркомпрос и ВСНХ пошли навстречу желаниям коммунаров.

Через три дня начинаются на рабфаке занятия. Новые наши студенты продолжают оставаться коммунарами. Все чрезвычайно довольны: не нужно никуда уходить, не нужно бросать родную коммуну, можно продолжать работать на нашем производстве.

В рабфаке будет семьдесят коммунаров.

В педагогическом совете затруднялись: как быть с такими, как Панов. И по возрасту и по росту — совсем мальчик, а по способностям и коммунарскому стажу — заслуженный товарищ. Ребята в педсовете настояли:

— Ну так что же? Кончит рабфак, ему уже шестнадцать будет. Чем не студент? Такие нам и нужны.

Сегодня в коммуну свозят много хороших вещей: физический кабинет, химический кабинет, новые книги. Соломон Борисович измеряет комнаты: надо делать шкафы, столы, стулья для новых кабинетов.

Соломону Борисовичу теперь есть чем гордиться: в коммуне рабфак; не успеем оглянуться — будут собственные инженеры. А на текущем счету уже лежат двести тысяч рублей. Взяли мы еще в июле заказ на оборудование Энергетического института, заказ стоит полмиллиона.

* *
*

Здания, воздвигнутые Соломоном Борисовичем, произвели на коммунаров сильное впечатление. Хотя они были построены из дерева и других подобных материалов, но были поразительны по своей величине и строительной смелости. Главными зданиями были: сборный цех для деревообделочной мастерской длиною в шестьдесят метров и шириною в двадцать и жилой дом, в котором строительная мудрость Соломона Борисовича вместила и квартиры для многих рабочих, и столовую, и швейную, и бухгалтерию, и кухню, и даже красный уголок.

Перед отъездом в Крым мы очень страдали от недостатка производственных помещений, и поэтому, когда загорелые ноги коммунаров, еще не расставшиеся с трусиками, пробежали по всем объектам строительства Соломона Борисовича, в душах коммунаров довольно основательно расположилось чувство удовлетворения.

Новый сборный цех в этот момент был еще пуст и представлял собой огромную площадь, которая еще не была тронута рукой легкой индустрии.

Коммунары прыгали по цеху, непривычно пораженные его размахом.

Соломон Борисович в этот момент испытывал наслаждение. Он был горд успехами строительства и осчастливлен довольными рожами коммунаров.

Коммунары были довольны. Им не понравилось, что весь двор был завален строительным мусором, но и раньше Соломон Борисович не отличался чрезмерной аккуратностью. В общем это было в самом деле строительство, и коммунарам можно было развернуть настоящую большую производственную работу. В ближайшие дни коммунары были увлечены другими, гораздо более сильными впечатлениями, которые были связаны с нашей школой.

Школьный вопрос у нас до сих пор обстоял очень невыразительно. Начинали мы когда-то от печки, от обычных групп трудовой школы. Но к нам приходили мальчики и девочки, которых на педагогическом языке обычно называют «переростками». Мы не умели с настоящей педагогической эмоцией произносить это слово, то есть не умели вкладывать в его содержание признаков безнадежности, предрешенности и ненужности. Переросток в детском доме — это то, что никому не нужно, всем мешает, нарушает дисциплину и спутывает весь педагогический пасьянс.

Коммунары подходили к пятой, шестой группе в возрасте семнадцати-восемнадцати лет. Возиться с окончанием трудовой школы некогда и скучно. Давно мы привыкли к прекрасному выходу из нашей образовательной системы — мы отправляли коммунаров в рабфак. Все оканчивалось сравнительно благополучно, и у нас не было случая, чтобы кто-нибудь провалился на испытаниях... И летом тридцатого года и в коммуне и в Крыму человек до тридцати старших коммунаров готовились в рабфак.

Приехав из Крыма, наши комиссии бросились искать места в рабфаках. Нас ожидало страшное разочарование. На первые курсы нам предлагали места очень неохотно, да и то без стипендий, приглашали больше на второй. Это было похоже на разгром всех наших планов: без стипендии пускаться коммунарам в студенческую жизнь бы-

ло весьма опасно, оставить ребят жить в коммуне значило бы совершенно изменить ее лицо, это уже не была бы трудовая коммуна, а в значительной степени общежитие для студентов, новеньких принимать было некуда. Посылать ребят на второй курс мы боялись, вдруг срежутся на экзамене.

В полной растерянности собрался совет командиров и бюро комсомола.

Как и всегда, в заседании присутствовали все, кто хочет, кому интересно и кто случайно забрел в кабинет. Собрались почти все кандидаты в рабфак.

Секретарь совета командиров (ССК) Коммуна Харланова поставила на повестку один вопрос — как быть с рабфаковцами? Так у нас всегда называли всех кандидатов в рабфаки, настолько была у всех глубокая уверенность, что все в рабфак попадут. В заседании над «рабфаковцами» немного подшучивали:

— Рабфак ваш работает в машинном...

— Принимайся лучше за кроватные углы, рабфак подождет...

— А Юдину уже снилось, что он профессор...

Я кратко доложил собранию об обстоятельствах дела. Все молчали, потому что выхода как будто и не было. Харланова озабоченно оглядывала командиров:

— Ну, так что же? Чего же вы молчите? Значит, на том и успокоимся — никого в этом году в рабфак не посылаем?..

Новый секретарь бюро ячейки комсомола, всегда улыбающийся Акимов, человек, не способный испортить себе настроение ни при каких обстоятельствах, спокойно и задумчиво говорит:

— Так нельзя, чтобы никого не посылать. Только чего нервничать. Надо подумать. Наверное, что-нибудь придумаем.

— Ну, так что ты придумаешь? Что придумаешь? — грубовато оборачивается к Акимову Фомичев, один из самых старших кандидатов в рабфак.

— Да что тут думать,— улыбается Акимов,— приглашают вас на второй курс, вот и идите, чего вы ломаетесь?

— Ну, какой ты чудак, а еще секретарь,— злится серьезный Юдин.— Приглашают... Это не приглашают,

а отказывают. Они прекрасно знают, что мы все подавали на первый курс, а говорят: идите на второй, это все равно — убирайтесь на все четыре стороны.

— А вы и идите на второй, раз приглашают...

— Может, на третий идти, на третий тоже мест сколько хочешь, тоже приглашают... А экзамен?

— Ну, идите на первый, будет трудно — поможем, а там и стипендию дадут...

Харланова останавливает Акимова:

— У нас, знаешь, какое теперь положение... Себе не хватает, наша помощь будет плохая.

Юдин вдруг круто поворачивается ко мне.

— А скажите, пожалуйста, Антон Семенович, почему это такое? Идите, говорят, на второй курс. Что это такое? Выходит как будто, что в коммуне есть первый курс. Как будто мы окончили первый курс в коммуне, а теперь перейдем на второй курс куда-нибудь там, в электротехнический или еще какой?

— А в самом деле выходит так,— кричит Сопин и ерзает на стуле, что-то продолжая доказывать своему соседу.

Я задумчиво смотрю на Юдина и думаю: а ведь в самом деле так выходит, это он правильно сказал.

— А скажите, Антон Семенович,— спрашивает, улыбаясь, Акимов,— их зовут на второй курс... так ведь они не годятся еще, правда же?

— Годятся,— тихо говорит Коммуна.

— Конечно, годятся,— кричит Сопин, которому до рабфака еще очень далеко.

— Ну, чего ты кричишь? Чего ты кричишь? Ты что-нибудь понимаешь в этом? — Харланова начинает сердиться на Сопина.

— А как же, понимаю.

Совет командиров хохочет.

— А чего? Что тут понимать? Понимаю: если из четвертой группы поступают на первый курс, значит из шестой можно прямо на второй...

— Там совсем другая программа, правда же, Антон Семенович? — настойчиво требует ответа Юдин.

В совете начинается шум... Харланова насилу сдерживает собрание и уже кричит на меня...

— Кричат все... ну, Антон Семенович, говорите уже...

Все затихают и смотрят мне в рот, Юдин серьезно и так, как будто он приступает к решению математической задачи, Акимов с прежней спокойной улыбкой, Сопин страшно заинтересован и весь превратился в нервный заряд.

Я очень хорошо помню этот момент. Тогда я особенно ясно ощутил всю прелесть и чистоту этого десятка лиц, таких светлых, таких умных и таких всесильных, умеющих так спокойно и с таким веселым достоинством решать судьбы своих товарищей и тех многих сотен будущих коммунаров, которые придут им на смену. Я мысленно отсалютовал этим милым очередным командирам нашего коллектива и сказал:

— Вопрос, товарищи, совершенно ясен, и Юдин прав. Нам не нужно ничего придумывать и не нужно падать духом. Через неделю у нас будет свой рабфак, самый настоящий, со всеми правами, и в него войдут не тридцать человек, а половина коммунаров, у нас будет первый и второй курсы. Давайте пока прекратим обсуждение этого вопроса, поручите мне действовать, и через неделю я вам доложу, как обстоит дело.

В совете командиров не закричали «ура», никто не предложил меня качать. Сопин сделался серьезным, это страшно не шло к нему, и сказал:

— Правильно... Так оно и должно быть...

— Ну, что ты понимаешь,— сказала, улыбаясь, Харланова.

— Я не понимаю? — закричал Сопин, но вдруг сразу успокоился.— Это же она не понимает, правда же?

Юдин положил руку на колено Сопина и улыбнулся.

— Я думаю, что тут все понимают... Если мы доросли до рабфака, то пускай рабфак будет у нас...

— А разрешат рабфак? — спросил кто-то.

Еще за десять минут перед тем самый вопрос не приходил мне в голову, а теперь я ответил:

— В этом не может быть сомнений. Мы будем хлопотать, но уже завтра соберем педсовет и приступим к организации рабфака. Считайте это дело решенным...

Акимов осторожно спросил:

— А педагоги наши годятся?

— Годятся почти все, часть, может быть, уйдет, но ведь у нас еще будут и подготовительные группы...

— Конечно,— закричал Сопин,— довольно... Какие там четвертые группы — подготовительные к рабфаку — это правильно...

Поднялся обычный галдеж, всегда сопровождающий нарождение новых перспектив.

Харланова голосовала:

— Кто за это, поднимите руки...

— За что, за это? — спросил Акимов.

— Не понимаешь? — надул губы Сопин.— За рабфак...

Так совершилось открытие рабфака.

Я не обманывал коммунаров. Вопрос стоял с таким математически точным оформлением, что и на самом деле рабфак начал существовать на другой день. Правда, нами были предприняты шаги в соответствующих ведомствах, но сомневаться в том, что нам рабфак разрешат, ни у нас, ни у этих ведомств основания не было. Разрешение еще не было получено, но уже коммунары были разбиты по группам, были приглашены дополнительные преподаватели, составлены планы и приступлено даже к закупке физического кабинета и других пособий.

У коммунаров навсегда осталось впечатление, что рабфак был открыт советом командиров, и это верно. Только его открыли не в заседании десятого сентября 1930 года, а в очень многих напряжениях коллектива дзержинцев задолго и незадолго до этого. Наш рабфак был естественным продуктом всей нашей работы и всей нашей жизни. Когда мы этот рабфак открывали, мы не чувствовали никакого напряжения, и это дело было для нас естественным жестом проснувшегося сильного человека. Рабфак был открыт одним броском, в котором совершенно органически соединялись и наша воля, и наш разум, и наши стремления. В биологии тоже есть теория, утверждающая, что в процессе эволюционного развития незаметно и постепенно накопляется тенденция к изменению, которое вдруг реализуется в одном взрывном революционном явлении, приводящем к новым формам жизни. Так было у нас с рабфаком.

При его открытии мы испытывали только материальные затруднения. Мы должны были все наши нужды покрывать заработком производства, а оно само еще не стояло на ногах как следует. Тогда, в сентябре, мы

были еще настолько бедны, что принуждены были обратиться за помощью к ЦКПД — нам дали две тысячи рублей для пополнения физического кабинета.

Мы даже не устроили вечера в честь открытия рабфака — так все это вышло естественно, мы были только очарованы, может быть, были очарованы своей собственной силой. Очень скоро, уже через месяц, мы перешли от очарования к новым боям и к новым трудностям, сейчас, через год, мы ведем последний штурм казавшихся несокрушимыми цитаделей, но если бы не было рабфака, мы не были бы способны на это. Тогда, в сентябре, затрудняло только одно: рабфак — это дорогая вещь, за него нужно платить деньгами, следовательно, нашими нервами, мускулами — нашей работой.

На новом заводе [44]

...Да, новеньким лафа сейчас в колонии! Они сразу пошли на новый завод, с первого же дня попали в такое место, которое иначе нельзя назвать, как земным раем!

17 сентября двести с лишним колонистов вошли в стены завода. Каждому было выбрано прекрасное место — кому в механическом цехе, кому в литейном, кому в сборном, кому в инструментальном.

Механический цех помещается в первом этаже. Второго этажа, собственно говоря, нет, но есть балкон второго этажа, который проходит по всем четырем стенам огромного зала и не мешает этому залу освещаться с крыши. В механическом цехе стоит до полусотни прекрасных станков, и советских, и заграничных: токарные, револьверные, шлифовальные, строгальные, зуборезные, фрезерные, сверлильные, долбежные. Каждый станок прекрасен, каждый по-своему наряден: у одного сияют никелированные части, другой солидно скромен в матовых отблесках стали, третий умен и изящен, как дипломат, четвертый красив в неповторимо привлекательных линиях своего черного зеркального тела. Маленький шепинг «Кейстон» еще жирно покрыт маслянистой желтоватой смесью. За ним ухаживают, его обмы-

вают и наряжают Филька Шарий и Ваня Гальченко — новые его владетели.

Первыми завертелись токарные станки «Комсомольцы» и «Красный пролетарий». На них целиком перешли третья и десятая бригады. Через день начали работать револьверные — здесь Зырянский, Поршнев, Садовничий, Яновский и другие ветераны колонии. Скоро заработали тигли в литейной, и в механическом цехе появились блестящие алюминием части кожуха сверлилки: верхний щит, нижний щит, станина. Эти же блестящие детали скоро завертелись и в патронах токарных и револьверных.

На станках теперь требуется точная работа, а колонисты еще не искушены в точности, и поэтому они осторожны, как в лаборатории. Два раза в минуту берет колонист шаблон или штанген и проверяет деталь в работе. Верхний этаж — сборный цех — почти целиком отдан девочкам и пацанам, здесь больше всего требуются их ловкие руки. До целой сверлилки еще очень далеко, но «узлы» уже начали собираться, и в девичьих руках заходили первые якоря.

После школы в аудиториях и школьных кабинетах занимаются группы, организованные комсомолом для лучшего проникновения в тайны производства. Тайн этих немало, работа каждой детали представляет очень сложную задачу, разрешение которой связано и с характером станка и с комплектом многих приспособлений. В сборке то и дело выясняется, что эту операцию нужно производить не так, а иначе, что многие детали лучше штамповать, чем точить. В электросверлилке целая система шестеренок, а с ними хлопот больше всего. Целую неделю ходил черный, как уголь, угрюмый и неповоротливый инженер Беглов вокруг зуборезного «Марата». Вместе с Семеном Касаткиным они с замиранием сердца ожидали выхода очередной шестеренки, а когда шестеренка родилась — ее еще теплое тельце дрожит на ладони Беглова,— Касаткин чуть не со слезами смотрит на ладонь инженера и говорит:

— Опять на концах съело...

— Съело.

— А давайте на модуль один попробуем?

Беглов смотрит в лицо Семена, но видит не серые большие глаза, а исписанный цифрами листок бумаги,

на котором он ночью высчитывал работу фреза модуль ноль, семьдесят пять сотых.

— Нет... давай еще разик пройдемся этим чертом.

— Все равно не выйдет,— говорит Семен Касаткин, но покорно пускает свой сложный станок, и снова они стоят над станком и с замиранием сердца ожидают.

По цехам заходили контролеры: Мятникова, Санчо Зорин, Жан Гриф. В руках у них шаблоны, образцы и прочая точная механика. Между колонистами поселилось и прижилось новое слово «сотка». На втором этаже завертелся круглошлифовальный «Келенбергер», на который Александр Остапчин и Похожай распространили весь запас любви и заботы, какой только может поместиться в душе колониста. Шлифовка валиков и здесь производилась сначала с ежеминутной проверкой шаблоном. Через две недели Похожай научился слово «сотка» произносить без всякого почтения.

— Что прикажете? Снять на полсотки? Есть, товарищ инструктор...

Похожай пускает станок и чуть-чуть склоняется к нему: его глаза, его нервы, его пятые, шестые и десятые чувства — все сосредоточилось на подсчете бесконечно малых движений станка,— и вот хитрый, удирающий, неуловимый момент пойман. Похожай выключает станок и протягивает инструктору деталь:

— Есть на полсотки, товарищ инструктор! Получайте.

Завод разворачивается: уже в кладовых некоторые полки заполнены деталями, уже стружек стало выметаться из цехов полные ящики, уже в совете бригадиров стали поругивать деревянные модели и просили молодого инженера Комарова дать объяснения. Комаров пришел с розовым оттенком на обычно бледных ланитах и отбивался:

— Все, что можно было сделать в инструментальном цехе, сделано. Осталось еще сорок приспособлений, они будут готовы через неделю. Лимитирует сталь номер четыре, которую Соломон Давидович обещал...

Колонисты слушают Комарова, верят ему и уважают его, а все-таки спрашивают:

— Почему, когда привезли сталь номер четыре, так

она два дня лежала в кладовой, а потом только догадались ее выписать?

— А почему чертежи кондуктора для детали сто тринадцатой с ошибкой?

Комаров краснеет еще больше и посматривает на Воргунова, а Петр Петрович говорит:

— Ага? Что ж вы на меня смотрите? Вы на них смотрите!

...Новый завод, как и всякое настоящее дело, оказался трудным. Заедало то в одном месте, то в другом месте, таинственные секреты открывались там, где, казалось, все безоблачно и все предначертано. И не только нервы Соломона Давидовича иногда гуляли, но и в четвертой бригаде начинало дебоширить беспокойство, то самое беспокойство, которое иначе еще называется чувством ответственности. Новый завод колонисты воспринимали как небывалое и невиданное счастье, выпавшее на их долю. Если они знали, что Октябрьская революция принесла людям новую жизнь, то для них эта новая счастливая жизнь была неотделима от завода электроинструмента. И поэтому так страстно хотелось, чтобы скорее выходили сверлилки, чтобы скорее приехали за ними представители Красной Армии и промышленности, чтобы как можно скорее Советское правительство издало приказ, запрещающий ввоз электросверлилок из-за границы.

Игорь Чернявин получил самый лучший станок на заводе — плоскошлифовальный «Самсон Верке». Он стоит в углу механического цеха рядом с шепингом «Кейстон». Игорь Чернявин рассказывал товарищам:

— Этот станочек — самое симпатичное существо на свете. С ним даже разговаривать можно, такой он симпатичный.

Игорь и в самом деле разговаривал со станком, особенно когда приходил по утрам. Станок, действительно, у Игоря занятный: плоский предмет, который нужно шлифовать, ничем не прикрепляется к доске, а просто Игорь тронет выключатель сбоку, и деталь пристает к столу, как будто они из одного куска вырезаны.

— Магнитный стол,— говорит Игорь.— Магнитный стол — это вам не какой-нибудь дореволюционный патрон!

4. ЭТО И ЕСТЬ ЭНТУЗИАЗМ [45]

Боевая сводка [46]

Зима прошла.

В комсомольском бюро и в совете бригадиров до полуночи засиживались и думали... Марк Грингауз говорил речь:

— Вы представляете себе: мы делаем сверлилки! Вы видели, какие сверлилки? Сверху у них полированный алюминий, а в середине у них точность до одной сотой миллиметра. И притом это же импорт! Вы понимаете, импорт! Это разве легко сказать — выпрашивать у австрийцев сверлилки для наших авиазаводов, для наших саперных и инженерных частей! Вы представляете, как это получается, если саперам нужно делать переправу, а у них нет электрической сверлилки. Или, допустим, нужно строить танк, а у нас в руках черт знает что вместо сверлилки! А теперь возьмите — аэропланы. Я видел аэроплан, так я знаю, сколько там нужно провертеть дырок, и неужели нужно вертеть австрийской сверлилкой, когда можно вертеть нашей, первомайской! Надо войти в положение наших рабочих! Надо понимать — вот это и называется нуждой, о которой без слез и говорить невозможно. До чего обидно покупать сверлилки у австрийцев, да еще за такую неприятность платить настоящим золотом. Вот это — нужда, это и я понимаю, и вы понимаете!

Разумеется, это все понимали. И поэтому в словах Воленко, сказанных на бюро, были слова всех одиннадцати бригад:

— Мы не должны беспокоиться, что колонисты не поймут. У нас семьдесят девять комсомольцев и сто девяносто имеющих значок колониста! Как же они могут не понять? У нас два ужина — в пять часов и в восемь часов. Давно уже все недовольны: с какой стати два ужина, прямо времени не хватает ужинать. Допустим, первый ужин больше похож на простой чай. Все равно, а сколько хлеба съедают за этим чаем? И все колонисты очень недовольны. Нужно уничтожить первый ужин и не отнимать времени у колонистов. Потом мясо. Это давно уже доказано, что мясо вредно для здоровья, если его много есть, от этого бывает подагра, и Колька так

говорит. И я считаю — достаточно три раза в неделю мясо, а в другие дни — вредно. И не нужно к маю шить новые парадные. Самое главное — у нас хороший строй, красивый, если и старые парадные надеть, все равно всем понравится. Износились белые воротники, новые сшить,— нужно сто пятьдесят рублей. Ну, что же? Давайте без белых воротников, форма и так останется, главное — вензель. И ботинки новые не нужно покупать, а можно купить всем «спортсменки»,— гораздо дешевле и куда легче.

И еще много таких нашлось предметов в колонистской смете, уничтожение которых было и для красоты хорошо и для здоровья.

Захаров утвердил все сокращения расходов, предложенные комсомольцами, и даже первый ужин, к общему удовольствию, был уничтожен. Колонисты были глубоко уверены в том, что к концу года они соберут не триста тысяч, а гораздо больше.

В вестибюле, при входе в столовую, половина стены была еще с середины зимы занята огромной диаграммой, изготовленной Маленьким и художественным кружком. Возле диаграммы целый день толпился народ, потому что она забирала за живое.

На диаграмме был изображен фронт, настоящий боевой фронт. Наступление шло снизу. Там красная узкая лента изображала могучие силы колонистских цехов, разделенные на три армии: центр — металлисты, левый фланг — деревообделочники и правый фланг — девочки в швейном цехе. Каждая армия занимала по фронту больший или меньший участок в полном соответствии с величиной годового плана.

Центр — металлисты, конечно, составляли главные силы: годовой план производства масленок выражался очень солидной цифрой — миллион штук — миллион рублей. На левом фланге участок был меньше — деревообделочники должны были за год выпустить продукции на 750 тысяч рублей, а швейный цех, значительно обессиленный отливом людей к токарным станкам, имел план только в 300 тысяч. Таким образом, правый фланг занимал сравнительно небольшой участок фронта.

Наступление на диаграмме направлялось кверху. Вверху во всю неизмеримую ширину ватманского листа

нарисован был чудесный город: вздымались к небу трубы и башни, и чтобы уже никаких сомнений не было, по верхнему краю листа протянулась надпись:

ПЕРВЫЙ ЗАВОД ЭЛЕКТРОИНСТРУМЕНТА ТРУДОВОЙ КОЛОНИИ ИМЕНИ 1 МАЯ[1]

Узкая красная лента проходила довольно низко, а чудесный город стоял высоко, добраться к нему было нелегко: нужно было пройти огромные пространства ватмана, а по ним справа налево, как ступени трудного года, расположились прямые горизонтали дней. Ох, как много этих дней в году и как медленно нужно преодолевать их бесконечную череду! И каждый день имел свое название, названия были красивой славянской вязью выписаны слева и справа, подымаясь узкими колонками. На уровне чудесного города было написано:

31 декабря!!!

Да, так было написано — с тремя восклицательными знаками. Легко сказать: 31 декабря, когда сейчас только конец марта, и между мартом и декабрем каких только нет месяцев!

Когда эта замечательная диаграмма, украшенная рамкой из золота и кармина, первый раз появилась в вестибюле, колонисты были поражены ее сложностью и годовым размахом. В общем понимали, что нужно добраться до чудесного города и кто первый доберется, тот и поставит первый флаг на одной из башен города. Другие подробности были не вполне понятны. Через несколько дней с диаграммой освоились как следует и научились переживать дневные изменения в ней. Фронт, изображенный узкой красной лентой, медленно подвигался кверху. Каждый день рядом с ватманом появлялся на кнопках небольшой листок бумаги, в нем содержалась боевая сводка на сегодняшнее число.

Продвигался на диаграмме не только боевой фронт коммунаров. Синим шнурком изображен был и враждебный фронт: все хорошо знали, что главный враг колонистов — это медленное течение времени. Положили бы на сутки сто рабочих часов, вот тогда было бы дело!

---

[1] Колония имени 1 Мая — коммуна имени Ф. Э. Дзержинского.

А кроме того, находились и другие враги: плохой материал, плохие станки, плохой инструмент.

25 марта боевая сводка гласила:

«Вчера наблюдалось затишье. Центр выпустил продукции на 3 300 рублей и вышел на линию 29 марта, находясь впереди черты сегодняшнего дня на четыре перехода. Левый фланг — столяры — по-прежнему стоит на линии 15 марта, с этого дня они не выпустили продукции ни на одну копейку. Зато правый фланг продолжает преследование разбитого противника: девочки ведут упорные бои на позициях 18 апреля, обходя синих с фланга. На этом участке синие в беспорядке отступают, захвачено за один день 1 800 настоящих рублей...

Наши постоянные успехи на правом фланге, несмотря на отставание столяров, вынудили противника по всему фронту отвести свои войска на линию 26 марта — это значит, что вся колония по выполнению плана идет на один день впереди».

Ваня Гальченко и другие металлисты четвертой бригады любили по вечерам постоять перед диаграммой и полюбоваться успехами центра. Видно было, что синим плохо приходится под ударами литейщиков и токарей. Правда, у девчат было нестерпимо завидное положение: на правом фланге красная лента далеко вылезла вперед, в самом деле — на линию 18 апреля, когда сегодня только 25 марта! Девочки не останавливались перед диаграммой, а поглядывали на нее быстренько, пробегая мимо,— они стеснялись любоваться своими головокружительными достижениями. Пацаны оглядывались на девочек с деланным равнодушием. Лена Иванова и Люба Ротштейн остановились только для того, чтобы посмотреть, как мучаются от зависти металлисты. Ваня сказал:

— Девчонкам хорошо — что там... трусики!

Лена подняла перчатку:

— Как ты смеешь говорить: «девчонки»!

— Я ничего не говорю, я только... вообще трусики!

— Скажите, пожалуйста: «вообще»! А ты умеешь шить трусики?

Ваня Гальченко оглянулся на товарищей: в присутствии мужчин ему задают такой оскорбительный вопрос.

— Ха! Я буду шить трусики!

Ваня покраснел, потому что, действительно, разговаривать с ними трудно: с одной стороны, они все-таки девчонки и шьют трусики, с другой стороны, даже эти тринадцатилетние Лена и Люба стоят себе и посмеиваются, а в прическах у них ленточки, нарочно привязали, чтобы быть красивее. И черные чулки, и черные туфельки, и глаза, блестящие и хитрые, все у них не такое, и все у них задается. Ваня пробурчал дополнительно:

— Трусики шить это... ваше дело.

— Скажите, пожалуйста: наше дело! Просто ты не умеешь. А Ванда и Оксана все равно на токарном станке умеют, видишь?

Ваня отвернулся от диаграммы, захотелось выбежать во двор и там поискать менее волнующие впечатления. Ванда и Оксана делали за четыре часа по сто двадцать масленок, так почему? Соломон Давидович дал им самые лучшие станки, и ремонт у них делают всегда в первую очередь, и резцы у них лучше, и другие несправедливости. А только разговаривать о них не стоит, уже один раз разговаривали, и потом пришлось стоять перед Захаровым и молча помаргивать глазами, когда он говорил:

— Удивительное дело, откуда берется такое хамство? Чем вы можете гордиться перед девочками? Носы вытираете рукавом? Или еще чем? Сплетнями занимаетесь? Пересудами? Как сороки — соберетесь и языки в ход: у девочек станки лучше, у девочек резцы лучше... Раньше говорили: женщины занимаются сплетнями, а теперь выходит — мужчины!

Тогда незаметно вздыхали и соглашались с Захаровым. А потом все равно: как просил Петька Кравчук исправить патрон, разве исправили? А как поплакала Ванда над смятым своим ключом, так ей через час Волончук новый ключ нашел. И Ваня с расстроенным видом направляется к выходу, но навстречу ему громкий спор старших: Чернявин и Поршнев.

— Масленка! Ну, что такое масленка, синьор? Кусок плохой меди, у которого вы обдираете бока.

Поршнев улыбается ласково:

— Ты читал сводку? Три тысячи триста таких кусков! План! А у вас что? Стоите на линии пятнадцатого марта! Ужас! На линии пятнадцатого марта!

— Стоим! Чертежный стол, ты имеешь какое-нибудь понятие о чертежном столе? Это масленка? Масленку вставил в патрон — она сама делается,— через минуту взял, выбросил — готовую,— вообще дрянь! А стол нужно делать неделю, да не один человек, а пять, шесть. Вот выпустим партию, что вы запоете?

И Ваня снова стоит перед диаграммой. Ваня не может выслушивать подобную чепуху: сама делается! И Ваня поет перед диаграммой:

— «Не выпустили продукции ни на одну копейку»...

Игорь слышит это пение. Ванька Гальченко — его друг закадычный, и тот допекает!

Игорь говорит:

— Хочешь пари, Поршнев, что через неделю мы будем впереди вас?

— Нет,— спокойно говорит Поршнев,— не будете.

— Хочешь пари?

— Пари нельзя: будете волноваться, спешить, браку наделаете!

Ваня громко хохочет: сильный удар нанес Поршнев, очень сильный. В прошлом месяце целую партию аудиторных столов забраковала контрольная комиссия, тогда сам Штевель отдувался на общем собрании, а Чернявин сидел и помалкивал. И поэтому сейчас Игорь смущенно поводит плечами и говорит неуверенно:

— Конечно, это не масленка!

Штыковой бой [47]

«Положение на фронте на 10 мая»

Наш краснознаменный правый фланг энергично преследует разбитого противника. Сегодня девочки вышли на линию 30 июня, закончив план второго квартала.

В центре продолжается нажим металлистов. Выполняя и перевыполняя программу, металлисты вышли на линию 25 мая, идя впереди сегодняшнего дня на 15 переходов.

Левый фланг стоит на месте — на линии 15 марта. Но получены сведения из самых авторитетных источников (от Соломона Давидовича), что на левом фланге готовится решительная атака».

«Положение на фронте на 12 мая

Правый фланг, выполняя программу третьего квартала, вышел на линию 3 июля. Центр продолжает давление на синих, сегодня бои идут на семнадцать переходов впереди сегодняшнего дня на линии 29 мая.

На левом фланге сегодня не прекращается пушечная пальба — столяры полируют партию мебели».

«Положение на фронте на 14 мая

После кровопролитного штыкового боя наш славный левый фланг наголову разгромил синих, прорвал их фронт и бешено преследует. Взято в плен: 700 штук аудиторных столов, 500 чертежных столов, 870 стульев. Все пленные отполированы и сданы заказчику. Синие бегут, славные наши столяры сегодня вышли на линию 20 мая, идя впереди сегодняшнего дня на шесть переходов. Этот исторический бой имеет важнейшее значение: деморализованный противник по всему фронту находится очень далеко, наши части не могут его догнать! Колонисты, поздравляем вас с победой!»

Какие изменения произошли на диаграмме! Далеко-далеко отошла синяя линия врагов. У девочек она уже приближается к чудесному городу. Ваня Гальченко сегодня не может гордиться только своим «центром». Его захватывают общий успех колонии и красота кровопролитного штыкового боя у столяров. Ваня мечтательно всматривается в линию фронта, и его глаза ясно видят, как под синим шнурком прячутся японские и другие генералы, как оттуда смотрят их злые глаза. Ваня громко смеется:

— Ага! Побежали, смотрите!

Сегодня у диаграммы много столяров. Правда, их фланг еще отстает от других, но какой бой!..

Флаги на башнях [48]

Постройка корпусов завода была закончена, и, как всегда это бывает, именно теперь скопилась такая масса работы, что, казалось, ее невозможно когда-нибудь переделать. Кое-где стояли на фундаментах станки, другие станки еще прибывали и прибывали, и ставить их было негде: то фундамент не готов, то подсыпка не сделана. Колонистский двор, как ни берегли его, обратился все-таки в хаос. На новых зданиях стоят леса, везде разбросаны бараки, сараи, остатки досок, щебень, просто обломки кирпича, зияют известковые ямы, валяются разбитые носилки, куски фанеры, куски рогожи, и все это присыпано вездесущим строительным прахом, от которого нет спасения уже и в главном здании.

А рядом с новым заводом, «возникающим в хаосе» стройки, умирает старое производство Соломона Давидовича, и вокруг него распространяется такой же хаос, только это — хаос умирания.

В конце августа наступающие цепи колонистов вышли на линию 1 ноября, это в среднем по колонии; правый фланг, девочки, «теснили отступающего в панике противника» на линиях двадцатых чисел декабря, но все равно: завод Соломона Давидовича умирал. Токарные «козы» выбывали из строя одна за другой, в машинном отделении деревообделочного цеха было не лучше. Стадион, заваленный хламом обрезков, бракованных деталей, массой дополнительной приблудной дряни, представлял настолько отвратительное зрелище, что Захаров категорически запретил с наступлением холодов возвращаться в стадион для работы. Раза два в стадионе почему-то начинались пожары. Их легко тушили, оставались черные пятна обугленных участков, от этого стадион казался еще печальнее. Соломон Давидович говорил колонистам:

— Можно все перенести: можно перенести производственные неполадки, можно перенести новый завод, но нельзя переносить еще и пожары. Разве можно для моего сердца такие нагрузки? С какой стати?

Колонисты утешали Соломона Давидовича:

— Он все равно сгорит — стадион. Так и знайте, Соломон Давидович, он все равно сгорит.

— Откуда вы так хорошо знаете, что он сгорит?

— А это все колонисты говорят.

— Мне очень нравится: все колонисты говорят. Разве они не могут говорить что-нибудь другое?

— Про стадион? А что ж про него говорить? Это старый мир, Соломон Давидович! Его все равно нужно подпалить.

Соломон Давидович и обижался, и тревожился. Теперь он выдумал для себя моду приходить по вечерам к Захарову дремать на диване. Захаров спрашивал его:

— Почему вы не спите, Соломон Давидович?

— Новое дело, хвороба его забрала б!

— Какое дело?

— Очень смешное, конечно, дело: пожара ожидаю.

— В стадионе?

— Ну, а где же?

— Так почему вы думаете, что пожар случится в то время, когда вы не спите? Ведь загореться может и под утро?

— Это совсем другое дело: под утро! Никто не скажет: «Стадион загорелся, а Соломон Давидович спозаранку спать лег». А если я лягу и в двенадцать часов, так это будет прилично, как вы думаете?

— Это будет прилично.

— Ну вот, я и посижу у вас до двенадцати.

В конце августа приехал Крейцер, пробежал по цехам Соломона Давидовича, зашел к Захарову и сказал:

— Скажите этому вашему Володьке, пускай играет сбор бригадиров.

— Да ведь рабочее время.

— Все равно. Предлагаю немедленно прекратить работу. По-вашему, можно еще работать в этом самом механическом и в стадионе?

— Совсем нельзя.

— Давайте совет бригадиров!

— Даем!

Удивленные бригадиры и все колонисты в самый разгар рабочего времени услышали «сбор бригадиров». Никому не пришло в голову, что этот короткий, из трех звуков, сигнал наносит последний удар старому производству Соломона Давидовича.

Заседание продолжалось недолго. Крейцер предложил все силы колонистских бригад перебросить на

строительство, чтобы скорее привести в порядок новый завод и начать на нем работу. Колонисты встретили это предложение овацией. Воргунов и предложение и овацию выслушал с недоверчивой тревогой, присматривался к ребятам и задал только один вопрос:

— И леса они будут разбирать?

Бригадиры ответили недоуменными взглядами: они не поняли, в чем сущность вопроса, а Воргунов смотрел на них и не понимал их недоуменных взглядов. Соломон Давидович с осуждением пыхнул губами:

— Пхи! Леса разбирать! Если вы им предложите разобрать самого черта, так они разберут, к вашему сведению, и все сложат в порядке: лапы отдельно, копыта отдельно, а рожки и хвостик тоже отдельно. Вы можете спокойно произвести инвентаризацию.

Воргунов повернул к нему голову и произнес с сарказмом:

— Черта мне не приходилось, но думаю, что это все-таки легче, чем леса.

— Ошибаетесь. Черт, вы думаете, он себе будет сидеть и смотреть, как его разбирают? Он же будет кусаться!

Этот оригинальный спор разрешил Захаров:

— И Соломон Давидович и Петр Петрович запоздали с проблемой: и бог и черт давно разобраны и сложены в музеях. А леса мы разберем, Петр Петрович!

Воргунов сделал движение всем телом, которое обозначало, что он посмотрит, как колонисты разберут леса.

На другой день у диаграммы штаба соревнования особенно толпился народ. Боевая сводка гласила:

«Положение на фронте на 29 августа

Вчера наш краснознаменный правый фланг нанес последний удар противнику: годовой план швейного цеха выполнен полностью, девочки после короткого штурма взяли правые башни города, на башнях развевается красный флаг СССР.

Враг, потерявший всякую надежду на победу, приступил к эвакуации города. Надеемся, что завтра, несмотря на выходной, наши части левого фланга и центра вступят также в город!»

На диаграмме, действительно, было видно: на правой башне развевается красный флаг. Это замечательное событие так долго ожидалось, что просто глазам не верилось, когда оно наступило.

Четвертая бригада в продолжение целого дня ходила смотреть на диаграмму: действительно, на башнях стоит маленький, узенький красный флаг, и на нем написано: СССР. И на диаграмме было еще видно, как из города разбегаются враги: они были совсем не синие, они оказались черненькие, мелкие, довольно противные. Петр Васильевич Маленький нарисовал их тушью, и, видно, много времени ушло на эту работу, потому что врагов было очень много.

За ужином прочитали приказ. Было коротко сказано:

«Пятой и одиннадцатой бригадам прибыть на общее собрание в строевом порядке. Оркестру и знаменной бригаде быть в распоряжении дежурного бригадира».

И вечером на общем собрании состоялось торжество. Девочки вошли в парадных костюмах, их встретили знаменным салютом, а потом поздравляли и вообще хвалили. Конечно, у девочек не было таких «коз» и такого леса, как у мальчиков, но все-таки нельзя было отрицать, что они здорово поработали, и поэтому никто из мальчиков им не завидовал, а, напротив, все радовались и смотрели на девочек сияющими глазами.

На поздравление отвечала Оксана Литовченко, Игорь с гордостью слушал ее речь. Он гордился тем, что только он один любил Оксану, только он один понимал, какая это прелесть — Оксана! Никто другой не мог так хорошо сказать, как Оксана:

— Вот что я вам скажу, дорогие мои товарищи! Кто ж это и когда мог думать, что придут девчата в такую красивую комнату, а сорок хлопцев на серебряных трубах заиграют тем девчатам почет? А сами те хлопцы, которые играли и которые под знаменем нашим стоят, они вместе с нами и Соломоном Давидовичем, и с новым нашим главным инженером Петром Петровичем, и с другими людьми, а самое главное — с Алексеем Степановичем и с другими, которых здесь нет, а которые сейчас на работе, и с учителями наши-

ми, и с мастерами, и с рабочими — все как один человек послухали, что нам сказала партия большевистская, и что говорил нам Ленин... И послухали и работали как герои, а не как наймиты, и сделали сколько тысяч и сотен тысяч столов, и стульев, и масленок, и чертежных столов, и трусиков, и ковбоек; сделали и людям послали на потребу. И вот сейчас мы завоевали для себя и для нашей страны новый завод... Будем делать машинки, будем делать для Красной Армии, бо Красная Армия теперь должна не только пулями, а и машинами побивать врагов. И не для одной Красной Армии, а и для тех, кто мосты строит, и для тех, кто дома строит и дороги, и для всех трудящихся. И никто из колонистов, ни один человек не ховался в обозе, как говорит товарищ Киров, а только один, может быть, гад и до сегодняшнего дня живет между нами, и еще не покарала его наша рука. И вчера еще пропадали инструменты на заводе. Видели, как черненькие разбегаются из нашего города, которых нарисовал штаб соревнования? Такой же черненький и между нами живет. И девчата просят вас, товарищи колонисты: не нужно нам покоя и не нужно нам никакой радости, пока не найдем его и не... не арестуем. И девчата, еще просят чтоб такое торжество устроить тогда, когда найдем его, какого еще торжества не было у нас!

Вот какую речь сказала Оксана, и все слушали ее и забыли, кто на каких станках работал, кто на правом, а кто на левом фланге, а кто в центре. Сразу вспомнили и театральный занавес, и часы, серебряные часы Захарова, и прошлогодние пальто, и много всякого инструмента и добра, пропавшего в колонии. И вспомнили Воленко. И все согласились с ней, что, когда они найдут этого гада,— такой нужно праздник устроить в колонии, какого еще никогда и не было. А когда она кончила, все подумали, что ничего отвечать не нужно на такую речь — все понятно, и все одинаково думают. Но только взял слово для ответа... Воргунов. С каких это пор Воргунов просит слова на общем собрании? Что такое сделалось с Воргуновым?

...Колонисты с большим интересом смотрели, что будет дальше делать Воргунов. А он стал прямо против знаменной бригады, сразу поднял палец:

— Оксана Литовченко — так зовут эту девушку,

которая вот говорила,— бригадир пятой бригады! Так вот я, старик, старый инженер, кланяюсь низко и говорю: молодец Оксана Литовченко! Она говорила о самом главном: черненькие гадики ползают у нас под руками на каждом шагу и мешают работать. Я вам правду скажу: ехал я к вам и думал: э, что там, балуются с ребятами, какой там завод. Я не люблю подлизываться, и к вам не подлизывался и не буду подлизываться. А теперь присмотрелся, прямо говорю: с вами и мне по дороге. Скорее давайте приведем в порядок новый завод и скорее давайте работать. Черненьких всяких будем кипятком выварывать, вместе будем, хорошо?

Колонисты с радостью аплодировали старому инженеру: прибавилась еще подмога на боевых участках их фронта. А Воргунов продолжал:

— А только на работе я человек строгий. Не скажу: страшно строгий, но так... не полегче Алексея Степановича!

— Подходяще! — закричали колонисты.

— Подходяще? Тогда по рукам. И вы будете меня слушаться.

— А вы нас?

— Вас слушаться? Да, что ж, пожалуй, иногда и придется!..

На другой день боевая сводка объявила:

«Враг покинул стены нового города. Наши части по всему фронту вступили в город. Наши красные флаги развеваются на всех башнях. Последние силы врага залезли на территорию строительства и прячутся между бочками и ящиками в лесах и в кучах мусора. Часть засела в старом стадионе. Постановлением совета бригадиров решено в течение сентября месяца выбить их из последнего убежища, чтобы к празднику 7 ноября не осталось в колонии ни одного врага».

Что такое энтузиазм [49]

Воргунов считал: как раз будет хорошо назначить один месяц для приведения в порядок территории строительства, старых и новых зданий. Воргунов, вероятно, правильно рассчитал, что энергия одиннадцати бригад чего-нибудь стоит. Но уже 31 августа общее собрание постановило:

«1. При таком положении заниматься в школе все равно невозможно. Начало учебных занятий перенести на 15 сентября, с тем чтобы зимних вакаций не устраивать.

2. Работать без сигнала «кончай работу», а сколько влезет.

3. Работать по ответственным бригадным участкам.

4. Закончить работу к 15 сентября».

1 сентября все бригады вышли на работу сразу после завтрака — в одну смену. Этого Воргунов не ожидал. Он рассчитывал на 100 человеко-дней в сутки да еще сбрасывая 35 процентов на «детскую поправку». Но уже в конце первого дня увидел, что в его распоряжении полных восьмичасовых двести человеко-дней, а что касается поправки на малолетство, то здесь вообще трудно было что-нибудь разобрать. Во многих местах работа имела, безусловно, детский характер.

Строительная площадка вдруг приобрела новый вид. И раньше на ней работало до двухсот строителей: плотников, столяров, маляров, штукатуров, рабочих. И сейчас они были на своей работе, строительный организм остался тот же. А колонисты как будто даже и не изменили ничего существенно. Эти мальчики и девочки и меньше знают, и меньше у них физической силы, но зато они, как кровь в организме. Как кровь, они стремительны и вездесущи. Они пропитывают своим участием, словом, смехом, требованием и уверенностью каждый участок работы, везде копошатся их подвижные фигурки, что-то тянут, кряхтят, кричат, потом забеспокоятся вдруг, как воробьи, целой стаей срываются и уносятся на новую линию, где требуется помощь.

В самом корпусе, там, где почва идет под уклон, работают девочки. Их бригадам выпала трудная работа: высыпка. Сюда нужно поднести тысячи носилок земли, и пока этого не будет сделано, нельзя настилать полы, нельзя устанавливать фундаменты для станков.

Где-то, на каком-то секретном совещании девочки постановили работать бегом. В первый день этот способ всех поразил, но ребята говорили:

— Упарятся, куда ж там!

Но бегом девочки работали и на другой день, и на третий, а потом уже стало ясно: они не только не ума-

риваются, а, пожалуй, просто привыкают работать бегом. И тогда между ребятами пошли другие разговоры:

— Смотри ты: и с пустыми носилками бегом и с полными бегом!

Воргунова эти детские темпы начали уже и тревожить. Он все чаще и чаще заходит в здание и смотрит. Мимо него пролетает пара за парой и хохочут:

— Здрасьте, Петр Петрович! Как мальчишки там, не гуляют?

Вместе с колонистами работают и учителя и инструкторы. Пожилая инструкторша швейного цеха тоже бегает за девочками и застенчиво и счастливо протестует:

— Меня, старуху, загоняли, подлые девки. Им, понимаешь, это удобно: легкие они, а мне куда там за ними. Правда, они все-таки придерживают, когда со мной.

На готовой уже площадке, у почти сложенного фундамента сидит на земле старик-каменщик и смеется беззубым ртом.

— В жизни ничего такого не видел: это я тебе вот что скажу: до чего упорный народ! И все смеются, все цокотят. Смотришь, смотришь, аж зло берет; эх, коли мне помолодеть бы! Уж я пробежался бы, смотри какую и перегнал ба! Ох!

Он вдруг вскакивает и бросается вдогонку за Леной Ивановой и Любой Ротштейн.

Четвертой бригаде поручена работа специальная: они бьют щебень для бетона. Кирпичные остатки рассеяны по всей территории строительства, и они исчезают под молотками пацанов, как огонь под струей из брандспойта. Не успеешь оглянуться, а пацаны уже на новом месте сидят на корточках, постукивают молотками и, по обыкновению, спорят:

— Строгальный, если постель ходит, а если резец ходит, так это называется шепинг! Ох, там шепинг один стоит маленький, называется «Кейстон»!

— Шепинг — это тоже строгальный.

— Нет, строгальный — это если постель ходит.

— О! Постель! Какая постель!

— А так говорится!

— А потом ты еще скажешь: одеяло ходит! А потом скажешь: простыня ходит!

— Вечно спорите,— говорит Брацан, поглядывая на набитый щебень.— Давайте щебень на площадку.

— А чем будем давать? В руках, да?

— А носилки где?

— Девчата забрали, у них не хватает.

— Так беги, возьми у девчат.

— Ох, возьми, так они тебе и дадут! А с ними спорить, все равно в рапорт попадешь, а они, конечно, правы! И вчера набрехали, я даже ничего не говорил, а они сказали: грубиян!

Бригада Брацана на одном из самых почетных мест: асфальтовые тротуары! Раза три в день к колонии подъезжает автомобиль с котлом, в котором варится асфальт. По всей территории колонии протянулись сотни метров широкой дорожки. Сейчас она кое-где уже готова. В других местах только выкопаны земляные ящики, и бригада Брацана засыпает их щебнем и бетонирует.

У главного заводского корпуса бригада Похожая убирает леса. Разборка лесов — такая приятная работа, что из-за нее чуть не поссорились в совете бригадиры, пришлось тянуть жребий. А когда счастливый удел разбирать леса выпал девятой бригаде, Похожай прямо с совета побежал к главному корпусу и за ним побежала вся бригада. Воргунов больше всего беспокоится о девятой бригаде. Он стоит внизу и кряхтит от беспокойства. Сегодня разбирают леса в том месте, где здание делает поворот и где примостки и переходы чрезвычайно перепутаны. Двадцатиметровое бревно застряло и торчит в паутине лесов почти вертикально. Колонисты облепили его своими телами и стараются вытащить. Жан Гриф стоит на самой верхней доске и размахивает кузнечным молотом. На этот молот и поглядывает Воргунов, он еще не слышал никогда, чтобы леса разбирали при помощи кузнечного молота. Жан Гриф с оглушительным звоном пускает молот на соседний участок примостков, оттуда срывается несколько досок, и сам Жан пошатывается на своем узком основании. Сидящие пониже прячут головы, чтобы пролетающие вниз предметы их не зацепили. Воргунов переходит на «ты».

— Что ты делаешь? Что ты делаешь, безобразник?

— А что? — удивленно спрашивает Жан Гриф и за-

глядывает вниз. И вся девятая бригада смотрит сверху на Воргунова и старается понять, чего ему нужно.

Но Воргунов уже забыл о сокрушительном молоте Жана Грифа. Его внимание привлек маленький Синицын: по вертикально торчащему бревну он ползет вверх и держит в зубах веревку. Воргунов поднял обе руки и закричал, насколько позволял ему кричать низкий, хрипящий голос:

— Куда ты полез? Куда тебя черт несет?

Синицын тоже смотрит сверху на Воргунова и тоже спрашивает: — А что?

— Слезай сейчас же! Слезай, такой сякой, тебе говорю!

Бригадир девятой — Похожай — тоже сидит на верхних примостках и бузит:

— Пускай лезет! А то мы здесь до вечера провозимся. Он веревку привяжет и больше ничего.

— Да ведь бревно не укреплено! Бревно не укреплено!

— А куда ему падать? — спрашивает Похожай.— Мы, двенадцать человек, дергали, и то не падает.

Но спор не имеет значения. Синицын уже на верхушке бревна и привязывает веревку. Воргунов следит за ним немигающими глазами.

— Идемте, идемте, скажите что-нибудь. У меня волосы дыбом! Что они делают! Что они делают!

Губы у Дема дрожат, и смешно шевелятся пушистые усы. Воргунов посмотрел по направлению его руки и увидел картину действительно волнующую: на деревянной крыше сарая стоят человек пятнадцать и поют:

— И туда! И сюда! И туда! И сюда!

Они ритмически раскачиваются, и вместе с ними раскачивается на слабых ногах вся конструкция сарая. Раскачивается все больше и больше, трещат ее кости, начинают выпирать сквозь деревянные бока какие-то колья и концы досок. Воргунов побежал и что-то закричал колонистам. Но поздно: здание сарая рухнуло, тучи пыли и древесного пороха взлетели вверх, раздался страшный сложный треск, и в этом порохе и в этом треске провалились, кажется, провалились сквозь землю, все пятнадцать колонистов.

На секунду затихли их голоса, потом раздается смех, визг, обыкновенная возня мальчиков. Сарая нет,

а на земле лежит плоская груда всякого деревянного хлама, и из-под нее один за другим вылезают колонисты. Дем схватился за голову, убежал. Воргунов остановился, достал носовой платок, вытер лысину. Мальчики все вылезли из-под обломков и все начали смотреть на следующий сарай. Маленький ушастый Коротак закричал что-то и выбежал вперед. Вот он уже на крыше сарая и торжествует. Воргунов теперь уже не кричит. У него спокойные басовые нотки приказа:

— Эй, на сараях! Какая бригада?

— Десятая,— отвечает несколько голосов.

— Где бригадир?

— Есть бригадир, товарищ Воргунов!

Перед Воргуновым стоит Илья Руднев, невинными глазами смотрит на главного инженера и ожидает распоряжений. Тем же спокойным басом Воргунов говорит:

— Черт бы вас побрал, что это такое в самом деле!

— А что?

— Вы бригадир десятой? Ваша фамилия?

— Руднев.

— В качестве заместителя заведующего я, кажется, имею право вас арестовать.

Глаза Руднева удивленно настораживаются:

— За что?

— Кто это вам показал такой способ разборки?

— А чем плохой способ? Уже третий сарай повалили. Еще два осталось.

— Я решительно запрещаю, понимаете, запрещаю!

Руднев умильно смотрит в глаза Воргунова:

— Товарищ Воргунов! Давайте уже и эти два повалим! Все равно.

— Я не разрешаю.

— Что там... два сарая!

— Вы еще возражаете? Отправляйтесь на один час под арест. Немедленно!

— Есть, один час под арест,— салютует Руднев и, обернувшись к своей бригаде, кричит:

— Перлов, прими бригаду, я выбыл из строя!

Коренастый, широкоплечий Перлов тоже салютует:

— Есть, принять бригаду!

Он немедленно отдает распоряжение по десятой бригаде:

— Некогда ворон ловить! Бери его штурмом!

Десятая бригада полезла на крышу. И Воргунов сдался: он положил руку на плечо Руднева и произнес жалобно:

— Руднев, голубчик, прекратите! Нельзя такой способ!

— А как?

— Руднев, прекратите немедленно, они же шатаются, уже шатаются!

— Да вы не обращайте внимания!

Но Воргунов, наконец, взбеленился. Он кричал, ругался, приказывал и добился-таки своего: десятая бригада слезла с сарая. Потом в совете бригадиров Руднев в порядке самокритики говорил:

— Конечно, у нас наблюдалась непроизводительная трата энергии: два сарая разбирали два дня, когда можно было повалить их за пятнадцать минут, если применить рационализацию.

В конце площадки восьмая бригада валит лишние деревья, чтобы расширить цветники перед новыми зданиями. Здесь тоже рационализация: Игорь и Санчо распиливают толстый ствол поваленного дуба, а Данило Горовой сидит на стволе и благодушествует. К работающим подошел Захаров, и Данило покраснел и обратился к нему с жалобой:

— Вот новый бригадир, Алексей Степанович! Работать не дает.

Игорь оставляет пилу и дает объяснение заведующему:

— Абсолютно необходимая мера, Алексей Степанович! В данной обстановке Данилу нельзя рассматривать как двигатель! Ни в коем случае. Данилу нужно рассматривать как пресс, принимая во внимание его вес и спокойный характер. Другой колонист не мог бы усидеть на месте, пока мы пилим, а Данило усидит.

— Угу,— Захаров кивает головой.— Правильно. А как вы используете другие качества Данилы?

— Следующее качество: вес. Видите, Данило сидит на этом конце, Данило, улыбнись! Нам легче пилить, потому что этот дуб такой проклятый, как схватит пилу, ничего иначе не выходит.

— А может, выгоднее было бы товарища Горового использовать как дополнительную силу, тогда двое бы из вас пилили, а третий отдыхал.

— Абсолютно невыгодно. Пробовали: коэффициент полезного действия катастрофически падает.

Данило Горовой послушал-послушал и начал сползать со ствола.

— Ох, Алексей Степанович! Видите, внесли разложение в нашу трудовую семью!

Захаров засмеялся и ушел. Издали оглянулся и увидел: Игорь и Санчо пилят, а Данило сидит на стволе.

Всех бригад в колонии одиннадцать, и у каждой бригады ответственное поручение. И каждой бригаде должен уделить внимание Воргунов, и везде беспокоят его слишком «детские» темпы. За рабочий день накричится главный инженер, наволнуется, потом бредет к Захарову и говорит:

— Ну его... знаете... удивляюсь вам, как вы можете работать с этим народом!

А вечером Воргунов заскучал. Скучал, скучал, ходил между своими объектами, а потом не вытерпел, отправился в спальни. Пришел в девятую бригаду, сел на стул и сказал:

— Товарищ Похожай, вытащили то бревно?

— Какое бревно?

— А торчало такое... высокое.

— То, которое на углу, или то, которое возле литейного, или то, которое сзади?

Воргунов молча вытер лысину и успокоился:

— Ага... значит, три бревна, ну... бог с ними. А вы хорошо здесь живете. Чистенько и весело, наверное.

Потом они заспорили об энтузиазме. Похожай сказал:

— Вот как возьмемся за новый завод, Петр Петрович, с энтузиазмом возьмемся!

— Это как же... с энтузиазмом.

— А по-комсомольскому!

— Ага!

— А вы в энтузиазм не верите?

— Что это такое — верить? Я или знаю что-нибудь, или не знаю.

— А энтузиазм вы знаете?

— Энтузиазм знаю, как же. Но вот, например, вы геометрию знаете?

— Знаем.

— Какая формула площади круга?

— Пи эр квадрат.

— Как можно эту формулу изменить при помощи энтузиазма?

— Ну, так это само собой! Энтузиазм совсем не для того, чтобы формулы портить.

— А вот вы сегодня испортили не одну формулу.

— Когда мы испортили?

— А вот, когда леса разбирали.

— А какие ж там формулы?

— Там на каждом шагу формулы. Если бревно стоит, оно на что-нибудь опирается. Есть определенные законы сопротивления материалов и так далее. По этим законам есть и советский закон: нельзя так разбирать леса. А вы, как папуасы, полезли, полезли, веревку в зубах потащили. А Руднев со своей бригадой как сараи валил? Сколько он формул испортил? А формулы портить, сами говорите, нельзя.

Девятая бригада закричала, возмутилась, сейчас же нашлись и возражения:

— А на войне как? А если на войне. Тоже формулы?

— А как же?

— По формулам? На войне?

— Ребятки мои! Война — это дело серьезное: умирать ты обязан за Родину? Вот тебе и первая формула! Правильно? Ага! Замолчали? А глупо умирать ты имеешь право?

— Как это глупо?

— А вот так: вылезешь просто на окоп и начнешь руками размахивать, а тебя и ухлопают! Имеешь право?

— Это если кто захочет...

— Ничего подобного. Никто не имеет права этого хотеть. Ты боец, ты нужен, не имеешь права! Ага? Замолчали. Ну, до свидания. Завтра я вам не позволю формулы портить.

Поднялся и ушел. А девятая бригада посмотрела ему вслед, и Похожай сказал:

— Смотри ты какой? Он против энтузиазма!

— Да нет, он не против!

— Как не против?

— Против.

— Нет, не против.

И пошел из девятой бригады этот вопрос гулять по всей колонии. Все и на работе и во время отдыха старались разрешить его как можно правильнее.

Пока происходили эти теоретические изыскания по вопросу об энтузиазме, работа на строительстве шла в прежних темпах и Воргунову не всегда удавалось отстоять свои формулы. К 15 сентября строительную площадку нельзя было узнать: обнажились прекрасные горизонтали зданий, клумбы и дорожки нарядной лентой окружили их; в цехах среди блестящих новизной полов аккуратными рядами строились станки. Кое-где продолжали еще работать штукатуры, и жизнь для них наступила тяжелая. При входе на завод стали часовые с винтовками, и улеглись на полу сухие и влажные тряпки.

— Товарищи, вытирайте ноги.

— Ась?

— Ноги вытирайте.

— Это я?

— Вы. Пожалуйста, вот тряпка.

— Да я — штукатур, дорогой!

— Все равно.

— Да где ж такое видано, чтоб штукатуры вытирали ноги?

— Значит, видано.

Штукатур трет подошвы, привыкшие никогда нигде не вытираться, и, пораженный, рассматривает часового. А потом штукатуры ходили жаловаться к Воргунову и Захарову. Воргунов ответил им: — И ты вытирал?

— Вытирал.

— И не умер?

— Да чего ж там умереть...

— Ну и хорошо.

А Захаров сказал: — Ничего не могу поделать. Они и меня заставляют.

— Да ну? И тебя!

— Так ничего и не вышло.

15 сентября на общем собрании Воргунов докладывал об окончании работ, очень хвалил все колонистские бригады, а про формулы ничего не сказал. После собрания спросил у него Похожай:

— Все-таки отвечайте, есть энтузиазм или нету?

Воргунов хитро отвернулся:

— Это еще иначе называется, друзья: это честность, это любовь, это душа! Душа у вас есть?

— Душа? Должна быть...

— То-то ж! Вот это и есть энтузиазм.

ПОЛОЖЕНИЕ О ДИСЦИПЛИНАРНЫХ ВЗЫСКАНИЯХ И ПООЩРЕНИЯХ КОММУНАРОВ НА ПРОИЗВОДСТВЕ [50]

А. Общая часть

1. Трудовая дисциплина состоит в сознательном и точном исполнении коммунарами своих обязанностей, беспрекословном и быстром выполнении приказов и распоряжений своих начальников и руководителей.

2. Трудовая дисциплина обязывает каждого коммунара бережно и аккуратно обращаться с инструментом, станками, материалами и вообще с заводским имуществом, а также выполнять нормы выработки, установленные в производстве и обеспечивающие выполнение производственной программы.

3. Трудовая дисциплина, основанная на социалистическом соревновании и ударничестве, имеет целью укрепить в каждом коммунаре сознательное отношение к труду, а потому в целях воспитания у коммунаров вышеуказанного отношения к труду и в целях борьбы с нарушением трудовой дисциплины на производстве настоящим положением устанавливаются нижеследующие дисциплинарные взыскания и меры поощрения.

Б. Виды дисциплинарных взысканий

1. К коммунарам применяются следующие дисциплинарные взыскания:

а) удаление с работы в производстве на одну смену;
б) представление к более строгому взысканию;
в) перевод на низшую работу;
г) назначение дополнительной работы;
д) выговор в приказе;
е) снижение разряда;
ж) занесение на черную доску;
з) выговор перед строем;
и) удаление с производства (на срок) до трех месяцев;
к) полное удаление с производства.

2. За один и тот же поступок может быть наложено только одно дисциплинарное взыскание.

3. Наложение дисциплинарного взыскания должно следовать не позднее одного дня со дня совершения проступка. До наложения взыскания должно быть истребовано от коммунара объяснение.

4. При определении меры дисциплинарного взыскания должны учитываться:

а) степень тяжести совершенного проступка;
б) вред, причиненный проступком;
в) обстоятельства, при которых совершен проступок.

В. Лица и органы, накладывающие дисциплинарные взыскания

1. Дисциплинарное взыскание в виде удаления коммунара с производства на одну смену, а также представление его к более строгому взысканию принадлежит инструктору.

Причем представление о наложении взыскания инструктор делает своему мастеру.

2. Дисциплинарные взыскания в виде перевода на низшую работу, назначения дополнительной работы, выговоры в приказе могут налагать мастер и начальник отдельного производства.

Кроме того, мастер и начальник отдельного производства могут делать представления заведующему производственным обучением на снижение разряда за систематическое невыполнение норм и систематический брак.

3. Дисциплинарные взыскания в виде занесения коммунара на черную доску, объявления выговора перед строем и удаления коммунара с производства до двух недель могут налагать «тройка» в составе секретаря совета командиров, секретаря совета бригадиров и заведующего производственным обучением, а также главный инженер и начальник производственной части. Мера дисциплинарного взыскания — удаление коммунара с производства от двух до трех месяцев — может применяться также вышеуказанными лицами с последующим утверждением совета командиров.

4. Дисциплинарное взыскание в виде полного удаления коммунара с производства применяется советом командиров как по представлению главного инженера и начальника производственной части, так и по своему непосредственному усмотрению.

5. Если коммунар в течение года не совершит нового проступка, то он считается не подвергавшимся взысканию и запись о взыскании в личной карточке аннулируется.

Г. Меры поощрения

1. Для отличия и поощрения примерных ударников коммунаров и для развития социалистического соревнования среди коммунаров устанавливаются следующие меры поощрения:

а) перевод на лучшую работу;
б) повышение в разряде;
в) премирование;
г) представление на должность помощника инструктора;
д) представление на должность инструктора.

2. Допускается соединение нескольких мер поощрения.

Д. Лица, представляющие к поощрению

1. Право перевода коммунара на лучшую работу, а также представление о повышении коммунара в разряде или о премировании его принадлежит инструктору. Причем перевод на лучшую работу инструктор делает самостоятельно, а представление о повышении в разряде коммунара или о его премировании инструктор делает через мастера.

2. Право представления коммунара на должность помощника инструктора или должность инструктора принадлежит мастеру и начальнику отдела производства.

Назначение коммунара на должность помощника инструктора или инструктора принадлежит главному инженеру.

Указанные в настоящем пункте поощрения должны согласовываться с советом командиров.

Е. Жалобы

1. Жалобы коммунаров на неправильное наложение административно-техническим лицом или органом дисциплинарных взысканий разрешаются вышестоящим лицом или органом.

2. Жалобы подаются в письменной форме через заведующего производственным обучением не позднее трех дней после объявления коммунару о наложении взыскания, однако обжалование не приостанавливает исполнение взыскания.

3. Жалоба должна быть рассмотрена в течение трех дней.

Ж. Учет дисциплинарных взысканий и мер поощрения

1. Все дисциплинарные взыскания и виды поощрения, применяющиеся к коммунарам согласно настоящему положению, должны строго регистрироваться путем занесения в личные карточки коммунаров, ведущиеся у заведующего производственным обучением.

2. Если коммунар в течение производственного года получил свыше трех дисциплинарных взысканий, заведующий производственным обучением должен немедленно докладывать об этом в совете командиров для определения дальнейших мероприятий в отношении данного коммунара.

3. Заведующий производственным обучением немедленно должен о всех случаях наложения дисциплинарных взысканий на коммунара ставить в известность начальника педагогической части, а в отношении комсомольцев также должен сообщать и в бюро комсомола.

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ РАЗВИТИЯ ПРОИЗВОДСТВА В КОЛОНИИ ИМЕНИ А. М. ГОРЬКОГО И КОММУНЕ ИМЕНИ Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО[51]

I. Колония имени А. М. Горького (1920—1928 гг.)

30 августа 1920 года

Полтавским губернским отделом народного образования открыта трудовая колония под Полтавой. Хозяйство колонии состояло из пяти старых каменных флигелей и земельного участка — 12 десятин неплодородной земли.

3 сентября 1920 года

Заведующим Полтавской трудовой колонией назначен Антон Семенович Макаренко.

Январь 1921 года

В распоряжение колонии передано разрушенное имение бывших помещиков братьев Трепке, рядом с Ковалевкой. Здесь до 80 десятин земли, в том числе 40 десятин пахоты, луг и сад. Почва хорошая, но для восстановления хозяйства требуются огромные затраты труда, большие материальные ресурсы. Колония же испытывает большую нужду в продуктах. Единственное «тягло» в колонии — дряхлый мерин, а сельскохозяйственный инвентарь — старенькая сеялка. Тем не менее А. С. Макаренко сумел поставить перед колонистами увлекательную перспективу восстановления трепкинского имения, зажег их энтузиазмом, верой в новую жизнь. Это было первым шагом на пути создания коллектива колонии.

Апрель 1921 года

Под руководством завхоза колонии Калины Ивановича Сердюка начаты первые сельскохозяйственные работы. Появилась вторая лошадь, из обломков колонисты смастерили что-то вроде плуга. Колонисты Супрун, Братченко, Архангельский и другие стали первыми пахарями. Начали работать кузница и столярная мастерская колонии. Переживание чувства хозяйской заботы и ответственности за дела своей колонии делало даже этот примитивный труд действенным воспитательным средством. Организация отрядов по производственному признаку помогает оформить коллектив, укрепить его.

Осень 1921 года

Окрестные кулаки-хуторяне пытаются захватить лучшие земли колонии. В острой борьбе колонисты отстояли свои права на землю. 12 десятин засеяли озимыми, подготовили яровой клин. Стремясь покончить с позорным прошлым колонистов, Макаренко организует их на активную борьбу с хищениями государственного леса, с самогоноварением на хуторах и т. п. Борясь со старым миром вокруг колонии, колонисты в то же время перековывали самих себя. Понемногу растет хозяйство колонии: появляется корова, еще одна лошадь, несколько арб. Но все это — старое, бракованное...

В конце 1921 года колонии присвоено имя А. М. Горького.

Весна 1922 года

По договору с местной РКИ колония получает трех лошадей. Этот маленький хозяйственный успех окрылил горьковцев, и они с удвоенной энергией включаются в весенние работы. Всего засеяно 60 десятин: озимой и яровой пшеницы, ржи, овса, картофеля, свеклы. Труд был вложен огромный, но все это делалось без должных агрономических знаний.

Июль 1922 года

На лугу в разгаре сенокос. Колония готовится к жатве зерновых. Общими усилиями убран первый урожай, впервые в колонии состоялся праздник «первого снопа», ставший впоследствии традиционным для колонистов-горьковцев. Макаренко и в дальнейшем уделял большое внимание эстетике детского труда, стремясь прочно связать в сознании и чувствах своих воспитанников труд с наиболее яркими и счастливыми моментами жизни коллектива.

Весна 1923 года

Сельское хозяйство колонии понемногу растет, но продолжает оставаться по-прежнему убыточным. Колонисты работают очень много, но, как писал А. С. Макаренко в «Педагогической поэме»,— «Калина Иванович был плохим агрономом, имел самые дикие представления о севообороте и о технике посева, к тому же и поля мы получили от селян страшно засоренными и истощенными» [1].

Коллектив колонии продолжает развиваться и крепнуть. Важным шагом в этом направлении явилось введение сводных отрядов, способствующих развитию отношений взаимоподчинения в коллективе.

Лето 1923 года

В колонии создана и начала работать комсомольская организация. Это было большой победой горьковцев над своим прошлым, они почувствовали себя настоящими людьми, полноценными гражданами.

14 апреля 1924 года

В колонии приступил к работе Николай Эдуардович Фере (в «Педагогической поэме» — Эдуард Николаевич Шере). Фере, по характеристике А. С. Макаренко, оказался для колонии незаменимым человеком. В его лице сельское хозяйство колонии получило мощное подкрепление. Своими знаниями и трудоспособностью Фере оказал большое воспитательное влияние на колонистов. Ближайшим помощником нового агронома становится Калабалин, меняет свое отношение к труду Приходько, многие ребята по-настоящему увлеклись сельским хозяйством и полюбили его.

Лето 1924 года

Усиленно ведутся работы по благоустройству новой колонии (в Ковалевке): строится оранжерея, ремонтируются дома, разбиваются дорожки, клумбы и т. д. Стремясь возбудить у воспитанников интерес к новому делу, Антон Семенович привозит с опытной станции двух породистых поросят.

Начало июля 1924 года

Колония получила в аренду на два года паровую мельницу. Это значительно расширило хозяйственные горизонты горьковцев. Мельница, обслуживавшая крестьян соседних деревень и хуторов, укрепляла связи колонистов с крестьянской беднотой, что способствовало росту классового чутья и политической сознательности горьковцев.

Июль — август 1924 года

В колонии строится новый коровник, возле которого колонисты разбивают цветник. Макаренко использовал каждую возможность для внесения в труд и быт элементов культуры, эстетики. Обновляется и становится понемногу товарным животноводческое хозяйство колонии, особенно свиноводческая ферма. Отряд свинарей изучает передовые приемы зоотехники, механизирует на ферме все службы. Такая организация дела поворачивала ребят лицом к знаниям, к к школе. Даже самые отсталые и великовозрастные колонисты в это время начинают учиться.

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. I, с. 180.

Август — сентябрь 1924 года

Хозяйство старой колонии понемногу ликвидируется, весь коллектив воспитанников и воспитателей переходит в новое имение. Завершался почти четырехлетний период восстановления и строительства второй колонии горьковцев, в ходе которого вырос и окреп организационно и хозяйственно коллектив. В это время колония провожает на рабфак первую группу старших воспитанников.

Февраль — март 1925 года

Развернулись работы в парниковом хозяйстве колонии. Выращивается рассада капусты, помидоров, цветов. Интересно, что отличавшийся ленью колонист Галатенко увлекся цветоводством и часами работал в оранжерее. Разведение цветов стало для него таким же любимым делом, как для Братченко уход за лошадьми. Широкий размах в колонии получает опытническая работа.

30 августа 1925 года

Колония отпраздновала свое пятилетие. В «Очерке работы Полтавской колонии имени М. Горького» А. С. Макаренко писал: «В течение пяти лет колония развивала свое хозяйство, в последние годы взяв курс на животноводство. К юбилею мы имеем 8 лошадей, 5 коров, 7 штук молодняка, 30 овец, 70 свиней английской породы» [1]. Намечено ввести в программу школьных занятий курс агротехники, выделен специальный участок для опытнической работы.

15 мая 1926 года

Колония имени М. Горького переведена в Куряж (в 8 *км* от Харькова), в усадьбу где помещался детский дом Всеукраинской комиссии помощи детям. Все хозяйство из Ковалевки было вывезено на новое место: и оборудование, и инвентарь, и инструмент, и даже скот. Тем не менее переезд был ощутимым ударом по сложившемуся хозяйству. «Нигде так не ощущается великое значение заложенного в прошлом труда, как в сельском хозяйстве,— писал позднее А. С. Макаренко в «Педагогической поэме».— Мы очень хорошо знали, чего это стоит — вывести сорняки, организовать севооборот, приладить, оборудовать каждую деталь, сберечь, сохранить в чистоте каждый элементик медленного, невидного, многодневного процесса» [2].

Конец мая 1926 года

В Куряжской колонии развернулась напряженная работа одновременно на многих участках. Благоустраивалась территория усадьбы бывшего монастыря, была разобрана крепостная стена и из нее возводился фундамент большой свинарни, колонисты закладывали новый сад, засыпали ямы, овражки, провели дорожки, поставили скамейки.

Одновременно горьковцы напряженно трудились на 100 гектарах земельного участка: пололи, высаживали поздние сорта огородных культур, разбивали большой баштан. Сводный отряд Калабалина

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. I, с. 697

[2] Там же, с. 418.

очистил от ила и тины запущенный пруд, который вскоре стал любимым местом отдыха колонистов.

В процессе всей этой напряженной работы коллектива преобразовывались и становились горьковцами куряжане.

5 июля 1926 года

В Куряжской колонии имени Горького торжественно проведен традиционный праздник труда — «Первый сноп», явившийся на этот раз своеобразным завершением знаменитой куряжской операции.

Ноябрь — декабрь 1926 года

В колонии начала работать механическая деревообделочная мастерская, где колонисты приступили к изготовлению первого заказа: делали ульи для местного общества пчеловодов. Мастерская, оснащенная станками, на которых работали старшие колонисты, вскоре стала выполнять заказы крупных предприятий и играла большую роль в трудовой подготовке горьковцев.

Весна — лето 1927 года

Колония получает трактор, а вслед за ним второй — подарок шефов (ГПУ Украины). Это помогает механизировать сельскохозяйственный труд колонистов, научить их обращению с передовой для того времени техникой. Успешное овладение работой на тракторе вызывает у воспитанников Макаренко чувство законной гордости за свой коллектив и свой труд.

Осень 1927 года

Хозяйство колонии, особенно свиноводство, становится высокорентабельным.

Труд горьковцев в этом хозяйстве был центром организации всей многообразной культурной жизни коллектива колонии.

Весна 1928 года

Колония готовится к приезду А. М. Горького. В трудных условиях холодной погоды колонисты особенно тщательно проводят все весенние полевые и огородные работы. Старшие закладывают огромную клумбу в честь гостя с вензелем из цветов «М. Г.», малыши готовят в подарок А. М. Горькому живой уголок.

8 июля 1928 года

Приехавший накануне в Куряж А. М. Горький осматривает хозяйство колонии: цветники, оранжерею, сад, молочную ферму, конюшню, свинарню. Вместе с А. С. Макаренко на тракторе с жаткой Алексей Максимович выезжает в поле, где началась косьба вико-овса. А. М. Горький с косой в руках становится в ряд ребят.

В тот же день А. М. Горький присутствовал при передаче представителям донбасского завода очередного вагона продукции, изготовленной в механической деревообделочной мастерской колонии.

3 сентября 1928 года

Вследствие неправильного отношения работников Наркомпроса Украины к его опыту, Макаренко вынужден был уйти из колонии Горького в трудовую коммуну имени Дзержинского.

II. Коммуна имени Ф. Э. Дзержинского (1927—1935 гг.)

29 декабря 1927 года

Торжественное открытие коммуны. Вручение коллективу коммунарского знамени от Коллегии ГПУ УССР.

11 мая 1928 года

В коммуне работают деревообделочная, слесарная и швейная мастерские. Начали выполнение заказов: в слесарной мастерской — ячеек для билетов городской станции железных дорог, в деревообделочной — шкафов и т. п.

Февраль 1929 года

Производство коммуны топчется на месте. Шкафы делали вручную, они выходили дорогими, убыточными. У слесарной мастерской не было заказов.

Май 1929 года

Коммуна получает заказ на театральную мебель (тысячу с лишним мест) для клуба строителей в Харькове. Выполнение заказа связывается с перспективой похода в Москву. Коммунары страстно и напряженно работают по 8 часов в день в деревообделочной мастерской.

16 июня 1929 года

Сдан заказ строителей. После погашения долгов у коммунаров остается 4000 рублей чистой прибыли на московский поход.

Август 1929 года

«Дни для коммуны настали трудные — новый зав. производством был человек ленивый, он продолжал производство клубной мебели, но все у него валилось из рук: как ни старались коммунары, а все убытки и убытки. Материала нет, мастеров хороших нет, договора невыгодные, а спросить не с кого» [1].

Ноябрь 1929 года

«Нас заедала плохая организация производства. Зав. производством крыли на каждом общем собрании, крыло бюро (комсомола — *Л. Г.*), а он твердил только одно: подождите, все будет прекрасно» [2].

24 декабря 1929 года

В коммуне организуется пошивочный цех, деревообделочный цех расширяется. Это было первым шагом в переходе от мастерских к цехам полукустарного производства.

13 марта 1930 года

Коммуна приобретает три старых токарных станка и литейный барабан. Начинается массовое производство масленок, кроватных углов, стандартной мебели. Перспектива создания своего завода с настоящим современным производством, социалистическое соревно-

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. II, с. 422.
[2] Там же, с. 422—423.

вание и педагогически целесообразная организация разносторонней культурной жизни коллектива коммунаров помогают Макаренко преодолеть технический примитивизм и однообразие производственных процессов в коммуне на этом этапе.

10 апреля 1930 года

Введена зарплата для коммунаров, что, благодаря умелой педагогической инструментовке, приводит к усилению ответственности за выпускаемую продукцию и повышению производительности труда. Одновременно новый состав совета коммунаров IX созыва усиливает борьбу с неполадками производства.

1 июня 1930 года

Коммуна перешла на полную самоокупаемость. Получаемая прибыль позволяет начать постройку сборного цеха деревообделочной мастерской, в котором ежедневный выпуск продукции вскоре достиг 3000 рублей.

Сентябрь 1930 года

«Комсомол принял самое деятельное участие в производстве... Именно в это время комсомол в коммуне стал действительно руководителем коллектива» [1].

15 сентября 1930 года

При коммуне открылся рабфак машиностроительного института.

Октябрь 1930 года

Силами коммунаров построена дорога от коммуны до Белгородского шоссе.

Работа на полукустарном производстве в это время продолжается, но она все меньше удовлетворяет коммунаров из-за своей примитивности. Коммунары увлекаются рабфаком, строят планы создания нового завода.

Февраль 1931 года

В коммуне горячо обсуждается проект нового завода. Решено строить завод электроинструментов. Появляется группа инженеров.

13 марта 1931 года

Утвержден проект строительства нового завода, общежития, клуба, гаража.

13 мая 1931 года

Торжественная закладка завода и спального корпуса.

21 июня 1931 года

Утвержден проект реорганизации производства в коммуне.

17 сентября 1931 года

Утвержден проект строительства дома ИТР и установлен срок выпуска первой электросверлилки: 1 апреля 1932 г.

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. II, с. 424.

18 сентября 1931 года

«Объявлен первый коммунарский штурм окончанию строительства. Штурмовые колонны коммунаров бросились на непривычную работу: бетонирование, подноска кирпичей, разборка лесов, планирование площадок, устройство цветников. Конец работы был назначен на 7 ноября, но в успехе многие сомневались» [1].

7 ноября 1931 года

«На торжественном заседании коммуна рапортует об успешном окончании строительства завода и спален и монтажа станков» [2].

11 января 1932 года

Досрочно выпущена первая электросверлилка «ФД-1».

2 февраля 1932 года

Утверждена годовая программа выпуска электросверлилок: 7000 штук.

28 мая 1932 года

Впервые выпущено 50 электросверлилок в день.

2 июня 1932 года

Начато проектирование производства фотоаппаратов «ФЭД».

21 июня 1932 года

Начато проектирование электрошлифовалки «ФЭД-2» и электросверлилки «ФД-3». Организовано экспериментальное бюро по разработке фотоаппарата «ФЭД». Завод электроинструмента переведен на хозрасчет.

Утверждено строительство бани-прачечной, водопровода и канализации.

30 июля 1932 года

За июль выпущено 1102 сверлилки (вместо 1000 по плану).

26 октября 1932 года

Выпущены первые три фотоаппарата «ФЭД».

31 октября 1932 года

Экспертизой профессоров и специалистов Государственного оптического института аппарат «ФЭД» признан не уступающим заграничному образцу, с некоторым преимуществом в оптической части.

9 ноября 1932 года

Начало строительства жилого дома для рабочих и инженеров завода «ФЭД». Организовано управление строительством завода.

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. II, с. 426

[2] Там же.

14 ноября 1932 года

Начато изготовление технического проекта завода «ФЭД» производительностью 30 000 фотоаппаратов в год.

16 ноября 1932 года

Утверждена новая схема управления завода электроинструментов. Создано оргбюро по строительству завода фотоаппаратов.

27 ноября 1932 года

Утверждены контрольные цифры промфинплана на 1933 г. (7000 сверлилок «ФД-1» и 1000 — «ФД-3», штативов к ним соответственно 1750 и 250, электрошлифовалок «ФД-2» 1500).

13 декабря 1932 года

В коммуне создан инженерно-технический совет.

26 декабря 1932 года

Досрочно выполнена годовая производственная программа.

28 декабря 1932 года

Выпущена первая в СССР серия пленочных фотоаппаратов.

29 декабря 1932 года

Коммуна отпраздновала свое пятилетие.

Январь — февраль 1933 года

Начат выпуск электрошлифовалок «ФД-2».

Весна — лето 1933 года

Строительство корпусов завода «ФЭД», школы, корпуса спален, окончание строительства второго дома для рабочих и инженеров.

25 июня 1933 года

338 коммунаров успешно выдержали испытания после учебного года на рабфаке.

28 июня 1933 года

Выполнено 67% годового плана: выпущено 7668 электросверлилок.

Сентябрь 1933 года

В новом здании начала работать полная средняя школа-десятилетка. Одновременно в коммуне создаются специальные курсы по подготовке в вузы, а также курсы типа фабзавуча по повышению производственной квалификации и технических знаний коммунаров.

8 июля 1934 года

Комитет комсомола коммуны постановил выделить стипендии имени 15-летия ЛКСМУ лучшим коммунарам-комсомольцам, поступившим в вузы, в размере 50 руб. в месяц. Одновременно по постановлению педагогического совета выпускнику школы, поступившему в вуз, выплачивалось единовременное пособие в размере 600, 400 или 300 руб. в зависимости от отношения к учебе, труду и общественной работе.

1935 год

Завод «ФЭД» расширился, состоит из четырех корпусов. Перед заводом — сквер, цветники, молодой сад. Растет производительность труда, многие коммунары выполняют 200—300% плана. Среди воспитанников коммуны появляются рационализаторы и изобретатели. На заводе коммуны работают инженеры — из числа бывших коммунаров, окончивших вузы.

ПРИМЕЧАНИЯ К ЗАГОЛОВКАМ

1. **В воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов.** Под этим названием в первой части настоящего сборника объединены наиболее важные теоретические работы А. С. Макаренко по вопросам трудового воспитания. Для заголовка использованы слова А. С. Макаренко из лекции «Воспитание в труде» (наст. сб., с. 107).

2. **На педагогических ухабах.** 12-я глава первой части «Педагогической поэмы». Опубликована впервые в 1933 г. в альманахе «Год XVIII». Авторский машинописный текст этой главы был разыскан в 1951 г. Подлинный авторский текст был опубликован в седьмом томе первого издания сочинений А. С. Макаренко (М., 1952).

В этой главе Макаренко впервые высказал мысль, которую впоследствии много раз повторял и развивал: труд является действенным воспитательным средством не сам по себе, а лишь будучи включенным во всю систему средств воспитательного коллектива.

3. **Педагоги пожимают плечами.** Статья написана для юбилейного сборника коммуны имени Ф. Э. Дзержинского «Второе рождение», подготовленного выездной бригадой газеты «Комсомольская правда» к пятилетию коммуны (29 декабря 1932 г.). Сборник был издан небольшим тиражом. Поэтому эта статья стала известна широкому читателю лишь в 1946 г., когда вышла книга «А. С. Макаренко. Избранные педагогические произведения» (сост. И. Ф. Козлов).

Статья «Педагоги пожимают плечами» освещает основные направления воспитательной деятельности коммуны: организация коллектива, соединение образования с трудом, воспитание сознательной дисциплины.

4. **Трудовое воспитание.** В январе 1938 г. А. С. Макаренко прочитал цикл лекций для работников Наркомпроса РСФСР под общим названием «Проблемы школьного советского воспитания». В настоящем сборнике помещена часть четвертой лекции. Впервые стенограмма лекции была опубликована полностью в сборнике «А. С. Макаренко. Избранные педагогические произведения» (М., 1946).

В этой лекции Макаренко наиболее полно излагает свои взгляды на трудовое воспитание как составную часть всего воспитательного процесса.

5. **Из опыта работы.** Отрывок из одноименного доклада А. С. Макаренко на совещании учителей Ярославской железной до-

роги 29 марта 1939 г. Это было последнее выступление Антона Семеновича (он умер 1 апреля 1939 г.).

Опираясь на выводы из своего педагогического опыта, Макаренко горячо отстаивает идею соединения обучения с производительным трудом как основу всей учебно-воспитательной работы школы, критикует формализм в школьной практике того времени.

6. **Докладная записка об организации свободной мастерской.** В 1928 г., в начальный период работы коммуны имени Ф. Э. Дзержинского, А. С. Макаренко обращается к правлению коммуны с предложением о создании свободной мастерской, которое вскоре было осуществлено на практике. Впервые «Записка» была опубликована в седьмом томе второго издания сочинений А. С. Макаренко (М., 1958).

7. **Свободная мастерская.** Под этим заголовком помещен одноименный отрывок из «Методики организации воспитательного процесса», написанной Макаренко в 1935—1936 гг. Эта работа стала известна широкому читателю в 1948 г. («А. С. Макаренко. Педагогические сочинения». Сост. А. Г. Тер-Гевондян. М., 1948). Позднее «Методика организации воспитательного процесса» была включена в сочинения А. С. Макаренко (т. V, 1958).

8. **Воспитатель.** Текст составлен из подготовительных материалов к «Педагогической поэме», не вошедших в отдельное издание книги. Впервые материалы были опубликованы в собрании сочинений А. С. Макаренко (М., 1957—1958). Название текста дано составителем.

9. **Организационное строение коллектива.** Под этим заголовком объединены отрывки из «Методики организации воспитательного процесса» («Организационное строение коллектива» и «Самоуправление в отряде»). (См.: А. С. Макаренко. Соч., т. V. М., 1958.)

10. **Что такое сводный отряд.** Отрывок из главы «Командирская педагогика» первой части «Педагогической поэмы». В нем дается обобщение педагогических находок А. С Макаренко в первые годы его работы в колонии имени М. Горького по организации коллектива воспитанников в труде. Название дано составителем.

11. **Из «Конституции страны ФЭД».** «Конституция» была написана к пятилетию коммуны имени Ф. Э. Дзержинского и впервые напечатана в сборнике «Второе рождение» (Харьков, 1932). В ней отражены законы жизни коллектива коммунаров, выработанные в совместном труде, учении, борьбе. В настоящем сборнике помещены лишь выдержки из этого документа, характеризующие организацию коллектива коммунаров на производстве, их права и обязанности. Полностью «Конституция» опубликована во втором томе сочинений А. С. Макаренко (М., 1957).

12. **Из «Объяснительной записки к проекту организации трудового детского корпуса (1934 год)».** «Объяснительная записка» полностью была опубликована в седьмом томе первого издания сочинений А. С. Макаренко (М., 1952).

В отрывке, помещенном в настоящем сборнике, рассматривается вопрос о включении производительного труда детей в систему экономических отношений общественного социалистического производства.

13. **О лесной школе.** Идею создания лесной школы для детей, имеющих родителей, А. С. Макаренко выдвинул еще в 1928 г. В 1936 г. он обращается через «Литературную газету» с письмом о лесной школе в Совет жен писателей. В письме содержится ряд ценных мыс-

лей о педагогических требованиях к воспитательным детским учреждениям типа современных школ-интернатов.

14. **Об опыте трудовой заботы.** Фрагмент главы из материалов, подготовленных А. С. Макаренко для II и III томов «Книги для родителей». Впервые опубликован в четвертом томе второго издания сочинений (М., 1957).

В помещенном здесь отрывке развивается многократно подчеркиваемая Макаренко мысль о том, что детский труд должен быть не просто трудом-работой, но еще и трудом-заботой — заботой о своем коллективе, о социалистической Родине.

15. **Труд как моральная категория.** Под этим заголовком в сборнике объединены два фрагмента из подготовительных материалов А. С. Макаренко для II и III томов «Книги для родителей». Один из них («Вот у вас родился ребенок») был опубликован впервые в седьмом томе сочинений А. С. Макаренко (М., 1952), а другой («Труд как моральная категория») — в четвертом томе второго издания (М., 1957).

В этих фрагментах речь идет о воспитании чувств советского гражданина, о недопустимости барского отношения к труду и человеку.

16. **Воспитание в труде.** В 1937 г. А. С. Макаренко написал восемь лекций о семейном воспитании детей для передач по радио, которые состоялись осенью 1937 г. Лекция «Воспитание в труде» была впервые опубликована в газете «Известия» в 1940 г. В том же году «Лекции о воспитании детей» вышли отдельной книжкой под ред. Г. С. Макаренко и В. Н. Колбановского.

В этой лекции говорится, что задача воспитания — научить детей любить труд, развивать у них не только физические, но и умственные силы.

17. **Выбор профессии.** Статья написана А. С. Макаренко в 1937 г., когда он был привлечен к проведению консультаций по выбору профессии для оканчивающих среднюю школу. Макаренко выступал по этому вопросу на собраниях учащихся, проводил индивидуальные беседы. Впервые статья была опубликована в 1948 г. в сборнике «А. С. Макаренко. Педагогические сочинения».

18. **Радость труда.** Под этим названием во второй части настоящего сборника даются отрывки из художественных произведений А. С. Макаренко, ярко иллюстрирующие его опыт и идеи в области трудового воспитания детей. Название дано составителем.

19. **Хлеб собрать человеку — торжество из торжеств.** Название первого раздела второй части сборника. Здесь собраны отрывки из «Педагогической поэмы», показывающие становление и развитие сельскохозяйственного производства в колонии имени А. М. Горького.

Для заголовка раздела взяты слова А. С. Макаренко из главы «Четвертый сводный» второй части «Педагогической поэмы».

20. **Сортовые семена.** Под этим названием объединены отрывки из одноименной главы и главы «Хождение Семена по мукам» из первой части «Педагогической поэмы».

21. **Сельскохозяйственное увлечение.** Отрывки из глав «Хождение Семена по мукам» и «Пополнение» «Педагогической поэмы». Название дано составителем.

22. **Девятый и десятый отряды.** Отрывки из одноименной главы «Педагогической поэмы» и главы «Начало фанфарного марша».

23. **Четвертый сводный.** Глава из второй части «Педагогической поэмы». Печатается с незначительными сокращениями.

24. **Осень.** Отрывок из одноименной главы второй части «Педагогической поэмы».

25. **Лица эти делаются в колонии.** Отрывок из главы «Свадьба» второй части «Педагогической поэмы». Названием послужили слова А. С. Макаренко (наст. сб., с. 148).

26. **Самая радостная перспектива.** Отрывки из глав «Не пищать», «Трудные люди» и «У подошвы Олимпа» «Педагогической поэмы». Для названия использованы слова А. С. Макаренко (наст. сб., с. 149).

27. **Праздник первого снопа.** Отрывок из главы «Первый снопа» «Педагогической поэмы».

28. **Начало коммуны.** Под этим названием объединены отрывки из «Педагогической поэмы», «Марша 30 года», «ФД-1» и «Флагов на башнях», дающие схематическую картину развития производства в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Название дано составителем.

29. **Промфинплан.** Отрывок из главы «Награды» третьей части «Педагогической поэмы». Третья, последняя, часть «Педагогической поэмы» впервые была опубликована в 1935 г в альманахе «Год XVIII», издававшемся под ред. А. М. Горького, а в 1936 г. вышла отдельной книгой. Название дано составителем.

30. **Куда мы идем?** Глава из повести А. С. Макаренко «Марш 30 года», которая была написана в 1930 г. после похода коммунаров по Крыму и явилась своего рода художественно-педагогической иллюстрацией к оценке А. М. Горького деятельности коммуны (1928 г.): «Коммуна — это окно в коммунизм».

«Марш 30 года» — первая книга А. С. Макаренко, в которой он последовательно раскрыл основные положения своей педагогической системы — системы воспитательного коллектива.

31. **Не мастерские, а цехи.** Отрывки из главы «Стадион имени Блюма» повести «Флаги на башнях». Эта повесть была написана в первой половине 1938 г. и в том же году опубликована в журнале «Красная Новь» (№№ 6, 7, 8). Отдельным изданием книга вышла в 1939 г. Тема повести, как писал сам Макаренко,— «образцовый воспитательный советский коллектив, давно сложившийся, растущий материально и духовно на основе больших концентрированных коллективных сил, обладающий традицией и совершенной формой, вооруженный тончайшей педагогической техникой — социалистический детский коллектив» [1].

32. **Страсть к идее.** Отрывок из девятой главы третьей части повести «Флаги на башнях». Название дано составителем.

33. **Труд — коллектив — личность.** Третий раздел второй части сборника, в котором объединены отрывки из произведений Макаренко, показывающие роль труда в формировании личности в условиях детского коллектива. Название дано составителем.

34. **В машинном цехе.** Из одноименной шестой главы повести «Марш 30 года».

35. **Сборный.** Одноименная глава (седьмая) повести «Марш 30 года».

36. **Хозяева.** Из одноименной девятой главы «Марш 30 года».

---

[1] Макаренко А. С. Соч., т. III, с. 197.

37. **Копейки и мальчики.** Из одноименной десятой главы «Марша 30 года».

38. **На дороге.** Из одноименной тринадцатой главы «ФД-1».

39. **Довольно интересная мысль.** Одноименная двадцать третья глава первой части повести «Флаги на башнях».

40. **Проножки.** Одноименная двадцать пятая глава первой части повести «Флаги на башнях».

41. **Петли.** Одноименная шестая глава второй части повести «Флаги на башнях».

42. **В жизни все бывает.** Одноименная двадцать третья глава второй части повести «Флаги на башнях».

43. **Переход количества в качество.** Одноименная вторая глава повести «ФД-1». В настоящем сборнике в начале этой главы дана последняя страница из повести «Марш 30 года» (глава «Заключение»). Такое соединение оправдано, т. к. «ФД-1» является продолжением «Марша 30 года».

44. **На новом заводе.** Из одноименной девятнадцатой главы третьей части повести «Флаги на башнях».

45. **Это и есть энтузиазм.** Название последнего раздела второй части сборника. В нем помещены отрывки из повести «Флаги на башнях», характеризующие роль соревнования и других моральных стимулов в организации производительного труда детей. Название дано составителем.

46. **Боевая сводка.** Первая глава третьей части повести «Флаги на башнях».

47. **Штыковой бой.** Из пятой главы третьей части повести «Флаги на башнях».

48. **Флаги на башнях.** Семнадцатая глава третьей части повести «Флаги на башнях».

49. **Что такое энтузиазм.** Восемнадцатая глава третьей части повести «Флаги на башнях».

50. **Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве.** Подписано 5 сентября 1933 г. Т. Д. Татариновым — заведующим производственным обучением в коммуне имени Ф. Э. Дзержинского. Впервые опубликовано в седьмом томе второго издания сочинений А. С. Макаренко (М., 1958).

51. **Основные даты развития производства в колонии имени А. М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского.** Составлены на основании данных, имеющихся в собрании сочинений А. С. Макаренко, и других источников, указанных в списке рекомендуемой литературы.

РЕКОМЕНДУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Маркс К. Тезисы о Фейербахе. Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3.

Маркс К. Капитал, т. I, глава 5, раздел «Процесс труда»; глава 13. Соч., т. 23.

Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология. Раздел «Фейербах». Соч., т. 3.

Энгельс Ф. Принципы коммунизма. Соч., т. 4.

Энгельс Ф. Диалектика природы, глава «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека». Соч., т. 20.

Ленин В. И. Гимназические хозяйства и исправительные гимназии. Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Перлы народнического прожектерства. Полн. собр. соч., т. 2.

Ленин В. И. Великий почин. Полн. собр. соч., т. 39.

Ленин В. И. Задачи союзов молодежи. Полн. собр. соч., т. 41.

Ленин В. И. О политехническом образовании. Заметки на тезисы Надежды Константиновны. Полн. собр. соч, т. 42.

Крупская Н. К. Трудовое воспитание и политехническое образование. Соч., т. 4. М., 1959.

Программа Коммунистической партии Советского Союза. М. 1976.

Материалы XXIV съезда КПСС, М., 1971.

Материалы XXV съезда КПСС, М., 1976.

Брежнев Л. И. О коммунистическом воспитании трудящихся. Речи и статьи. М., 1974.

Машеров П. Идейно-политической работе — высокую действенность. М., 1975.

Макаренко А. С. Соч. в семи томах. М., 1957—1958.

XXV съезд КПСС и актуальные проблемы коммунистического воспитания молодежи. «Комсомольская правда», 1976, 11 июня.

Воспитание общественной активности учащихся. Под ред. Н. Г. Огурцова, В. П. Александровской. Мн., 1972.

Воспитательная работа в школе. Сб. документов. Сост. В. М. Коротов. Под ред. М. И. Кондакова. М., 1976.

Гордин Л. Ю. Коллективное самообслуживание школьников. М., 1965.

Гордин Л. Ю. Нравственное воспитание школьников в труде. М., 1967.

Идеи А. С. Макаренко в современной школе. Воронеж, 1976.
Козлов И. Ф. Единство воспитания и жизни детей. М., 1964.
Коротов В. М. Самоуправление школьников. М., 1976.
Лихачев Б. Т. Теория коммунистического воспитания. М., 1974.
Опыт творческого использования педагогической системы А. С. Макаренко в профтехучилищах. Сб. статей. М., 1975.
Примерное содержание воспитания школьников. Под ред. И. С. Марьенко. Мн., 1977.
Сокольников Ю. П. Общественно полезная деятельность как фактор формирования личности подростков. Чебоксары, 1971.
Трудовое воспитание учащихся в V—VIII классах. Под ред. Л. И. Новиковой. М., 1967.
Чернышенко И. Д. Система общественно полезного труда учащихся в современной советской школе. Мн., 1974.

СОДЕРЖАНИЕ

Система трудового воспитания в опыте и воззрениях А. С. Макаренко *Л. Ю. Гордин.* . 3

Часть I. **В воспитательной работе труд должен быть одним из самых основных элементов**

На педагогических ухабах . . 40
Педагоги пожимают плечами . 48
Трудовое воспитание 59
Из опыта работы 77
Докладная записка об организации свободной мастерской 83
Свободная мастерская . . . 84
Воспитатель 85
Организационное строение коллектива 88
Что такое сводный отряд . . 93
Из «Конституции страны ФЭД» 96
Из «Объяснительной записки к проекту организации трудового детского корпуса (1934 год)» 97
О лесной школе . . 99
Об опыте трудовой заботы . 100
Труд как моральная категория 101
Воспитание в труде . 107
Выбор профессии . 118

Часть II. **Радость труда**

1. Хлеб собрать человеку — торжество из торжеств 122
   Сортовые семена . . . . . —
   Сельскохозяйственное увлечение 127
   Девятый и десятый отряды 133
   Четвертый сводный . . 136
   Осень 143
   Лица эти делаются в колонии 148
   Самая радостная перспектива 149
   Праздник первого снопа 154
2. Начало коммуны . . 162
   Промфинплан . . —
   Куда мы идем? . . 165
   Не мастерские, а цехи 169
   Страсть к идее . . 172

3. Труд — коллектив — личность 176
В машинном цехе . . —
Сборный . . 179
Хозяева 183
Копейки и мальчики 186
На дороге . . 187
Довольно интересная мысль 190
Проножки 193
Петли . . . 197
В жизни все бывает . . 199
Переход количества в качество 203
На новом заводе 210
4. Это и есть энтузиазм 214
Боевая сводка —
Штыковой бой . 219
Флаги на башнях . 221
Что такое энтузиазм . . . 226

Приложения

Положение о дисциплинарных взысканиях и поощрениях коммунаров на производстве 236
Основные даты развития производства в колонии имени А. М. Горького и коммуне имени Ф. Э. Дзержинского 238
Примечания к заголовкам . 248
Рекомендуемая литература . 253

Антон Семенович Макаренко

Трудовое воспитание

Редактор *В. Н. Дударева.* Художник *Л. И. Бетанов.* Художественный редактор *Н. Л. Шавшукова.* Технический редактор *Л. П. Сопот.* Корректор *М. А. Поддубская.*

ИБ № 357

Сдано в набор 21/IX 1976 г. Подписано в печать 6/I 1977 г. Формат 84×108 1/32. Бум. тип. № 3. Усл. печ. л. 13,44+0,1 вкл. Уч.-изд. л. 13,86+0,06 вкл. Тираж 257 000 экз. Заказ 3625. Цена 55 коп.

Издательство «Народная асвета» Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Минск, Ленинский проспект, 85.

Полиграфкомбинат им. Я. Коласа Государственного комитета Совета Министров БССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, Минск, Красная, 23.

Цена 55 коп.